

Частное учреждение образования
«Институт современных знаний имени А. М. Широкова»

Факультет гуманитарный
Кафедра менеджмента и коммуникаций

СОГЛАСОВАНО
Заведующий кафедрой
Мотульский Р. С.

24.09.2025 г.

СОГЛАСОВАНО
Декан факультета
Иноземцева И. Е.

24.09.2025 г.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ. СИНТАКТИКА

*Электронный учебно-методический комплекс
для обучающихся специальности
6-05-0231-03 Лингвистическое обеспечение
межкультурной коммуникации (английский и второй иностранный язык)*

Составитель
Ширяева Н. Н., старший преподаватель кафедры менеджмента и коммуникаций
Частного учреждения образования «Институт современных знаний имени
А. М. Широкова»

Рассмотрено и утверждено
на заседании Совета гуманитарного факультета
протокол № 2 от 25.09.2025 г.

Р е ц е н з е н т ы:

кафедра немецкого и романских языков учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет» (протокол № 2 от 25.09.2025 г.);

Бартенева И. И., доцент кафедры немецкого и романских языков учреждения образования «Белорусский государственный университет», , кандидат филологических наук, доцент.

Рассмотрено и рекомендовано к утверждению
кафедрой менеджмента и коммуникаций
(протокол № 2 от 25.09.2025 г.)

Л59 Ширяева, Н. Н. Лингвистические основы коммуникации. Синтактика : учеб.-метод. комплекс для обучающихся специальности 6-05-0314-03 Социально-культурный менеджмент и коммуникации [Электронный ресурс] / Сост. И. Г. Углик. – Электрон. дан. (1,3 Мб). – Минск : Институт современных знаний имени А. М. Широкова, 2026. – 223 с.

Систем. требования (миним.): процессор с частотой 1 ГГц, 1 ГБ оперативной памяти, 1 ГБ свободного места на жестком диске ; персональный компьютер под управлением ОС Microsoft® Windows® 7 и выше ; macOS® Leopard® и выше или мобильное устройство под управлением Android® 4.x и выше ; iOS® 9.x и выше ; Adobe Reader для соотв. ОС (или аналогичное приложение для чтения PDF-файлов).

Номер гос. регистрации в РУП «Центр цифрового развития» 1162646039 от 09.02.2026 г.

Учебно-методический комплекс представляет собой совокупность учебно-методических материалов, способствующих эффективному формированию компетенций в рамках изучения дисциплины «Лингвистические основы коммуникации. Синтактика».

Для студентов вузов.

Введение

Разработка и внедрение электронного учебно-методического комплекса (ЭУМК) в процесс обучения способствует раскрытию творческого потенциала студентов и направлено на формирование профессиональных дискурсивных компетенций.

Электронный учебно-методический комплекс по учебной дисциплине «Лингвистические основы коммуникации. Синтактика» предназначен для организации процесса обучения на гуманитарном факультете, готовящего специалистов по межкультурной коммуникации по специальности 6-05-0231-03 Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации (английский язык и второй иностранный язык).

Цель создания комплекса – сформировать системное представление о языке как знаковой системе и структуре, а также сформировать умения использовать методы синтаксического анализа языкового материала с учетом языковых факторов.

Актуальность создания ЭУМК обусловлена его профессиональной направленностью.

Теоретический и практический разделы ЭУМК позволят ознакомиться с материалами для:

- теоретического изучения учебной дисциплины;
- проведения семинарских занятий;
- подготовки к экзамену.

Целью изучения учебной дисциплины «Лингвистические основы коммуникации. Синтактика» является формирование системного представления о языке как знаковой системе и структуре, а также умения использовать методы синтаксического анализа языкового материала с учетом языковых факторов.

Основные задачи изучения:

- ознакомление с единицами языка, типами их отношений;
- развитие навыков корректного использования синтаксических понятий и единиц;

- развитие умений анализа текста, дискурса;
- совершенствование умений и навыков построения качественных сообщений.

Изучение учебной дисциплины «Лингвистические основы коммуникации. Синтактика» направлено на формирование следующих компетенций:

- осуществлять дискурсивную деятельность с соблюдением закономерностей сочетаемости языковых единиц разных уровней;
- владеть основами исследовательской деятельности, осуществлять поиск, анализ и синтез информации.

В результате изучения учебной дисциплины студент должен

· **знать:**

- виды сочетаемости лексем;
- основные признаки текста и дискурса;
- типологию текстов и их жанрово-стилистические разновидности;

· **уметь:**

- анализировать композицию и структуру текста;
- определять тип и жанровую разновидность текста;

· **иметь навыки:**

- трансформационного анализа;
- приема анализа текста.

В рамках образовательного процесса по данной учебной дисциплине студент должен приобрести не только теоретические и практические знания, умения и навыки по специальности, но и развить свой ценностно-личностный, духовный потенциал, сформировать качества патриота и гражданина.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

Синтактика как часть семиотики

Среди методологических приемов, успешно применяемых во всех случаях обращения к арсеналу семиотики, нельзя не назвать введенное еще Ч. Пирсом и развитое Ч. Моррисом разделение семиотики на три части – семантику, синтактику и прагматику.

Семантика имеет дело с отношениями знаков к тому, что они обозначают, т. е. с денотатами, значениями, именами, представленными в классическом семантическом треугольнике.

Синтактика рассматривает способы сочетания знаков, ведущие в конечном счете к порождению текстов. Ее предметом являются синтаксис и грамматика разных знаковых систем.

Прагматика занимается отношением знак – человек (коммуникант или реципиент).

Замысел, в соответствии с которым коммуникант подбирает и организует знаки, относится к компетенции прагматики. Замысел зависит от намерений и целей, преследуемых коммуникантом, его понимания важного и полезного в коммуникационной деятельности, поэтому глубинный смысл можно постичь только с позиций прагматики, учитывая ситуативно изменяющееся отношение человек – знак. Поверхностный смысл доступен всякому человеку, владеющему семантикой языка текста. Этот семиотический уровень – область семантики.

Синтактика имеет своим предметом план выражения сообщений, где ею определяется порядок следования знаков, т. е. отношения знак – знак, примером которых могут служить грамматические согласования между словами предложения.

Еще один пример семиотических аналогий дает общение людей, в котором, согласно социальной психологии, различаются три действия: восприятие

партнерами друг друга, передача друг другу смыслов и практическое взаимодействие.

Перцепцию (восприятие партнерами друг друга) можно соотнести с синтактикой, имея в виду упорядочение взаимоотношений партнеров; семантику с текстовой деятельностью, где происходит оперирование смыслами; прагматику с интеракцией (практическое взаимодействие), где преследуются практически важные цели.

Синтаксические образования (предложения) изучаются с разных сторон, поскольку они имеют сложную, многогранную организацию. В современной науке различают три аспекта синтаксиса:

- грамматический;
- семантический;
- коммуникативный.

Эти аспекты существуют не автономно друг от друга, а в тесном взаимодействии.

Г р а м м а т и ч е с к и й а с п е к т – это традиционный аспект. Именно в таком плане изучаются синтаксические единицы. И в синтаксической науке долгое время господствовал этот аспект. В этом аспекте синтаксические единицы представляют собой построения, конструкции, которые находятся в определенной системе. Изучается система этих конструкций. Например, существует такая модель предложения: N1–Vf. Под эту модель подходят очень разные с точки зрения смысла предложения. Например, *Девочка рисует. Солнце светит. Самолет летит* и т.д. В представлении грамматической модели предложения мы совершенно отвлекаемся от его содержания. Можно привести противоположные примеры, когда близкие по содержанию предложения (или даже идентичные) имеют разную формальную организацию: *Идет снег. Снег. Снежно.* Любые синтаксические единицы могут быть представлены как система моделей, система конструкций. Основные средства синтаксиса в грамматическом аспекте – словоформы, а также служебные слова.

Семантический аспект. Этот аспект предложения начал изучаться значительно позже, чем грамматический. Активное изучение семантического аспекта началось во второй половине XX века. В семантическом плане предложение рассматривается как обозначение какой-то ситуации, фрагмента действительности. Приведенные выше три предложения грамматически разные, но обозначают одну и ту же ситуацию *снег*. Этот фрагмент действительности может содержаться не только в предикативной основе предложения, но и во второстепенном члене: *Из-за снега мы не смогли выйти из дома*. В значении второстепенного члена предложения, обстоятельства, отражена та же самая ситуация. Отражение в синтаксической единице ситуации, фрагмента действительности называется пропозицией.

Приведем другой пример. Двусоставные предложения *Папа читает газету. Кошки царапаются. Идет снег* имеют одинаковую грамматическую структуру, но различаются семантически. Они обозначают разные типы ситуаций: активное действие субъекта, свойство субъекта, существование явления. Основное средство выражения семантики синтаксической единицы (пропозиции) – лексика, тип лексического значения: предикатная (признаковое значение) и предметная лексика.

Коммуникативный аспект. Синтаксические единицы – это не только конструкции и пропозиции. Они создаются в речи, в речевой ситуации для передачи актуальной информации, с конкретной целью. В качестве примера используем одно из приведенных выше предложений: *Снег идет* (в грамматическом аспекте N1–Vf, в семантическом аспекте *снег*). Это предложение можно произносить по-разному для выражения разных целей:

- 1) **Снег** идет – констатация ситуации;
- 2) Снег **идет** – сообщение о продолжении ситуации (как реакция на вопрос – подтверждение данного факта);
- 3) Дождь идет? – ожидание ответа.

Таким образом, одна и та же структура и одна и та же пропозиция здесь представлены как три разных высказывания.

Основные средства образования разных высказываний – это интонация и порядок слов. Различия в высказываниях, выраженные порядком слов: *Студенты поедут на экскурсию. На экскурсию поедут студенты.* В первом высказывании – сообщение о действии известного лица, во втором – о самом лице, выбранном для осуществления известного действия.

Синтаксис и семантика

В лингвистической науке синтаксис и семантика долгое время, изучались раздельно. Существовало совершенно четкое разграничение: лексикология занималась семантической стороной языка, а грамматика (морфология и синтаксис) – формально-грамматическим аспектом. В современном языкознании произошло соединение семантики и синтаксиса. В современной лексической семантике для точного толкования слова учитывается его синтаксическая сочетаемость. В синтаксических исследованиях обращается внимание на семантическую сторону синтаксических единиц, которые и в традиционном синтаксисе изучались и изучаются как двусторонние знаки, имеющие формальную и содержательную сторону. Но значение в формальном синтаксисе представляется именно как грамматическое, т. е. строго соответствующее форме. Например, есть предикативная конструкция, имеющая структурную схему N1–Vf. Эта структура имеет грамматическое значение: отношение между предикативным процессуальным признаком (глагол в предикативной форме) и его носителем (существительное в именительном падеже). Эта структурная схема может иметь безгранично разнообразное лексическое наполнение: *Брат рисует. Мама вяжет. Скоро наступит зима.* Предложения одинаковы с точки зрения грамматической структуры, но различаются по семантике: субъект и его активное действие, субъект и его качество, осуществление природного явления. Можно привести и такие примеры, когда одна и та же семантика передается разными синтаксическими формами. Все это заставило пересмотреть традиционный взгляд на значение синтаксических единиц как значение только синтаксической формы. Существенно и то, что создается лексическим наполнением. Предложе-

ние – это не только структура, но и обозначение, наименование фрагмента действительности, ситуации. Оно имеет, как и слово, свой денотат, но если денотат слова – предмет, признак, действие, то денотат предложения – ситуация.

Традиционно слово и предложение противопоставлялись по функции. Номинативная у слова и коммуникативная у предложения. В современной лингвистике установлено иное соотношение: слово имеет только номинативную функцию, а предложение – коммуникативную и номинативную. Чтобы осуществилась коммуникативная функция, в основе должна быть номинация ситуации.

Семиотика выделяет три основных аспекта изучения знака и знаковой системы:

1) *синтактику*, изучающую отношения между знаками, т.е. внутренние свойства систем знаков (правила построения знаков в рамках знаковой системы);

2) *семантику*, изучающую отношения между знаками и обозначаемыми предметами – внешним миром и внутренним миром человека, т. е. содержание знаков;

3) *прагматику*, изучающую отношение между знаком и человеком, т. е. те, кто пользуется знаками: говорящим, слушающим, пишущим, читающим.

Семантика коммуникаций указывает значение слов и символов, синтаксис коммуникаций относится к взаимосвязи между используемыми символами, а прагматика коммуникаций раскрывает их результативность и эффективность. Построение стройной теории понимания языка вызывает необходимость определить соотношение прагматики и семантики.

Семантика, являясь разделом семиотики, занимается анализом комплекса связанных между собой понятий. Она изучает значение единиц языка (слов, сочетаний слов). Объектом ее анализа является знак, фрагмент текста. Нахождение предметного значения (денотата) для какого-либо имени дает существенную информацию об этом имени, но, тем не менее, это не исчерпывает семантическую проблематику. Предметное значение указывает объем обозначенного данным именем понятия, но не объясняет его содержания.

Синтактика рассматривает структурные свойства знаковых систем с позиции их синтаксиса. Синтаксические связи в пределах простого предложения строятся как цепочки связанных слов. Такие связи формируются по признакам подчинения и сочинения. Сложные предложения могут строиться одновременно по признакам подчинения и сочинения или же лишь на основе одного признака. Подчинение бывает однородным, когда обе части предложения равновесны, или неоднородным, когда несколько подчинительных связей относятся к главному элементу, определяя его по-своему.

Общение – социально обусловленный процесс взаимосвязи и взаимодействия социальных субъектов. Процесс общения включает в себя обмен мыслями, чувствами, реализуемый при помощи, прежде всего, вербальных средств коммуникации. В процессе общения передаются не только фрагменты информации, но и социальный опыт, происходит изменение сущности взаимодействующих субъектов, социализация личности. Кроме того, воплощение социальных ценностей осуществляется и посредством материально-вещественных элементов, и в этом смысле материальные ценности являются посредником в определенных формах общения. Выбор стиля общения зависит от индивидуально-типологических характеристик людей, особенностей сложившихся отношений с конкретными людьми, коллективами. Среди стилей общения выделяют творчески-продуктивный, дружеский, дистанционный, подавляющий, деловой и др. Особое значение в общении имеет устная речь, язык мимики и жестов, в которой фиксируются определенные социальные значения.

Речевая деятельность в процессе общения и коммуникация – достаточно близкие понятия. В ряде случаев они взаимозаменяемы, но не являются синонимами. *Речевая деятельность* в узком понимании этого слова представляет собой социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации в условиях межличностного и массового взаимодействия с помощью вербальных и невербальных коммуникативных средств.

Язык как система

Слово именует *реалии* – элементы человеческого опыта, познанный человеком мир. Реалии – это физические объекты, одушевленные существа, люди, признаки предметов, отношения между предметами, события, факты, ситуации и т. п. С л о в о как знак фиксирует познанное человеком, закрепляет понятия, сформированные коллективным сознанием носителей языка. В сознании человека связь знака и реалии опосредствуется неким образом, представлением.

Соотношение между рассматриваемыми понятиями более точно можно представить так:

РЕАЛИЯ

ДЕНОТАТ

КОНЦЕПТ

СИГНИФИКАТ

ЗНАК

Реалия имеет своим соответствием денотат, т. е. не сам предмет по себе, а совокупность свойств всех однородных реалий, которые и определяют выбор данной номинации. Под один и тот же денотат может быть подведено множество близких реалий.

Денотат – это выделенный для наименования отдельный предмет, класс предметов, свойство, отношение, действие, состояние и т. д. Отношение знака к денотату называется денотацией.

Денотату в соответствие может быть поставлено понятие (концепт) как абстрактное, схематическое отображение наиболее существенных признаков класса, образующего данный денотат.

Сигнификат вбирает в себя из денотата (и концепта) только то, что коммуникативно значимо для данного языка. *С и г н и ф и к а т* – это языковое понятие, компонент семантической карты языка.

Денотат и сингификат входят в содержательную структуру языкового знака в качестве концептуального ядра его значения. В значение словесного знака наряду с концептуальным ядром, объективно ориентированной составляющей, может также входить субъективная составляющая, коннотативный компонент – узуальные эмоционально-экспрессивные, прагматические, стилистические компоненты.

Специфика языковой знаковой системы. Наиболее сложную и развитую знаковую систему образует язык. Он обладает не только исключительной сложностью строения и огромным инвентарем знаков, но и неограниченной семантической способностью передачи информации относительно любой области наблюдаемых или воображаемых фактов. Практически любая информация, переданная посредством неязыковых знаков, может быть передана с помощью языковых знаков, в то время как обратное часто оказывается невозможным.

Так как возможности познания мира человеком беспредельны, а человеческая память не бесконечна, язык устроен таким образом, чтобы с помощью конечного числа элементов передать бесконечное множество сообщений. Язык имеет в своем инвентаре в принципе конечное число воспроизводимых элементарных знаков типа морфем и слов и ограниченное число способов конструирования бесчисленного множества новых, неповторимых сложных знаковых образований типа словосочетаний, предложений, текстов.

В языковой знаковой системе несколько уровней структуризации и несколько уровней интеграции. Универсальное свойство языковой системы заключается в том, что для выражения каждой ситуации не требуется особый нечленимый знак.

Семиотическая система, в которой каждому сообщению соответствует сигнал, является элементарной семиотической системой. В такой системе за каждым передаваемым сообщением закреплено одно неразложимое выражение.

Например, междометие *Ох*, нельзя разложить на составляющие элементы, в отличие, например, от высказывания *Как здорово!* Неразложимые знаки встречаются в нелингвистических системах. В системе языка междометия и другие неразложимые знаки составляют незначительную часть языкового материала и находятся на периферии языковой системы.

Членение языка обеспечивает удобство обращения с языком. Процесс освоения языка и процесс пользования языком чрезвычайно экономно организованы. Такая экономичность обеспечивается членениями языковой семиотической системы. Членение означает, что высказывания не являются неразложимым целым, а состоят из более мелких элементов. Можно выделить разные виды членения. Минимальной единицей языка, имеющей знаковый характер, является *морфема (монема)*. Это минимальная языковая единица, обладающая собственным значением.

В знаке выделяются две стороны – *план выражения* и *план содержания*. План выражения разложим на фигуры плана выражения (*фонемы* и *дифференциальный признак фонем*), а план содержания разложим на фигуры плана содержания (*семы, семантические множители*).

Из морфем складываются слова. План содержания слов не является простой суммой планов содержания входящих в состав слова знаков-морфем. Соединение морфем в слово представляет собой возникновение нового знака, в котором можно уже не заметить связи с составившими его знаками.

В языковой системе можно выделить знаки полные, т.е. коммуникативно завершённые, самодостаточные (тексты, высказывания) и знаки частичные, т.н. коммуникативно недостаточные (слова, морфемы). Языкознание традиционно концентрировало внимание на назывных знаках. Новейшая семиотика сосредоточивает свое внимание на высказывании как полном знаке, с которым соотносится не отдельный элемент опыта, а некая целостная ситуация, положение дел.

Сочетание языковых знаков есть не просто механическое объединение равноправных знаков, но дает в результате сложный знак, обладающий свойством, не выводимым из суммы свойств составляющих его элементов.

Языковая система обладает способностью двукратного означивания. Знаки первичного означивания – номинативные знаки. Знаки вторичного означивания – коммуникативные знаки. Первичное означивание – семиотический способ, а вторичное означивание – семантический способ. Знаки первичного означивания должны быть узнаны, а вторичные знаки должны быть поняты. Первичное означивание – это старый опыт, а вторичное означивание – это новый опыт. Задача говорения заключается в том, чтобы согласовать новую реальность с известной. Новая реальность представляется с помощью фиксированных образов. Говорение есть сочетание языка с новой реальностью.

Язык имеет внутренний порядок, организацию своих частей в единое целое. Следовательно, *системность* и *структурность* характеризуют язык и его единицы как единое целое с разных сторон.

Большинство лингвистов понимает под системой тип целостности как закономерно организованное множество языковых единиц, связанных устойчивыми инвариантными отношениями, т. е.:

- 1) целостность;
- 2) наличие элементов (единиц);
- 3) наличие связей и отношений между ними.

Систему нельзя свести только к сумме составляющих ее элементов. Для ее характеристики решающее значение имеют связи и отношения между элементами, которые делают данную систему единым, целостным образованием. Связи и отношения – это способ организации элементов в систему. Он-то и представляет собой то, что называют структурой. Таким образом, структура – это одна из сторон системы, сеть, схема отношений между элементами за вычетом самих элементов. Поскольку совокупность элементов и структура являются компонентами системы, понятие системы является более широким по объему, чем понятие структуры.

Следовательно, система представляет собой организованное иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее ее в субстанцию (элементы), присущую конкретному языку для выполнения определенных целей. Глав-

ные причины, отличающие языки друг от друга, коренятся в различиях структур – в разных способах организации элементов в пределах целого. Поэтому «трактовать язык как систему – значит анализировать его структуру». Структура конкретного яруса (уровня), подуровня создается органическим единством синтагматических и парадигматических связей и отношений между единицами соответствующего уровня.

С и с т е м а языка – это инвентарь его единиц, объединенных в категории и ярусы по типовым отношениям; структуру языка образуют отношения между ярусами и частями единиц; следовательно, структура языка лишь один из признаков системы языка. Единица языка, категория языка, ярус языка, языковые отношения – эти понятия не совпадают, хотя они все важны для раскрытия понятия системы языка.

Е д и н и ц ы языка – его постоянные элементы, отличающиеся друг от друга назначением, строением и местом в системе языка. По своему назначению единицы языка делятся на номинативные, коммуникативные и строевые. Основной номинативной единицей является *слово* (лексема), коммуникативной *предложение*. Строевые единицы языка служат средством построения и оформления номинативных и коммуникативных единиц; строевыми единицами являются фонемы и морфемы, а также формы слов и формы словосочетаний.

Единицы языка распределяются по *категориям* и *ярусам* языка.

К а т е г о р и и языка – это группы однородных единиц языка; объединяются категории на основе общего, категориального признака, обычно семантического. Так, в русском языке имеются такие категории, как время и вид глагола, падеж и род имени (существительного и прилагательного), категория собирательности.

Я р у с языка – совокупность однотипных единиц и категорий языка. Основными ярусами являются фонетический, морфологический, синтаксический и лексический. Как единицы внутри категории, так и категории внутри яруса связаны друг с другом на основе типовых отношений. *Языковые отношения* –

это те взаимосвязи, которые обнаруживаются между ярусами и категориями, единицами и их частями. Основными типами отношений являются *парадигматические* и *синтагматические*, *ассоциативные* и *гипонимические* (иерархические).

Парадигматические отношения – это те отношения, которые объединяют единицы языка в группы, разряды, категории (на парадигматические отношения опираются, например, система согласных, система склонения, синонимический ряд); отношения противопоставленности и функционального тождества языковых элементов.

Из определения следует, что нужно различать два типа парадигматических отношений: оппозитивный и эквивалентностный. Оппозитивный тип – это отношение между инвариантами (разными функциональными единицами одного уровня языка); эквивалентностный тип парадигматических отношений – это отношения между вариантами одного инварианта.

Синтагматические отношения объединяют единицы языка в их одновременной последовательности. На синтагматических отношениях строятся слова как совокупность морфем и слогов, словосочетания и аналитические наименования, предложения (как совокупности членов предложения) и сложные предложения.

Синтагматические отношения можно определить, как отношения сочетаемости элементов одного уровня в речевой цепи, т. е. сочетание фонем с фонемами, морфем с морфемами и т. п.

Ассоциативные отношения возникают на основе совпадения во времени представлений, т. е. образов явлений действительности. Различают три вида ассоциаций: по смежности, по сходству и по контрасту. Эти виды ассоциаций играют большую роль при употреблении эпитетов и метафор, при образовании переносных значений слов.

Иерархические отношения – это отношения между неоднородными элементами, их подчинение друг другу как общего и частного, родового и видового, высшего и низшего. Иерархические отношения наблюдаются

между единицами разных ярусов языка, между словами и формами при их объединении в части речи, между синтаксическими единицами при объединении их в синтаксические типы.

Таким образом, язык – это система знаков, выражающих идеи. А з н а к и – сущности двусторонние: смысловая (понятийная, внутренняя, идеальная) сторона знака называется *планом содержания (означаемым)*; звуковая (материальная, внешняя) сторона знака называется *планом выражения (означающим)*. Связь между этими сторонами хотя и необходима, но для производных слов в принципе условна, будучи основанной на договоренности. Мотивированными можно признать знаки производной структуры, поскольку их значение и форма могут быть истолкованы через отсылку к соответствующему производящему однокоренному слову. Требованиям знаков отвечают все единицы языка, кроме фонем. Это морфемы (корни, приставки, суффиксы, окончания), слова, словосочетания, предложения (суперзнаки).

В процессе изучения языка его «расслаивают» на подсистемы все меньших рангов вплоть до микросистем. Самые крупные подсистемы называют уровнями языка. Таких уровней (ярусов) четыре:

- 1) фонетико-фонологический;
- 2) морфологический;
- 3) лексический;
- 4) синтаксический.

Фонемы, морфемы, лексемы и предложения находятся между собой в иерархических отношениях. Такой тип отношений, естественно, присущ и самим ярусам, что дает основания рассматривать язык как систему систем. Существует два типа таких отношений, присущих каждому ярусу языка – *синтагматические*, т. е. отношения сочетаемости одноуровневых единиц в речевой цепи, и *парадигматические* – отношения противопоставления (оппозитивные) и отношения функционального тождества элементов в системе языка (эквивалентностные).

Структура языка

Как орудие общения язык должен быть организован как целое, обладать известной структурой и образовать единство своих элементов как некоторая система. Прямое «отражение» вещей может быть только в звукоподражаниях, да и то внутренние фонетические законы могут препятствовать более точному воспроизведению звуков природы звуками речи. Поэтому одни и те же звуки природы как звукоподражания различны в разных языках. Обычные же, незвукоподражательные слова своим материальным составом ничего общего не имеют с обозначаемыми ими вещами и явлениями.

Моделирование языка предполагает разнесение выявленных языковых единиц по соответствующим иерархическим уровням (или ярусам, стратумам). Идея уровней предполагает иерархическое строение языковой системы, доминирование одних единиц над другими и, наоборот, подчинение одних единиц другим.

Уровневое строение языка становится очевидным при ступенчатом линейном членении высказывания. Сперва вычленяются предложения, в составе которых выделяются как их составляющие слова, распадающиеся, в свою очередь, на морфемы. Означающие морфем расчленяются на фонемы.

Единицы более низкого уровня входят в качестве интегрантов в единицы более высоких уровней. Так, фонемы функционируют в роли интегрантов морфем и слов. Еще более строгий подход требует признать, что не фонемы, представленные в виде ряда аллофонов, а фоны выступают интегрантами не морфем вообще, а морфов. Морфы же одной и той же морфемы нередко различаются по фонетическому составу. Морфемы выступают как интегранты слов. Интегрантами предложения будут не слова, а словоформы.

Итак, мы имеем следующие определения.

Фонема – наименьшая единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения морфем, слов.

Фон – конкретная реализация фонемы в потоке речи.

Аллофон – стандартная реализация звуковой единицы, в определенном фонетическом окружении.

Морфема – минимальная форма, наделенная значением.

Морф – минимальная знаковая единица текста, текстовый представитель морфемы.

Алломорф – стандартная реализация морфемы в определенном окружении.

Слово – минимальная свободная форма, т. е. – минимальная форма, потенциально способная быть высказыванием.

Словоформа – контекстно зависимый репрезентант слова.

Предложение – свободная форма, минимальная единица, являющаяся высказыванием.

Сверхфразовое единство – группа предложений, образующих интонационное, смысловое и грамматическое единство.

Текст – свободная форма, размером более чем одно предложение, а зачастую – более, чем одно сверхфразовое единство, обладающая интонационно-смысловым единством и коммуникативной целью.

Понятие уровня нередко соотносят с определенным этапом лингвистического анализа. Высказывание/текст на каждом очередном этапе могут быть представлены в виде последовательностей единиц описания, а именно последовательностей фонем (*фонологический уровень*), морфем или же морфов как их представителей в речи (*морфемный уровень*), слов или же, что лучше отвечает задачам исследования, последовательности словоформ (*лексико-морфологический уровень*), предложений (*синтаксический уровень*).

После того как развернутое высказывание будет представлено в виде последовательности предложений (*синтаксический уровень*), может быть дано его представление в виде последовательности смысловых структур, или пропозиций (*семантический уровень*) и затем его представление в виде последовательности речевых актов как носителей, определенных иллокутивных функций (*прагматический уровень*).

Искусственные знаковые системы

Знаки – это такие значащие единицы языка, как слова и морфемы. Рассмотрим, что же у них общего со знаками искусственных знаковых систем.

Экспоненты морфем и слов, как и экспоненты дорожных и иных знаков, материальны: в процессе речи морфемы и слова воплощаются в звуковой матери, в звучании, а при письменной фиксации – в материальном начертании. Все морфемы и слова обладают, как и неязыковые знаки, тем или иным содержанием: в сознании людей, знающих язык, они связываются с соответствующими предметами и явлениями, вызывают мысль об этих предметах и явлениях и, таким образом, несут определенную информацию. Подобно неязыковым знакам, морфемы языка и его слова участвуют в разнообразных противопоставлениях. Именно в силу противопоставления, как и в искусственных знаковых системах, возможны случаи нулевого экспонента, а у положительных экспонентов не все материальные свойства являются существенными.

Как и в искусственных системах, связь между экспонентом и содержанием языкового знака может быть либо чисто условной, либо в какой-то степени мотивированной. Но в языковых знаках изобразительная мотивированность экспонента встречается относительно редко, главным образом в звукоподражательных словах. Содержание знаков искусственных систем есть отражение в сознании человека предметов, явлений, ситуаций действительности и что знаки эти служат средством обобщения и абстракции. Это в еще большей мере относится к знакам языка, фиксирующим результаты абстрагирующей работы человеческого мышления. Все остальные языковые знаки обозначают классы предметов и явлений, и содержание этих знаков представляет собой обобщенное отражение действительности.

Следовательно, знаки языка во многом сходны со знаками других знаковых систем, искусственно созданных людьми. Сходство заключается в том, что язык, без сомнения, нужно считать системой знаков и правил их функционирования. Вместе с тем язык – знаковая система особого рода, заметно отличающаяся от искусственных систем.

Язык – универсальная знаковая система. Он обслуживает человека во всех сферах его жизни и деятельности и потому должен быть способен выразить любое новое содержание. Искусственные системы, рассмотренные выше, не являются таковыми. Все они – специальные системы с узкими задачами, обслуживающие человека лишь в определенных сферах, в определенных типах ситуаций. Все типы ситуаций, для которых созданы эти искусственные системы, в принципе предусмотрены заранее при создании системы. Следовательно, количество содержаний, передаваемых знаками такой системы, точно ограничено. Если возникает потребность выразить какое-то новое содержание, требуется специальное соглашение, вводящее в систему новый знак, т. е. изменяющее саму систему. Знаки в искусственных системах либо вовсе не комбинируются между собой в составе одного сообщения, либо же комбинируются в строго ограниченных рамках, и эти комбинации обычно точно фиксируются в виде стандартных сложных знаков (ср.: запрещающие дорожные знаки).

Напротив, количество содержаний, передаваемых средствами языка, в принципе безгранично. Эта безграничность создается, во-первых, очень широкой способностью к взаимному комбинированию и, во-вторых, безграничной способностью языковых знаков получать по мере надобности новые значения, не обязательно утрачивая при этом старые. Далее, язык – система, по своей внутренней структуре значительно более сложная, чем рассмотренные искусственные системы. Сложность проявляется здесь уже в том, что целостное сообщение лишь в редких случаях передается одним целостным языковым знаком. Такая передача одним знаком возможна лишь для некоторых сообщений. Обычно же сообщение, высказывание есть некая комбинация большего или меньшего числа знаков. Это комбинация свободная, создаваемая говорящим в момент речи, комбинация, не существующая заранее. Языковой знак, как правило, есть, следовательно, не целое высказывание, а лишь компонент высказывания. Как правило, он дает не целостную информацию, соответствующую определенной ситуации, а лишь частичную информацию, соответствующую отдельным элементам ситуации, на которые этот знак указывает, выделяет,

называет и т. п. При этом знак, в свою очередь, может быть простым, элементарным (т. е. морфемой) или сложным (мноморфемным словом). Некоторые языковые знаки являются «пустыми», т. е. не обозначают никаких «внеязыковых реальностей». Эти знаки выполняют чисто служебные функции. Так, окончания прилагательных в русском языке обычно функционируют лишь как показатели синтаксической связи (согласования) данного прилагательного с определяемым существительным (*новый журнал – новая газета – новое письмо*). Кроме того, каждый язык складывался и изменялся стихийно, на протяжении тысячелетий. Поэтому в каждом нет симметрии между планом содержания и планом выражения. Во всех языках немало знаков с полностью совпадающими экспонентами, так называемых омонимов, например, *лук* ‘растение’ и *лук* ‘оружие’.

Словосочетание

Словосочетаниями обычно называют грамматические единства, образуемые посредством соединения двух или большего количества слов, принадлежащих к знаменательным частям речи, и служащие обозначением какого-нибудь единого нерасчлененного понятия или представления. Словосочетания неотъемлемый строительный материал для предложений, вместе с тем они качественно отличаются от последних. Не входя в систему коммуникативных средств, словосочетания лишены предикативности. Тип словосочетания не терпит стечения двух неотъемлемых компонентов предложения субъекта и предиката. Усложнение словосочетания, его разворачивание возможно лишь в условиях исключенного субъекта или предиката. Совмещение двух концентров дает предложение. Любое словосочетание строится по принципу *зависимый член + главный член*.

Таким образом, структура словосочетания характеризуется тем, что оно организуется около одного знаменательного слова, являющегося его формирующим стержнем. Конструктивные свойства словосочетания определяются грамматическим и лексическим содержанием.

Всякое общение обычно состоит в раскрытии признаков предметов и действий. Словосочетание – как строительный материал потока речи, всегда состоящей из двух частей. Одна часть раскрывает признак другой части, уточняет, дополняет его содержание, т. е. в пределах структурной единицы словосочетания заключено выражение различных характеристик предметов и действий.

Любое словосочетание строится по принципу *зависимый член + главный член*, а в широком смысле слова это фактически *определение + определяемое*. Отсюда можно сделать вывод, что словосочетания могут быть материалом для изучения связи слов в речи и их валентности. В реальной действительности им соответствуют всякого рода характеристики различных предметов и явлений.

Для словосочетания как единицы низшего уровня синтаксической системы целесообразно выделить следующие различительные (дифференциальные) признаки и учитывать их при анализе словосочетания:

- 1) *грамматический* (непредикативная единица);
- 2) *функциональный* (единица номинативного плана, выражающая единое, но расчлененное понятие о предметах, признаках, действиях);
- 3) *структурный* (конструкция, состоящая не менее чем из двух знаменательных слов, связанных подчинительной связью согласования, управления, примыкания);
- 4) *семантический* (конструкция, в которой выражаются определенные синтаксические отношения между словами);
- 5) *парадигматический* (единица, представленная системой форм, опирающихся на формы главного, стержневого слова).

Понятие словосочетания естественно соотносится с понятием слова и понятием предложения.

Перечислим признаки, которые объединяют эти понятия. Итак, слова и словосочетания:

- 1) входят в речь только в составе предложения;
- 2) не имеют предикативных значений, интонации сообщения;

3) выступают как номинативные средства языка, называя предметы, их признаки, действия;

4) имеют парадигму изменения.

Признаки различия проявляются в структуре и в значении: слово – лексическая единица, состоящая из морфем, словосочетание – синтаксическая единица, состоящая из двух и более знаменательных слов, объединенных подчинительной связью.

Слово называет предметы и явления действительности в нерасчлененном виде. Оно может иметь большой набор потенциальных сем, который определяет количество возможных словосочетаний, где потенциальные семы уточняются и раскрываются (ср.: *писать письмо, писать красиво, писать ручкой, писать на доске, писать другу; спать на диване, спать крепко, спать два часа* и т. д.). Словосочетания называют предметы и явления действительности в расчлененном виде, то есть имеют конкретное, развернутое наименование, не требующее дальнейшего уточнения. Эта особенность лишает данную единицу возможности иметь потенциальные семы (ср.: *обеденный стол, письменный стол, диетический стол, паспортный стол* и т. д.).

В соотношении понятий *словосочетание* и *предложение* основным признаком, различающим их, является наличие предикативности, модальности, синтаксического времени и интонационной завершенности у предложения и отсутствие названных признаков у словосочетания. И действительно, в любом словосочетании одна его часть определяет другую. В этом, пожалуй, и состоят все познавательные возможности, которые может раскрыть изучение различного рода словосочетаний. Формулы словосочетаний в различных языках мира отличаются большим разнообразием. Однако не утрачивается возможность установить наличие общих типов.

Словосочетания строятся по определенным грамматическим образцам, формирующимся в языке на основе категориальных свойств слов. Так, словосочетания типа *зеленый абжур, интересная книга* формируются по модели «имя существительное – согласуемое с ним слово». Способность слова соче-

таться с другими словами и формы проявления этой способности зависят не только от грамматических свойств слова (прежде всего от принадлежности слова к той или другой части речи), но и от его лексического значения.

Словосочетание как единица, называемая качественно отлична от предложения как единицы сообщаемой: словосочетание лишено основных признаков предложения – синтаксических категорий модальности, времени, лица, интонации сообщения. Вместе с тем словосочетание тесно связано с предложением, поскольку функционирует оно в составе предложения, обнаруживая здесь разные возможности и разные правила своего употребления. В предложении словосочетание может выступать в неизменном виде или подвергаться различного рода изменениям лексического и формального характера (например, приобретать дополнительные оттенки значения под влиянием информативного содержания предложения, менять порядок следования компонентов в связи с актуальным членением).

Следует различать словосочетания и сложные слова, образованные сращением (слиянием) двух и более слов. Проблема различения тех и других существует, прежде всего, в языках аналитического типа. Так, в английском языке сложные слова (*black-cock* – тетерев, *ice-cream* – мороженое и т. п.) формально отличаются от соответствующих словосочетаний (*black cock* – черный петух, *ice cream* – ледяной крем) только наличием одного сильного ударения при двух ударениях в словосочетаниях. Сложные слова, напоминающие по форме словосочетания, встречаются и в русском языке: *вечнозеленый*, *долгоиграющий*, *вышеприведенный* и т. п.

Теория словосочетаний, вопросы, касающиеся их структурной классификации, взаимоотношения словосочетания и предложения и соответственно границ словосочетания, разработаны главным образом в русской советской лингвистике. Современные зарубежные лингвисты понятием словосочетания пользуются ограниченно и не имеют соответствующего специального термина, применяя в необходимых случаях более широкие по смыслу термины *синтагма* (англ. *syntagm*) или *фраза* (англ. *phrase*). Иногда эти термины употребляются

при определении достаточно близкого к словосочетанию понятия. Так, фраза (*phrase*) определяется как любая группа слов, грамматически эквивалентная отдельному слову и не имеющая собственного подлежащего и сказуемого.

В минимальной степени коммуникативно-прагматические свойства проявляются в словосочетании. В его структуре главенствуют формально-структурные и семантические составляющие. Сами словосочетания не воспроизводимы, но воспроизводимы формально-структурные и семантические схемы, которые и реализуются в процессах порождения актуальных словосочетаний, т. е. сочетаний конкретных слов определенных грамматических классов. Это как раз и дает основание говорить и о речевом, и о языковом статусе словосочетаний.

Под понятие словосочетания разными учеными подводятся:

1) любые сочетания слов, в том числе и сочетания знаменательных слов со служебными (*в университете, на экзамене, der Tisch, la table, the table*);

2) сочетания любых двух (и более) знаменательных слов (*сдать экзамен, вернуться домой, увлекательный рассказ, применять новую методику; студенты поют*);

3) сочетания двух (и более) знаменательных слов, не строящиеся по структурной схеме «Имя (в именительном падеже) + Глагол (в личной форме)» (В. В. Виноградов и его последователи).

В синтаксической системе соответствующего языка наличествует конечный набор инвариантных схем (или моделей) словосочетаний, в которых формальные и семантические аспекты выступают в тесном единстве. Такие схемы фиксируют не просто типы сочетаний слов как носителей лексических и грамматических значений, т.е. семантем и граммам, но и приобретаемые данными словами синтаксические функции, характеризующие их в отношении друг к другу и к конструкциям в целом. Поэтому такие схемы могут быть представлены и в терминах грамматических классов сочетающихся слов (например, «Существительное + Прилагательное», «Глагол + Существительное в косвенном падеже», «Глагол + Наречие»), и в терминах синтаксических функций/позиций

сочетающихся слов, например, «Подлежащее + Сказуемое», «Сказуемое + Дополнение», «Сказуемое + обстоятельство».

Слово в синтаксической конструкции, приобретая синтаксическую функцию, становится элементарным синтаксическим знаком – *синтаксемой*. Синтаксема представляет собой слово (обычно знаменательное слово или же сочетание знаменательного слова со служебным) в его синтаксическом использовании, слово как носитель синтаксической функции. Она может входить в предложение и как элемент словосочетания, и непосредственно.

Типы словосочетаний

В зависимости от количества составляющих компонентов словосочетания делятся на *простые* и *сложные*.

Простые словосочетания состоят из двух знаменательных слов. Это слово, распространенное одним компонентом, например, *загородная прогулка; лететь самолетом; недостаточно прочный; очень веселый*. Как правило, простые словосочетания двусловны. К простым словосочетаниям относятся словосочетания, в составе которых имеются аналитические формы слова, например, *буду говорить откровенно; самый интересный сюжет*. К числу простых в семантическом отношении примыкают и словосочетания, в которых зависимый компонент представляет собой синтаксическое или фразеологическое единство (несвободное словосочетание), например, *человек низкого роста* (нельзя: *человек роста*), *офицер с загорелым лицом* (нельзя: *офицер с лицом*); *девушка шестнадцати лет* (нельзя: *девушка лет*). Семантически такие словосочетания равноценны двусловным: *низкорослый человек, загорелый офицер, шестнадцатилетняя девушка, работать плохо*; такому же типу словосочетаний близки словосочетания с фразеологизированными глагольными образованиями канцелярского, книжного характера – *производить осмотр помещени,; проявлять интерес к делу, оказывать помощь нуждающимся, вести борьбу с разгильдяйством, принимать участие в соревнованиях* (ср.: *осматривать помещения, интересоваться делом, помогать нуждающимся, бороться с разгиль-*

действием, участвовать в соревнованиях). Такие словосочетания представляют собой образования переходного типа от простых к сложным: семантически они являются – простыми, а структурно – сложными, т. к. допускают вычленение из их состава двухсловных словосочетаний – *производить осмотр, проявлять интерес, низкий рост, загорелое лицо, шестнадцать лет, спустя рукава.*

Словосочетания сложные состоят более чем из двух знаменательных слов. Они представляют собой различную комбинацию простых словосочетаний или слова и простого словосочетания. Возможны некоторые обобщения таких комбинаций.

Простое словосочетание и зависимая от него отдельная словоформа: *часто применяемый в клинике, кирпичный дом на окраине, настойчиво просить о помощи, красивое платье в горошек.* Такие словосочетания распадаются на две части: *часто применяемый в клинике, кирпичный дом на окраине, настойчиво просить о помощи, красивое платье в горошек.* Особенность таких словосочетаний состоит в том, что в них зависимые словоформы друг с другом не связаны грамматически, а это дает возможность и по-другому представить внутреннее членение словосочетания: *часто применяемый в клинике, кирпичный дом на окраине, настойчиво просить о помощи, красивое платье в горошек.*

Стержневое слово и две (и более) зависимые словоформы, не образующие словосочетания (т. е. не связанные друг с другом). Это некоторые глагольные словосочетания, в которых глагол способен распространяться двумя существительными: *положить доски в ряд, вовлечь учащихся в работу, завернуть книгу в бумагу, превратить воду в пар, вбить кол в землю, вернуть сдачу кассиру, сшить пальто ребенку.* Такие словосочетания, в отличие от первых двух групп, не являются продуктом соединения целых словосочетаний. Образование этих словосочетаний объясняется лексико-грамматическими свойствами переходных глаголов: они способны распространяться несколькими предложно-падежными формами, т. е. обнаруживают двойную синтаксическую связь: *превратить воду и превратить в пар; вбить кол и вбить в землю; вернуть сдачу и вернуть кассиру; сшить пальто и сшить ребенку.* Такие словосочетания возможны и среди

некоторых субстантивных: *превращение воды в пар, вовлечение учащихся в работу*. Нетрудно заметить, что имена существительные в них отглагольного происхождения.

Наряду с трехсловными словосочетаниями могут образовываться словосочетания четырехсловные, пятисловные и т. п. Однако такие сложные словосочетания строятся по тому же принципу: распространения уже имеющихся слов в словосочетании простом или сложном трехсловном. Например, *готовый бороться – готовый бороться в одиночку, всегда готовый бороться в одиночку; скупая на цвета природа – скупая на цвета северная природа, очень скупая на цвета северная природа; вкусное яблоко – вкусное на вид яблоко, вкусное на вид антоновское яблоко, очень вкусное на вид антоновское яблоко*. Несмотря на большой объем таких словосочетаний, они не теряют своего семантико-грамматического единства, т. к. принципы соединения составляющих их компонентов сохраняются: они опираются на принцип построения простых словосочетаний. Такие словосочетания иногда называются комбинированными. Строятся они на основе связей, исходящих от разных стержневых слов: *увлеченно читать интересную книгу (увлеченно читать, читать книгу, интересную книгу)*.

Возможность построения сложных многословных словосочетаний отнюдь не свидетельствует о безграничности их объема. Усложнение простых словосочетаний ограничено рамками некоммуникативных объединений слов. Соединения слов, полученные на основе предикативности, не могут рассматриваться в кругу словосочетаний. Следовательно, объем словосочетания ограничен его грамматической природой, его качественным отличием от предложения.

Лексико-грамматические типы словосочетаний. В зависимости от принадлежности главного слова к той или иной части речи различаются лексико-грамматические типы словосочетаний: *глагольные, именные и наречные*. Более детально классификация по такому признаку может быть представлена следующим образом.

I. Глагольные словосочетания.

1. Глагольные словосочетания с зависимым именем существительным и местоимением:

1) беспредложные – *купить хлеба, жалеть людей, писать карандашом, залить водой, понравиться ей;*

2) предложные – *подойти к причалу, сесть на землю, поговорить с другом, подумать о жизни, расположиться у дороги, выйти из-под влияния, обратиться к нему.*

2. Глагольные словосочетания с зависимым инфинитивом или деепричастием – *просить приехать, предложить отдохнуть, поехать полечиться, идти не оглядываясь, сидеть задумавшись.*

3. Глагольные словосочетания с наречием – *поступать правильно, выражаться туманно, рассказывать увлекательно, повторять дважды, увеличивать вдвое, поселиться наверху.*

II. Именные словосочетания.

1. Субстантивные словосочетания (с главным словом существительным):

1) с существительным в качестве зависимого слова:

а) беспредложные – *порог дома, речь президента, секретарь собрания, стакан воды, простота речи, время обеда, горе разлуки;*

б) предложные – *стол под деревом, боль от ушиба, отрывок из сочинения, люди с улицы, бутылка из-под молока, опасность для ребенка, дорога к сердцу;*

2) с прилагательным в качестве зависимого слова – *железная кровать, полезное дело, активное участие, соболья шапка;*

3) с местоименным прилагательным в качестве зависимого слова – *плавание под водой, подробности о процессе;*

4) с порядковым числительным в качестве зависимого слова – *второй день, шестая рота;*

5) с причастием в качестве зависимого слова – *прочитанная книга, выглаженная рубашка, любящая женщина*;

6) с наречием в качестве зависимого слова – *удар наотмашь, прогулка пешком, шапка набекрень, кофе по-турецки*;

7) с инфинитивом в качестве зависимого слова – *намерение возвратиться, умение рассказывать, желание блеснуть*.

2. *Адъективные словосочетания* (с главным словом прилагательным):

1) с именем существительным в качестве зависимого слова:

а) беспредложные – *полный смущения, покорный судьбе, жалкий слабостью*;

б) предложные – *черный от загара, смелый от рождения, вредный для здоровья, жадный до знаний, последний из всадников, готовый к отъезду, черный с проседью*;

2) с местоимением в качестве зависимого слова:

а) беспредложные – *нужный нам, приятный вам*;

б) предложные – *близкий для себя, трудный для нас*;

3) с наречием в качестве зависимого слова – *по-летнему зеленый, дружески заботливый, очень страшный, довольно приятный, по-стариковски сутулый, пустая внутри*;

4) с инфинитивом в качестве зависимого слова – *готовый бороться, способный любить*.

3. *Словосочетания с именем числительным* (в т. ч. субстантивированным) в роли главного слова – *третий от конца, первый из трех, пятый из пассажиров, две книги, трое в шинелях*.

III. *Словосочетания с местоимением* в роли главного слова – *каждый из нас, мы с братом*.

IV. *Наречные словосочетания*.

1. Наречные словосочетания (с главным словом – наречием) или с наречием в качестве зависимого слова – *очень ловко, весьма искусно, совершенно*

одинаково, слишком резко, чуть слышно, совсем недавно, далеко позади, нарочито громко.

2. Наречные словосочетания с именем существительным в качестве зависимого слова:

1) беспредложные – *осенью прошлого года, быстрее птицы (лететь), лучшие друга;*

2) предложные – *смешно до слез, далеко от друзей, низко над землей, незадолго до праздника.*

Словосочетания свободные и несвободные

В зависимости от степени слияния компонентов словосочетания могут быть *свободными* и *несвободными*.

С в о б о д н ы е словосочетания состоят из слов, сохраняющих свое самостоятельное лексическое значение. Компоненты свободного словосочетания могут замещаться словами соответствующей категории, например, *поздняя осень, холодная осень; любить труд, любить науку, любить детей*. Сочетающиеся словоформы свободны здесь в том смысле, что могут быть замещаемы при использовании в предложении в соответствии с конкретным коммуникативным заданием. Однако свободные словосочетания могут быть лексически ограниченными. В отличие от лексически неограниченных, место того или иного компонента в них может быть заполнено не любым словом данной категории, а лишь некоторыми – теми, которые образуют определенную семантическую группу. Например, словосочетание *слушать звуки* лексически не ограничено (*слушать радио, слушать ребенка, слушать передачу, слушать шум* и т. д.), тогда как словосочетание *подслушать разговор* лексически ограничено, т. к. семантика глагола *подслушать* не допускает широкой сочетаемости (нельзя: *подслушать лекцию*).

Деление словосочетаний на лексически ограниченные и неограниченные опирается на лексическую сочетаемость и несочетаемость слов, поэтому степень лексической ограниченности может быть различной и определяется се-

мантикой сочетающихся слов. Деление словосочетаний на лексически ограниченные и неограниченные условно и относительно, т. к. показывает лишь большую или меньшую сочетаемость слов по сравнению друг с другом; в конечном же счете все словосочетания оказываются лексически ограниченными, т. к. слова, их составляющие, связаны определенным кругом понятий. Например, глагол *слушать* образует словосочетания, лексически неограниченные по сравнению с глаголом *подслушать*, однако, безотносительно к этому глаголу, его сочетаемость тоже ограничена теми словами, которые способны обозначать объект этого процесса.

Несвободные словосочетания состоят из слов лексически несамостоятельных, т. е. из слов с ослабленным или утраченным лексическим значением. Такие словосочетания по своей семантике и функции особенно близки отдельному слову. При функционировании в предложении несвободные словосочетания не расчленяются и выступают в позиции одного члена предложения. Несвободные словосочетания делятся на *несвободные синтаксически* и *несвободные фразеологически*.

Синтаксически несвободные – это словосочетания, лексически связанные и нечленимые в данном контексте. *Ко мне подошел парень высокого роста*: словосочетание *высокого роста* несвободно, оно выполняет единую определительную функцию (ср.: *высокорослый парень*). Данное словосочетание нечленимо, т. к. существительное в его составе лексически обеднено (нельзя сказать: *парень роста*). Однако то же словосочетание в иных контекстуальных условиях может выступать как вполне свободно построенное *Высокий рост выделял этого парня в группе* (ср.: *Рост выделял этого парня в группе*). Оба слова в таком словосочетании лексически полноценны.

Фразеологически несвободные – это словосочетания, обнаруживающие лексическую несамостоятельность компонентов применительно к любому контексту. Они постоянны и нечленимы для всякого контекста: *вверх дном, спусть рукава, бить баклуши*. Изучение устойчивых словосочетаний, называемых фразеологическими, выходит за пределы синтаксиса и является

предметом фразеологии. В синтаксисе они могут быть рассмотрены лишь как компоненты структуры предложения. Фразеологические словосочетания могут отражать живые синтаксические связи, т. е. строиться по моделям свободных словосочетаний: *бить баклуши, держать камень за пазухой, класть зубы на полку, выметать сор из избы*. Такие словосочетания легко расшифровываются как образные выражения; другие фразеологические словосочетания отражают утраченные связи и сочетаемость, не сопоставимые с современными, например, *шутка сказать, ничтоже сумняшеся*.

Типы словосочетаний по составу (по количеству компонентов)

Данная классификация представлена в «Русской грамматике» (1980). По этому признаку словосочетания делятся на простые, сложные и комбинированные. Простые словосочетания, в свою очередь, делятся на *двучленные* и *трехчленные*.

Д в у ч л е н н ы е словосочетания образуются на основе одиночной сильной или слабой связи. Например, *солнечный день, строить дом, идти пешком*.

Т р е х ч л е н н ы е словосочетания образуются на основе двойной сильной связи. Например, *снабдить экспедицию кислородом, вбить гвоздь в дверь*.

С л о ж н ы е словосочетания образуются на основе двух и более связей, исходящих от одного главного слова. Например, *новая квартира со всеми удобствами, взять лист бумаги со стола, лежать в гамаке с книгой*.

К о м б и н и р о в а н н ы е словосочетания образуются на основе связей, исходящих от разных стержневых слов. Например, *увлеченно читать интересную книгу, удобный для работы стол, хороший друг моего отца*.

Предложение и словосочетание

Ключевым понятием синтаксиса является *предложение*, в котором формируется и выражается человеческая мысль и с помощью которого осуществ-

ляется речевое общение людей. Специфика предложения заключается в том, что оно есть высказывание, оно коммуникативно. Это значит, что оно, во-первых, соотнесено с определенной ситуацией и, во-вторых, обладает коммуникативной установкой на утверждение (или отрицание), на вопрос или на побуждение к чему-либо. Коммуникативность предложения конкретизируется в синтаксических категориях модальности и времени. Эти последние выражаются в глагольных формах наклонения и времени, а также (особенно при отсутствии глагола) с помощью интонации, модальных слов, слов, обозначающих локализацию во времени.

По своей структуре предложения очень разнообразны. Они могут реализоваться с помощью одного слова (*Пожар! Воды! Домой?*), в частности, аналитической формы слова (*Буду рад!*), но чаще реализуются с помощью более или менее сложного сочетания слов.

От слова однословное предложение внешне отличается интонацией. По содержанию же между словом *пожар* и однословным предложением *Пожар!* громадное различие. Слово *пожар* есть просто название определенного класса реальных явлений (и соответствующего понятия), способное в речи обозначать и каждое отдельное явление этого класса. Предложение *Пожар!* уже не просто название, а утверждение о наличии данного явления, т. е. пожара, в данной конкретной ситуации, в данный момент времени, утверждение, сопровождаемое также теми или иными эмоциональными коннотациями и т. д. Аналогичным образом словоформа *воды* есть название известного вещества, поставленное в определенное отношение к другим словам потенциального контекста. Предложение *Воды!* есть просьба, требование, побуждение к реальному действию в данной конкретной ситуации.

Взяв однословные предложения, содержащие собственно глагольную форму (*Иди!, Иди! Пришел?, Светает, Светало*), мы обнаружим, что здесь различие между предложением и соответствующим словом (словоформой) более тонкое. Все эти словоформы уже и сами по себе содержат указание на наклонение, а при изъявительном наклонении и на время; они предикативны,

т. е. предназначены быть либо сказуемым, либо, при отсутствии в предложении других членов, целым предложением. И все же различие между словоформой и предложением, состоящим из одной этой словоформы, есть и здесь. Можно сказать, что слово *иду* (также *светало* и т. д.) лишь потенциально соотнесено с любой подходящей ситуацией, тогда как предложение *Иду!* (*Светало* и т. д.) реально соотнесено с какой-то ситуацией, действительной или вымышленной, имеющей или имевшей место в определенный момент времени, в определенной точке пространства и т. п. Словоформа *иди* выражает побуждение, потенциально обращенное к любому собеседнику, а предложение *Иди!* – побуждение, реально обращенное к определенному адресату, в определенной ситуации, в определенный момент времени, притом конкретизированное (интонацией) как просьба, настойчивое требование, категорический приказ и т. п. Словоформа *пришел* не выражает ни утверждения, ни вопроса, а предложения *Пришел?* и *Пришел!*, в зависимости от интонации, выражают либо вопрос, либо утверждение. Ту же картину мы имеем и в отношении неглагольных предикативов (*Жарко*, *Пора!* и т. п.), только в этих случаях формы наклонений (кроме изъявительного) и времен (кроме настоящего) являются аналитическими.

Предложение, реализуемое сочетанием слов, чаще всего обладает *предикативной структурой*, т. е. содержит либо предикативную словоформу (*Солнце взошло. Летят журавли*), также с неглагольным предикативом (*Здесь жарко*), либо и без подобной формы, два четко соотнесенных главных члена подлежащее и сказуемое (*Он студент университета. Снег бел. Факт налицо*). Всюду здесь уже сама конструкция свидетельствует о том, что перед нами предложение. И все же по-настоящему эти конструкции становятся предложениями благодаря интонации, с которой они произносятся (ср.: *Солнце взошло* с повествовательной и *Солнце взошло?* с вопросительной интонацией). Наряду с этим и сочетания слов, не обладающие предикативной структурой и нормально не являющиеся предложениями (*белый снег, писать письма, ты и я*), могут, как и отдельное непредикативное слово (*пожар* и т. д.), становиться предложениями.

Однако есть и другая точка зрения: **с л о в о с о ч е т а н и е** определяется как любое соединение двух или более знаменательных слов, характеризующееся наличием между ними формально выраженной смысловой связи. Словосочетание может совпадать с предложением или быть частью предложения, а предложение, как было сказано выше, может реализоваться в виде снабженного той или иной интонацией словосочетания, ряда связанных между собой словосочетаний или отдельного слова (также отдельного знаменательного слова, сопровождаемого служебным, например, *Придешь ли?*). Языковеды, изымающие все предикативные словосочетания из объема понятия словосочетание, разумеется, определяют словосочетание иначе. Например, они включают в свои определения указание на «назывную функцию», на то, что словосочетание «служит обозначением единого, хотя и расчлененного понятия».

Валентность. Типы валентностей

Способность глагола сочетаться с актантами называется **в а л е н т н о - с т ь ю** глагола. В зависимости от количества актантов различают *одновалентные глаголы* (*стоит* кто? или что?), *двухвалентные* (*любит* – кто? кого? или что?), *трехвалентные* (*дает* кто? что? или кого? кому?). Есть и *нульвалентные* глаголы, обозначающие некую нечленимую ситуацию и потому неспособные иметь хотя бы один актант (*вечереет*).

Если глагол способен иметь два и более актантов, между ними обязательно существует иерархия: один из них противопоставляется другим как подлежащее дополнениям.

Подлежащее – главный актант. Чем же определяется его грамматическое «первенство» среди прочих актантов? Оно определяется глаголом. Кроме валентности всякий более чем одновалентный глагол обладает т. н. **о р и е н т а - ц и е й** – способностью ориентировать свое значение на один из актантов и тем самым выделять этот актант в качестве грамматически «первого».

1. Ситуация, обозначаемая нульвалентным глаголом, может быть выражена и иначе существительным типа *дождь* в однословном предложении либо в сочетании с «вербализатором» глаголом очень общего значения: *идет дождь*.

2. У одновалентных глаголов противопоставление подлежащего дополнениям нейтрализовано, но их единственный актант, в зависимости от своей формы, традиционно трактуется либо как подлежащее (*я не сплю*), либо как дополнение со значением носителя признака (*мне не спится*).

Глаголы, описывающие одну и ту же ситуацию, но различающиеся своей ориентацией, называются **в з а и м н о к о н в е р с и в н ы м и**. Так, например, *давать* и *получать*, *покупать* и *продавать*, *(я) имею* и *(у меня) есть*. Адресат действия *давать*, по существу, остается тем же адресатом, когда мы употребляем глагол *получать*, и вместе с тем, благодаря иной ориентации глагола, этот адресат осмысливается как своего рода агент и выражается с помощью подлежащего. Наряду с лексическими конверсивами разными глаголами используется грамматическая категория, создающая конверсивы, категория залога. В ряде языков выступает система двух противопоставленных залогов актива и пассива. Активом, или действительным залогом, называется такая форма глагола, при которой подлежащее соответствует агенту (*Молодая пара строит дом*), а пассивом, или страдательным залогом, такая, при которой подлежащее, напротив, соответствует пациенту (*Дом строится молодой парой. Дом строится. Дом был построен* и т. п.).

Валентность – способность слова сочетаться в тексте с другой языковой единицей, прежде всего с другим словом. Термин был введен в лингвистику Л. Теньером и А. В. де Гроотом и первоначально применялся только по отношению к глаголам. Множество валентностей глагола образует его валентную структуру. Валентности, как принято говорить, «заполняются». Заполнители валентностей слова называются его актантами. Слово может быть валентно не только на другое слово, но и на словосочетание или даже предложение.

Валентности обычно упорядочиваются по номерам: первой называется субъектная, второй – валентность прямого объекта, последующий порядок бо-

лее свободен. Однако в случае, если первая или вторая валентность у слова отсутствует, ее номер переходит к валентности, следующей по порядку. Например, у глагола *смеяться* первой будет валентность субъекта (кто? *смеется*), а второй – валентность косвенного объекта, выражающего стимул к смеху (над кем?/чем? *смеется*).

Принято различать *семантическую* валентность (*лексическую/семантическо-логическую*) и *синтаксическую* валентность (*грамматическую*) или ее уровни.

Первая основана на понятийном содержании, вытекает из лексического значения слова и представлена предикатным словом с открытыми им позициями. Именно на этом уровне члены, заполняющие открытые позиции, называются аргументами (семантическими актантами), а вся структура – предикатно-аргументной.

Синтаксическая валентность представляет собой совокупность и свойства потенциально возможных при слове синтаксических связей, набор и условия реализации синтаксических связей. На уровне синтаксической валентности аргументы соответствуют синтаксическим актантам. У Л. Теньера термин *актант* используется для обоих уровней. Несмотря на существование различных точек зрения на сущность теории валентности, большинство ученых признает понятие валентности главным образом принадлежащим семантическому уровню.

Семантические валентности соответствуют обязательным переменным в толковании слова. Эти переменные возникают в толковании как «наследники» семантических валентностей более простых предикатов, входящих в толкование. Сравните: *строитель* = ‘тот, кто строит’; предикат *строить* двухвалентен (кто? *Строит* что?) – производное от него отпредикатное имя *строитель* само заполняет его первую, субъектную валентность и сохраняет объектную (ср.: *строить метро – строители метро*).

В отличие от синтаксических, семантические валентности оказываются семантически наполненными и различаются уже не просто по номерам, а по типу выражаемого смыслового отношения и тем самым представляются аналогом се-

мантических ролей. В то же время число семантических ролей варьируется в пределах десятка. Однако Ю. Д. Апресян в своей работе «Лексическая семантика» различает 25 типов семантических валентностей, среди которых валентности субъекта (*автобус движется*), контрагента (*защищаться от леопарда*), реципиента (*давать студентам*), адресата (*информировать деканат*), результата (*превращаться в воду*), периода (*отпуск на два месяца*), количества (*больше на метр*) и другие. Подобный список может содержать и более подробную классификацию типов валентностей – степень подробности в данном случае ограничена следующим условием: близкие по смыслу валентности считаются различными, если они встречаются в составе валентной структуры одного слова.

Грамматические категории

Г р а м м а т и ч е с к и е к а т е г о р и и – это объединения, группы, совокупности однородных грамматических явлений и прежде всего совокупности однородных грамматических слов при различии их форм.

К а т е г о р и я применительно к мышлению, языку, искусству – основные разряды, группы явлений в данной области.

Единство той или иной категории обусловлено не способом выражения, а общим грамматическим значением.

Так, формы существительных: *столу, стене, пути*, хотя и имеют разное оформление аффикса: -у, -э, -и, т. е. разную грамматическую форму, но объединены общим значением дательного падежа существительного; так же и такие разнооформленные видовые пары глаголов, как *достигать – достичь; нарезать – нарезать; делать – сделать; брать – взять*. Хотя в каждой паре они и оформлены разными способами различения, но объединяются независимо от этого в две категории: глаголы несовершенного вида и совершенного вида.

Категории в грамматике могут быть более широкие, например, части речи, и более узкие – явления внутренней группировки в пределах той или иной части речи. В существительных – категория числа, грамматические категории

собирательности, абстрактности, вещественности и т. п., в пределах глагола – категории залога, вида и так далее.

Следовательно, термины *грамматическая форма* и *грамматическая категория* не следует смешивать.

Г р а м м а т и ч е с к а я ф о р м а связана со способом выражения: это соотношение в их единстве грамматического значения и грамматического способа выражения этого значения.

Г р а м м а т и ч е с к а я к а т е г о р и я не связана с определенным или данным способом грамматического выражения. Грамматическая категория только тогда факт языка (а иным она быть не может), если она в языке выражена грамматически, т. е. опять же теми или иными грамматическими способами, но одним или разными – для грамматической категории не существенно.

Несоответствие грамматических категорий в разных языках – свидетельство специфичности подбора грамматических категорий в каждом языке.

Так, категория определенности и неопределенности, очень существенная для грамматики романо-германских языков и отчетливо выраженная в этих языках различием определенного и неопределенных артиклей, отсутствует в русском языке, но это не значит, что русские не могут иметь в сознании этих значений, – они только выражают их обычно лексически (т. е. особыми словами, например, местоимениями *этот, тот* и т. д. для определенности и *какой-то, некий* и т. д. для неопределенности). Употребление числительных *один, одна, одно, одни* тоже может служить в русском языке выражением неопределенности. Значение «двойственности» в одних языках имеет узаконенное грамматическое выражение формами двойственного числа (старославянский, древнегреческий, древнерусский, литовский), в других же языках, где нет категории двойственного числа, то же самое может быть выражено сочетанием числительных со значениями 'два', 'двое' и соответствующих существительных.

Привычное для русских различие категории одушевленности и неодушевленности существительных, проявляющееся в винительном падеже множественного числа (*Я вижу концы – Я вижу отцов*), а для мужского рода и в

единственном числе (*Я вижу конец – Я вижу отца*), необычно для иных европейских языков (равно как и различение категории глагольного вида, даже рода существительных не знает английский язык и все тюркские).

Количество однородных категорий очень различно в разных языках; так, например, в языках, имеющих склонение, количество падежей может колебаться от 3 (арабский), 4 (немецкий), 6 (русский).

Сочетание более широких и более узких категорий в каждом языке может быть также особым и своеобразным. Так, для русской грамматики привычно, что имена, а также причастия склоняются (т. е. изменяются по падежам и числам), а глаголы спрягаются (т. е. изменяются по лицам и числам), но в ряде языков, например, в тюркских, угро-финских и других, имена могут изменяться по лицам, сравните, в казахском: *эке-м* ‘моя мать’, *эке-н* ‘твоя мать’, *эке-си* ‘его мать’ – это, конечно, не спряжение, а присоединение аффикса притяжательности; наоборот, в латинском языке форма герундия склонялась.

В пределах развития одного и того же языка может не только меняться наличие и количество категорий, но та же категория благодаря наличию или отсутствию тех или иных связанных с ней и противопоставленных категорий может менять характер своего грамматического значения; так, категория единственного числа гораздо релеационнее в тех языках, где есть только противопоставление единственного и множественного числа, чем в тех, где есть еще двойственное, а тем более особое тройственное число; в этих случаях любая категория числа гораздо деривационнее, т. е. имеет меньшую степень грамматической абстракции.

Значение множественности в формах множественного числа – грамматическое, выраженное грамматическим способом, в собирательных же именах множественность – факт лексического значения, выраженный основой, тогда как грамматический способ показывает единственное число.

Грамматические значения слов и морфологические категории

Язык как коммуникативная система обеспечивает передачу информации различного рода. Это и информация о предметах, явлениях, положениях дел во внешней действительности, и информация о субъективных актах познавательной деятельности и личных переживаниях говорящего, и информация служебного характера, касающаяся используемых способов построения связной речи и особенностей поведения в ней употребляемых языковых единиц и их вариантов.

Передачу служебной информации берут на себя грамматические средства, в т. ч. и морфологические.

В традиционной лингвистике принято разграничивать в содержательной структуре слова значения лексические и значения грамматические. Первые обычно характеризуют как вещественные, конкретные, а вторые – как формальные, абстрактные.

Иногда предлагается квалифицировать грамматические значения (в отличие от лексических) как обязательные. Так, в русском языке для любого существительного обязательно выражение значений предметности, числа, падежа, а в единственном числе – и рода. Но и этот критерий не абсолютен. В одном и том же языке одно и то же значение может быть передано в одних случаях грамматически, в других – лексически, в третьих – остаться невыраженным.

Поэтому можно просто исходить из того, что лексические значения выражаются знаменательными словами, формообразующими основами знаменательных слов, корневыми морфемами знаменательных слов. Носителями же грамматических значений выступают используемые в формообразовании слов аффиксальные морфемы, служебные слова, морфологические операции типа значащих чередований фонем и т. п. Но многие из этих средств используются также в словообразовании, т. е. в процессах построения новых лексических единиц (например, суффикс *-ск-* в *университетский*, префикс *при-* в *пригород*). Такого рода факты затрудняют разграничение лексических и грамматических значений.

Можно, наконец, считать, что грамматические значения слов:

- 1) затрагивают их функции в речи, отношения между словами в предложении или словосочетании – *синтагматическое* значение;
- 2) фиксируют принадлежность данного слова к той или иной части речи – *частиречное* значение;
- 3) характеризуют отношения между их формообразовательными вариантами в рамках парадигмы каждого данного слова – *морфологическое* значение;
- 4) соотносят между собой в рамках одного словообразовательного поля однокорневые слова и прежде всего слово производное со словом, мотивирующим – *словообразовательное* значение.

Рассмотрим, собственно морфологические значения, элементарные значения словоформ многоформенных слов. Они могут:

- 1) иметь *референциальный* характер (т. е. относить данную словоформу к какому-то внеязыковому моменту);
- 2) характеризоваться конкретной коммуникативно-ситуационной соотнесенностью. Так, значение первого лица предполагает указание на говорящего как активного участника данного коммуникативного акта;
- 3) указывать на характер структурно-синтаксических отношений между словами внутри предложения. Таково, например, значение винительного падежа имени существительного;
- 4) служить основой для классификации слов внутри одной части речи. Таково, в принципе, значение среднего рода имени существительного.

Элементарные грамматические значения даны в противопоставлениях друг другу. Так, в немецком языке противопоставлены друг другу значения четырех падежей (им., род., дат., вин.); в английском языке систему оппозиций образуют 16 временных форм глагола. Система падежных противопоставлений образует грамматическую категорию падежа. Система противопоставлений значений временных форм образует грамматическую категорию времени.

Но элементарные грамматические значения в рамках грамматических категорий противопоставлены не сами по себе. Семиотический подход к языковым единицам предполагает, что нет языковых значений самих по себе, как и нет языковых форм, которые были бы лишены значений. О грамматическом значении можно говорить лишь тогда, когда в данном языке имеется регулярно с ним соотносимый экспонент, т. е. формальный показатель грамматического значения. Таких показателей для одного и того же значения может быть несколько.

Единство грамматического значения и соотносимого с ним стандартного формального показателя образует двухстороннюю языковую единицу, грамматический знак – *граммему*. Соответственно и грамматическая категория слова (морфологическая категория) представляет собой не просто систему оппозиций элементарных грамматических значений, а систему противопоставлений граммем как двусторонних сущностей, обладающих каждая своим означаемым и своим означающим (или стандартным набором означающих). Надо отметить, что если нет подобного противопоставления граммем определенного вида в данном языке, то нет и соответствующей грамматической категории. Так, например, не приходится говорить о категории падежа во французском, испанском или итальянском языках.

Наборы граммем и грамматических категорий слов определенных частей речи неодинаковы от языка к языку. Так, немецкие и английские имена существительные обладают категориями числа, падежа и соотнесенности (внутри которой противопоставлены граммемы несоотнесенности, неопределенной соотнесенности и определенной соотнесенности), но в английском отсутствует категория рода. В ходе исторического развития данного языка инвентари грамматических категорий слов и различаемых в них граммем могут испытывать изменения. Так, категория соотнесенности имен существительных в германских и романских языках формировалась в тот исторический период, когда эти языки уже обладали письменностью. Современные славянские и германские языки

не сохранили граммему двойственного числа, входившую в формообразовательную парадигму праиндоевропейского глагола.

Средства выражения синтаксических отношений в словосочетании и предложении

Русская грамматика выделяет 3 типа отношений:

- объектные;
- определительные;
- восполняющие.

О б ъ е к т н ы е – отношения между действием или состоянием и предметом, на которое это действие распространяется (например, *писать письмо*);

О п р е д е л и т е л ь н ы е – отношения, при которых предмет, явление, признак определяются со стороны своего внешнего или внутреннего свойства, качества, а также получают различные обстоятельственные характеристики.

Среди определительных отношений можно выделить:

- субъектно-определительные;
- объектно-определительные;
- определительно-притяжательные;
- определительно-целевые;
- определительно-сравнительные и т. д.

В о с п о л н я ю щ и е – отношения, при которых зависимое слово содер­жательно необходимо восполняет главное слово. Например, *пятеро де­вчонок, взяться за дело*.

О б с т о я т е л ь с т в е н н ы е о т н о ш е н и я : признак (действие) и внешнее обстоятельство его проявления. Обстоятельство не конкретизирует действие, как это наблюдается при определительных отношениях, а находится вне его. Это отношения места, времени, причины, цели, условия, уступки. Словосочетание формируется на основе взаимодействия лексико-грамматических свойств сочетающихся слов. Поэтому наиболее важным средством выражения синтаксических отношений в словосочетании является форма слова. Все изме-

няемые слова, вступая в зависимую связь со стержневым словом словосочетания, оформляют эту связь с помощью окончания. Например, *осенний день, изучать философию, заниматься пением; заполнить банку водой, принести книги преподавателю*. В тех случаях, когда зависимое слово не способно изменяться, т. е. когда отсутствуют флективные формы выражения связи, оно присоединяется к стержневому слову в своей единственной исходной форме, обнаруживая связь с ним семантически: *прыгать вверх, прыгнуть вверх, прыгал вверх, прыгну вверх*. Поскольку словосочетание функционирует в предложении, формы слов с предлогами или без них становятся средствами выражения синтаксических отношений и в предложении. Кроме того, предложные словоформы могут выступать в предложении в качестве его членов и вне словосочетания: *Дождь в течение всего лета шел некрупный и теплый*. Свободно употребленные словоформы легко обособляются, и предлоги в таких случаях также оказываются средством передачи синтаксических отношений на уровне предложения, а не словосочетания: *Все улыбнулись, кроме мамы*.

Другие служебные слова, кроме предлогов, к формированию словосочетаний отношения не имеют. Круг отношений, выраженных частицами и союзами, связан с теми грамматическими категориями, которые характеризуют строй предложения. Так, отношения, передаваемые союзами, формируются только в предложении: в однородных рядах словоформ, объединенных сочинительными отношениями и в конструкциях с эллипсисом повторяющегося глагола, а также в обособленных оборотах, вводимых посредством союзов. Кроме союзов, показателями синтаксических значений в предложении, в отличие от словосочетаний, могут быть и частицы: они передают значение модальности, общей эмоциональной оценки сообщаемого и т. п., т. е. участвуют в формировании тех грамматических значений, которые свойственны предложению, а не словосочетанию.

Помимо формы слова и предлогов, показателем синтаксических отношений в словосочетании является порядок слов. Словосочетание характеризуется устойчивым порядком слов: согласуемые части речи располагаются перед

стержневым словом (*хорошая погода, пятый день*); определительные наречия на -о могут располагаться перед стержневым словом и после него: *быстро говорить, говорить быстро*; определительно-обстоятельственные и обстоятельственные наречия располагаются после стержневого слова: *одеться по-зимнему, подойти вплотную, приехать весной*; наречия степени всегда препозитивны: *очень веселый, чрезвычайно строгий*; все предложно-падежные и беспредложные зависимые формы постпозитивны: *бежать к лесу, говорить с товарищем, любить жизнь*.

На уровне словосочетания инверсия исключается, т. к. она всегда бывает обусловлена структурой и коммуникативным заданием предложения. Об инверсированном словопорядке в словосочетании можно говорить только применительно к отдельным, лексически ограниченным построениям типа *два километра/километра два*, в которых перемещение зависимых форм слова в препозицию сообщает словосочетанию значение приблизительности. Кроме того, инверсия согласуемых форм наблюдается иногда в словосочетаниях терминологических (*сельдь атлантическая, грибы маринованные, костюмы женские*); инверсия управляемых форм иногда встречается в устойчивых выражениях типа *золотых дел мастер*. Во всех других случаях перестановки слов связаны с функционированием словосочетания в предложении, с приспособлением компонентов словосочетания к его строю. Только в предложении может возникнуть необходимость расположить слова соответственно их семантической и логической значимости, диктуемой контекстом, ориентированным на конкретное коммуникативное задание. Устойчивость словопорядка словосочетаний подкрепляет мысль о реальности словосочетания как особой синтаксической единицы, а также свидетельствует и о реальности второстепенных членов предложения как синтаксически преобразованных компонентов словосочетания. Члены предложения располагаются по правилам построения предложения, члены словосочетания – по правилам построения словосочетания. И те, и другие находятся в диалектическом единстве и противоречии: словосочетание формируется в предложении, вычленяется из него и организует отношения, основан-

ные на связях слов. Предложение же реорганизует словосочетание, расщепляет его, сталкивает словоформы из разных словосочетаний и формирует тем самым новые связи и отношения и новые словосочетания.

Таким образом, средства выражения синтаксических отношений в словосочетании, сравнительно с предложением, довольно ограничены: 1) формы слов; 2) предлоги; 3) устойчивый порядок слов.

Средства выражения синтаксических отношений в предложении следующие: 1) формы слов; 2) служебные слова (предлоги, союзы, частицы); 3) порядок слов; 4) интонация.

В словосочетаниях, предложениях и текстах используются словоформы с присущими им означаемыми и означающими. Выполнение таких задач, как соединение слов в речи, оформление предложений и текстов как целостных образований, членение текста на предложения, а предложений – на их составляющие, различение предложений разных коммуникативных типов, выражение синтаксических функций, выделяемых в предложении конstituентов и их синтаксически господствующего или подчиненного статуса, приходится на долю формальных синтаксических средств. Наиболее универсальным синтаксическим средством является интонация. Именно наличие интонации отличает предложение и текст как коммуникативные единицы от словосочетания. Она всеми своими компонентами обеспечивает единство коммуникативных образований. Фразовая интонация может выделять предложения в тексте и синтагмы в предложении, обеспечивать интеграцию фразы и синтагмы вокруг ударных слов, выделять наиболее важные в смысловом плане звенья предложения и синтагмы, разграничивать тему и рему высказывания. Интонационные средства могут способствовать различению вопросительных и повествовательных, восклицательных и невосклицательных предложений, сигнализировать о наличии перечислительных конструкций.

Другим наиболее универсальным синтаксическим средством является порядок слов, а в более сложных конструкциях – и порядок предложений. В русской грамматической традиции примыкание как морфологически не маркиро-

ванная синтаксическая связь отграничивается от морфологически маркированных согласования и управления. Обычно говорят о примыкании синтаксически зависимого слова к синтаксически господствующему (например, о примыкании определения к определяемому существительному: англ. *blue eyes*).

Если подчиненное слово находится перед господствующим, то говорят о препозиции (*интересная лекция*). Если же подчиненное слово следует за господствующим, то мы имеем дело с постпозицией (*читать текст*). Преимущественное использование препозиции или постпозиции определения является одной из важных типологических характеристик синтаксического строя разных языков. Так, препозиция определения доминирует в славянских и германских языках, постпозиция определения является характерной чертой романских языков.

Примыканию как контактному способу синтаксической связи может противостоять дистантное расположение синтаксически связанных слов. Иногда такое дистанцирование пытаются объяснить тем, что в праиндоевропейском языке могла господствовать тенденция к конечной позиции глагола, к которому соответственно примыкало более тесно связанное с ним слово. При наличии у данного господствующего слова нескольких подчиненных одно из зависимых слов может вместе с господствующим словом образовать рамочную конструкцию, замыкая другие зависимые слова. Такую рамку образуют, например, в английском языке артикль и существительное: *a new book* «новая книга».

Порядок слов в предложении может быть *свободным* и *фиксированным*. В типологических исследованиях языков за основу берут взаимное расположение относительно друг друга подлежащего (S), глагола (V) и дополнения (O). Возможны 6 вариантов: SVO, SOV, VSO, VOS, OSV, OVS.

Одни языки характеризует тенденция к свободному порядку слов. Таковы, например, русский и латинский языки, обладающие богатыми возможностями морфологического маркирования синтаксических функций (членов предложения). Другие языки, особенно те, где синтаксические функции морфологически не маркируются, тяготеют к фиксированному порядку слов. Порядок

слов немецкого предложения более строг, чем в русском языке. В английском предложении он строже, чем в немецком, но свободнее, чем во французском.

В качестве формального способа выражения синтаксических связей и функций широко распространено использование *служебных слов* (союзов и союзных слов, частиц, предлогов и послелогов, связок).

В аффиксальных языках широко используются морфологические показатели. Они указывают на наличие управления, при котором синтаксически господствующее слово предопределяет наличие в структуре словоформ зависимого слова той или иной граммемы (например, граммемы одного из косвенных падежей) и согласования, при котором в структуре словоформы зависимого слова повторяются одна или несколько граммем словоформы господствующего слова. Показатель синтаксической связи обычно появляется в словоформе зависимого слова. Но он может, однако, характеризовать словоформу господствующего слова.

Морфологические показатели могут маркировать синтаксические функции существительных (подлежащее, дополнения, предикатив, определение, обстоятельство), прилагательных (определение, предикатив), глагола (сказуемое) и т. п.

Типы синтаксической связи в словосочетании

В словосочетании различаются два основных типа синтаксической связи – это *сочинение* и *подчинение*.

При *с о ч и н е н и и* в связь вступают синтаксически равноправные, независимые друг от друга члены предложения: *книга и тетрадь (лежат на столе); (читаю) газеты, журналы, книги.*

При *п о д ч и н е н и и* в связь вступают синтаксически неравноправные элементы (один зависит от другого): *совет друга, читать книгу.*

Подчинение имеет три разновидности синтаксических связей – *согласование, управление и примыкание.*

С о г л а с о в а н и е м называется такой вид подчинительной связи, при котором зависимое слово уподобляется в своей форме господствующему слову. Различается согласование *полное* и *неполное*.

При **п о л н о м** согласовании подчиненное слово принимает все формы подчиняющего слова, насколько это позволяют грамматические категории обоих слов. При **н е п о л н о м** согласовании не все возможности согласования исчерпаны.

При согласовании зависимое слово может быть выражено:

- именем прилагательным (*трудная задача*);
- местоимением-прилагательным (*этот дом*);
- причастием (*набегающая волна*);
- порядковым числительным (*второй подъезд*);
- количественным числительным в косвенных падежах (*с тремя товарищами*).

У п р а в л е н и е м называется такой вид подчинительной связи, при котором зависимое слово ставится в определенной падежной форме (без предлога или с предлогом), обусловленной лексико-грамматическим значением господствующего слова. Выделяются различные виды управления в зависимости от морфологической природы господствующего слова, наличия или отсутствия предлога перед зависимым словом, характера связи между обоими словами.

Управление называется **с и л ь н ы м**, если между господствующим и зависимым словами существует необходимая связь, выражающаяся в том, что господствующее слово нуждается в распространении определенной падежной формой (*нарушать тишину, полон бодрости*).

При **с л а б о м** управлении связь между обоими словами необязательная, она не обусловлена лексико-грамматическими особенностями господствующего слова как связь необходимая (*часто гуляю по вечерам*).

При управлении зависимое слово может быть выражено:

- существительным (*разбить вазу*);
- местоимением, существительным (*сказать ему*);

- количественным числительным (*разделить на пять*);
- другими частями речи, употребленными в значении существительного (*ухаживать за больным*).

Примыкание называется такой вид подчинительной связи, при котором зависимость подчиненного слова выражается лексически, порядком слов и интонацией. Примыкают неизменяемые знаменательные слова (наречие, инфинитив, деепричастие).

Поскольку в словосочетании имеются подчинительные отношения, то члены его связаны между собой одним из видов подчинительной синтаксической связи – согласованием, управлением или примыканием. Выбор здесь зависит от морфологической природы главного или зависимого слова. Так, в глагольных словосочетаниях имеет место или управление (*читать письмо, писать карандашом*), или примыкание (*много читать, жить далеко*), но отсутствует связь согласования (согласование самого глагола возможно только в предложении). Словосочетания с именем существительным в роли главного слова допускают все три вида синтаксической связи (*каменный дом, стремление учиться, кофе по-венски*). В других именных словосочетаниях находим известные ограничения в зависимости от лексико-грамматических свойств главного слова: управление и примыкание в словосочетаниях с именем прилагательным в роли главного члена (*готовый сделать, весьма полезный*), управление в словосочетаниях с именем числительным (*два месяца*), согласование и управление в словосочетаниях с местоимением (*нечто интересное*). В наречных словосочетаниях встречаемся со связью примыкания и управления (*слишком тихо*). Хотя внутри словосочетаний формы подчинительной связи те же, что и между членами предложения, однако это сближение не дает основания для смешения тех и других. К тому же не следует забывать, что даже одни и те же виды связи могут по-разному проявлять себя в словосочетании и в предложении. Так, в предложении возможны члены, относящиеся не к одному слову, а ко всему остальному составу предложения в целом.

В словосочетаниях, в которых главное и зависимое слово связаны таким типом связи, как согласование, никогда не бывает глаголов, деепричастий, наречий, то есть тех частей речи, которые не имеют рода, числа, падежа или же не изменяются по родам, числам и падежам. Имя существительное может выступать только в качестве главного слова, но никогда не может быть зависимым, так как оно имеет род, но не изменяется по родам.

При примыкании зависимое слово может быть выражено: наречием, инфинитивом, деепричастием, формой сравнительной степени прилагательного или наречия, несклоняемым прилагательным, неизменяемыми притяжательными местоимениями.

Однако следует иметь в виду, что деепричастия могут примыкать только к глаголам; наречия преимущественно употребляются тоже при глаголах, хотя их связи значительно шире (они могут примыкать к существительным, прилагательным и наречиям); инфинитив примыкает к глаголам, существительным, прилагательным, однако эти связи лексически ограничены: со многими глаголами и особенно существительными и прилагательными инфинитив вообще не сочетается.

Чтобы правильно определить тип связи в словосочетании, необходимо выполнить следующие действия:

- найти главное и зависимое слова;
- определить, какой частью речи является зависимое слово. Если это неизменяемая часть речи (наречие, деепричастие, инфинитив, притяжательные местоимения, сравнительная степень прилагательного или наречия, несклоняемые прилагательные), то перед вами примыкание;
- задать вопрос к зависимому слову: если это вопрос того или иного падежа, то перед вами управление;
- на всякий случай попробовать изменить одно из слов в словосочетании: если вместе с ним меняется и второе, то это согласование.

Предложение как основная единица синтаксического анализа

В отличие от фонологии, морфологии и лексикологии, синтаксис имеет дело не с воспроизводимыми, инвентарными языковыми единицами, а с единицами конструктивными, которые строятся каждый раз, в каждом отдельном речевом акте заново: а) с использованием конструктивных средств соответствующего языка, б) применительно к данному, конкретному положению дел, о котором предполагается сообщить, и в) применительно к данному, конкретному коммуникативному акту, к его прагматическому контексту, включающему в себя автора высказывания и его адресата (или адресатов), места, времени и условий высказывания.

К числу синтаксических конструкций относятся текст, предложение и словосочетание. Словосочетание, предложение и текст могут изучаться как с позиций формального подхода, т. е. в направлении от формы к ее значению, так и с позиций функционального, и прежде всего содержательного, подхода, т.е. от значения к выражающим его средствам. Первый подход лежит в основе *пассивной грамматики*, а второй – в основе *активной грамматики* (термины Л. В. Щербы).

Привязка к коммуникативно-прагматическому контексту в наибольшей степени присуща тексту как полному знаку, обладающему относительной коммуникативной завершенностью. Прагматические свойства текста делают его дискурсом, т. е. позволяют квалифицировать его не просто как замкнутую последовательность предложений, а как замкнутую последовательность речевых актов.

В истории языкознания синтаксис нередко сводился к описанию правил сочетания слов и тем самым к теории словосочетания. В формальной грамматике, идеи которой развивали глава Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатов и его ученики и последователи, предложение было объявлено одним из видов словосочетаний, а именно предикативным словосочетанием. Но подход к предложению со стороны слова (и словосочетания) не адекватен его природе, так как акцентирует внимание только на межсловных связях в пред-

ложении и не учитывает качественной специфики предложения в целом, прежде всего в семантическом и прагматическом аспектах. Поэтому в современном языкознании либо рядом с теорией словосочетания строится теория предложения (В. В. Виноградов), либо теория предложения поглощает теорию словосочетания, используя последнюю как объяснительный инструмент при рассмотрении механизмов образования распространенных предложений.

Подход В. В. Виноградова означает признание и словосочетания, и предложения в равной степени основными синтаксическими единицами. Выдвижение на первый план теории предложения опирается на идею о центральном положении предложения в синтаксической системе языка.

В отличие от словосочетания предложение предназначено для описания некоего положения дел как целостного ансамбля элементов ситуации. Его прагматический потенциал значительно выше прагматического потенциала словосочетания. В отличие же от текста привязка к коммуникативно-прагматическому контексту лишь в некоторой степени характеризует предложение, когда оно является лишь одной из составляющих текста, а не выступает автономно (будучи потенциальным минимумом текста) в роли речевого акта, т. е. минимального дискурса. Но как раз эта способность быть возможным минимумом текста побуждает рассматривать предложение как единицу текста, т. е. как единицу, более близкую к тексту, нежели к словосочетанию, имеющую, как и текст, коммуникативную предназначенность и вместе с тем оформленную интонационно.

Предложение выступает и как речевая, и как языковая единица, что его сближает со словосочетанием, но отличает от текста. Предложение, как словосочетание и текст, само по себе не воспроизводимо как готовая инвентарная единица. Но оно каждый раз строится заново в речи, во-первых, в процессе реализации (актуализации) одной из входящих в синтаксическую систему языка инвариантных формально-содержательных схем (моделей) и, во-вторых, в процессе использования тех или иных (тоже инвариантных, принадлежащих языку) правил его преобразования из исходной формы в конечную.

Соответственно, можно утверждать, что в одном и том же предложении совмещены несколько различных содержательных и формальных структур, а именно:

- *пропозициональная (пропозитивная, предикатно-аргументная)* структура;
- *предикационная (предикативная, субъектно-предикатная)* структура и субъектно-объектная структура;
- *актуализационные* структуры, обеспечивающие «привязку» предложения к описываемой предметной ситуации и к ситуации высказывания (информационная, идентификационная, тематическая и ряд других дополнительных структур; а также структуры, посредством которых реализуются обладающие формоизменятельными парадигмами понятийные категории модальности, темпоральности, персональности, или личности);
- *интенциональная* (речеактовая, иллокутивная, коммуникативно-прагматическая) структура.

Каждая из этих структур выступает в качестве способа «упаковки» передаваемой посредством предложения информации. Сосредоточение в этой единице множества разноплановых, но тем не менее собственно языковых характеристик, для выражения которых имеются соответствующие формальные средства, создает большие трудности для его исследователей. Но именно в предложении сполна реализуются свойства единиц лексических, морфологических, просодических и фонематических.

Можно признать справедливым утверждение Л. Теньера, что с предложением мы покидаем сферу языка и вступаем в сферу речи. Такие особенности предложения делают его центральной единицей синтаксической системы, а по мнению многих современных лингвистов, вообще центральной единицей языка, порождению которой в речи служат в конечном итоге все прочие компоненты языковой системы в целом.

Одной из центральных единиц лингвопрагматики является высказывание, которое в отличие от предложения (единицы потенциально коммуникативной) является подлинно коммуникативной единицей.

Начальным моментом формирования высказывания можно считать мотив – «потребность в говорении». Так как в речевом сообщении всегда формулируется известная мысль или известный смысл, который говорящий хочет передать слушающему, то вторым этапом должна являться мысль, которая, являясь отправным пунктом высказывания, в дальнейшем воплощается в речь. Внутренне мысль представлена в виде общего замысла, общей схемы, впоследствии разворачивающейся в вербально оформленное содержание. Процесс перехода мысли в речь происходит при непосредственном участии внутренней речи. Третьим этапом является этап кодирования мыслей в высказывании, или этап перешифровки внутренней речи во внешнюю. Значимость этого процесса обусловлена необходимостью перешифровки внутренних, понятных только адресанту смыслов во внешние, понятные для любого адресата значения.

Таким образом, перед нами трехчленная схема механизма создания высказывания: мотив – мысль и ее опосредование во внутренней речи – внешняя речь. Если этот механизм представить по операциям, схема будет следующей: возникновение мотива – создание общего замысла (схемы), выраженного во внутренней речи – перешифровка внутренней речи во внешнюю.

Исследования развития речи, проведенные психологами, показали, что переход от мысли к развернутой речи неизбежно опосредствуется внутренней речью. Будучи свернутой и зачаточной по структуре и чисто предикативной по функции, она таит в себе, однако, зачатки дальнейшей динамической схемы фразы. Переход от внутренней речи к внешней заключается в развертывании этой предварительной схемы, в превращении ее во внешнюю распространенную структуру предложения.

Интенция как определенное психическое состояние человека находится в одном ряду с такими явлениями, как эмоция, предпочтение, желание, оценка, отношение – к действительности, к содержанию сообщения, к адресату. При этом интенция как субъективная направленность на некий объект, активность сознания субъекта является организующим началом в любой модели речевого

поведения. По мнению представителей психолого-семантического направления, связь между мыслью и словом обусловлена интенционально.

Более того, «осознанная» активность и направленность на объект непосредственно определяют природу сознания и создают ту основу, которая отличает психологию от других наук о физическом мире. Главными в психике человека считаются акты, производимые субъектом, когда он вводит некий объект в свое сознание. Акт же предполагает действие интенции, т. е. активной направленности на объект.

Интенциональность представляет собой исключительно специфичное и существенное свойство речи. В речевом механизме можно выделить два типа интенциональных процессов: на п е р в о м уровне интенции рассматриваются в связи с особенностями функционирования нервной системы человека в онтогенезе; основополагающей здесь оказывается человеческая потребность и способность к экстериоризации внутренних активных состояний; на в т о р о м уровне рассматривается социальная природа интенций, которые оказываются включенными в организацию коммуникации; именно на этом уровне осуществляется связь субъекта с внешним миром, при этом интенции определяются как коммуникативные, поскольку соотносятся с сознательным вне-обращением. Коммуникативная интенция имеет двухчастную структуру: она содержит *объект* речи и *отношение* к нему субъекта, поэтому интенциональное содержание речи человека является важнейшей психологической характеристикой.

Интенции второго уровня, коммуникативные интенции, несут в себе ту информацию, которая необходима для понимания субъективного отношения коммуниканта к миру. Именно это отношение и осуществляет связь участника коммуникации с другими участниками коммуникативного взаимодействия. Реализуется интенция посредством грамматического структурирования, т.е. выражение интенций коммуникативно организовано таким образом, чтобы они были понятными слушающим. «Понятность» для слушающих интенций адресанта является целью говорящего, и он использует такие известные ему языковые средства, которые, по его предположению, дадут желаемый результат.

Эта особенность интенций важна для оценки потенциальной эффективности изложения говорящим новой для адресата информации. Иными словами, результативность целенаправленного воздействия адресанта в коммуникативной ситуации прямо пропорциональна степени реализации интенции «сообщение информации». В случае низкой степени реализации интенции или при полном отсутствии реализации говорят о коммуникативной неудаче.

Любая интенция как коммуникативное намерение находится в непосредственном взаимодействии со сценарием и фреймом той коммуникативной ситуации, в пространстве которой данная интенция должна быть реализована. Следовательно, именно интенция определяет направление поиска тех параметров (характеристик) речевого поведения в ментальных базах, которые способствуют ее реализации, а определенный тип речевого поведения коммуниканта предполагает соответствующее грамматическое структурирование и использование средств невербального воздействия.

Коммуникативные стратегии и тактики, выбор которых обусловлен интенцией, в свою очередь, определяются уровнем мотивации речевого поступка, то есть осознанием потребности речепроизнесения или осознанной причиной речепроизнесения. Мотивация речевых поступков – одна из областей исследования психологии, понимающей под *мотивом*, по Р. С. Немову, именно внутреннюю устойчивую психологическую причину поведения или поступка человека, а под *мотивацией* – динамический процесс внутреннего, психологического и физиологического управления его поведением.

Интенции можно разделить на *практические* и *ментальные*. Первые ведут к реализации высказываний, порождающих практические действия коммуникантов. Таковы интенции просить, советовать, обещать, разрешать, запрещать, принуждать и т. п. Вторые, т. е. ментальные, ведут к размышлениям, рассуждениям, доказательствам, объяснениям, определениям, подтверждениям, аргументации, утверждениям, отрицаниям и т. п. Они более всего характерны для научных дискурсов/текстов.

С точки зрения влияния на продуцируемое высказывание различают *репликообразующие* и *дискурсо-текстообразующие* интенции. Первые находят выражение в единичном высказывании, для реализации вторых необходим дискурс/текст, как диалогического, так и монологического характера.

К проявлению «авторства» адресанта в высказывании относится модус. Известное, по Ш. Балли, членение предложения на диктум и модус, или, в иной терминологии, вычленение пропозиции и субъективных компонентов, требует отнесения модуса к высказыванию (хотя модус и типизируется), а не к предложению, так как модусная часть отражает точку зрения, оценку, отношение говорящего.

М о д у с – это комплекс субъективных смыслов, эксплицитно или имплицитно выражаемых в высказывании. Он коррелирует с метакоммуникативной частью речевого произведения (*метакоммуникация* – это авторское указание на способ построения речи). Являясь не логикосодержательными, а лишь фатическими компонентами высказывания, метакоммуникативные единицы выполняют важную контактоподдерживающую функцию в дискурсе/тексте. При этом следует учитывать, что модусная, субъективная часть высказывания имеет отношение к прагматике, в то время как диктумная, препозитивная – к семантике.

Элементарное предложение

Одним из замечательных свойств языка является пластичность его системы по отношению к нуждам и задачам речевого общения. В лексике она проявляется в возможностях образования новых слов и употребления в переносных значениях существующих, в широком диапазоне возможностей сочетания лексических смыслов слов. В синтаксисе она проявляется в возможности построения из большого, но количественно ограниченного инвентаря слов и на основе количественно небольшого набора грамматических правил практически неограниченного числа бесконечно разнообразных предложений. Но если в сторону увеличения размера и состава предложения структурных пределов нет, то

противоположно направленная процедура свертывания имеет четко определенный предел. Таким пределом является элементарное предложение. Опускание в его составе какого-либо элемента разрушает его как структурную и семантическую единицу. Нововведенные элементы тоже могут все усложняться. Такой процесс может продолжаться бесконечно. Однако опускание элементов, присутствие/отсутствие которых не влияет на структурную и семантическую законченность остающейся части, может идти лишь до определенного предела. Минимальная по составу, простейшая по грамматическому строению и содержанию структура предложения называется *структурной схемой предложения*. Конструкция, построенная по структурной схеме с эксплицитной реализацией компонентов структурной схемы (и только их), называется *элементарным предложением*. Приведем некоторые структурные схемы для глагольных предложений:

- 1) подлежащее – сказуемое-глагол ненаправленного действия (действ. залог);
- 2) подлежащее – сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности (действ. залог) – прямое дополнение объекта;
- 3) подлежащее – сказуемое-глагол, требующий двух беспредложных дополнений: дополнения адресата и дополнения объекта (действ. залог) – беспредложное дополнение адресата – беспредложное дополнение объекта;
- 4) подлежащее – сказуемое-глагол пространственной направленности (действ. залог) – обстоятельство места;
- 5) подлежащее – сказуемое-глагол временной направленности (действ. залог) – обстоятельство времени;
- 6) подлежащее – сказуемое-глагол беспредложно-объектной направленности (страд. залог).

Набор структурных схем, специфичный для каждого языка, составляет исходную базу для построения реальных предложений как фактов речи.

Рассмотрим статус пассивных предложений. Входят ли пассивные построения в набор структурных схем на общих основаниях с построениями в ак-

тиве, или, может быть, они всего лишь вторичные построения, образуемые на основе активных? Если верно второе, набор структурных схем должен быть ограничен лишь построениями в активе. Постараемся обосновать положение о вхождении пассивных структур в набор структурных схем. Основной тезис в обоснование данного положения может заключаться в том, что пассивные предложения не порождаются в речи в результате соответствующих преобразований активных предложений в речемыслительной деятельности носителей языка. Это было доказано рядом психолингвистических экспериментов. В пользу деривационной независимости пассивных предложений от активных говорит и факт существования пассивных предложений, которым нет соответствий в активе, например: *I was born there. My father was killed in the war.* И наоборот, далеко не все активные предложения, трансформируемые в пассивные (в частности, предложения с глаголами прямо- и предложно-переходной направленности), могут быть подвергнуты пассивной трансформации. Таким образом, пассив – не производное от актива. Пассивные предложения – самостоятельное явление синтаксиса, однопорядковое с активными предложениями.

Общее количество структурных схем, выделенных с учетом критериев, отмеченных выше, составит список всего в несколько десятков единиц.

Семантика структурных схем может быть описана в терминах категориальных значений, характеризующих члены предложения, однако такое описание не является исчерпывающим, хотя оно и является достаточным для синтаксического описания, осуществляемого на уровне членов предложения.

Представление о предикационной структуре как первооснове предложения возникло еще в античный период, когда предложение и суждение строго не разграничивались, их компоненты по существу зачастую отождествлялись. В предложении и выражаемой им мысли (суждении) друг другу противопоставлялись субъект и предикат. И хотя постепенно росло стремление развести, с одной стороны, логический и грамматический субъекты, а с другой – логический и грамматический предикаты, в традиционной грамматике прочно утвердилось представление о двусоставности как важнейшем признаке предложения.

В классической логике, восходящей к Аристотелю, исследовались прежде всего атрибутивные суждения. *Субъект* здесь определяется как предмет, о котором выносится суждение. Субъект может соотноситься либо с объектом действительности, либо с понятием об объекте. Суждение о нем выносится в форме *предиката*, т. е. утвердительного или отрицательного высказывания. Это высказывание содержит указание на признак предмета.

Компоненты суждения находятся в предикативном отношении. Структуру атрибутивного суждения представляет формула $S - P$. В эту структуру может вводиться связка (глагол существования есть) как компонент, выражающий присущность или неприсущность признака предмету. Благодаря связке суждению придается значение истинности или ложности. Субъект и предикат как основные конститутивные компоненты атрибутивного суждения имеют одинаковый статус, ни один из них не подчинен другому.

Впоследствии атрибутивную логику стала вытеснять реляционная логика, определяющая предикат не как свойство отдельного предмета ($S - P$ или S есть P), а как отношение между двумя (или тремя и т. д.) предметами. Анализ пропозициональной структуры предложения во многом опирается на подобный подход.

На точку зрения реляционной логики становится синтаксис зависимостей. Тем не менее отсюда не вытекает необходимость отказа от использования в анализе предложения его трактовки в терминах атрибутивного, субъектно-предикатного суждения (как одной из главных форм мысли).

В результате многовековых исследований получены очень важные результаты в отношении того, что представляют собой грамматические субъект и предикат в отличие от логических субъекта и предиката, в чем заключается языковая специфика предикативного отношения и предикации, какую роль играет в языке субъектно-предикатная (подлежащно-сказуемая) структура.

Грамматический субъект (подлежащее) является одной из конститутивных знаковых единиц в составе предложения. Его означаемым является прежде всего один из семантических актантов с присущей ему ролевой функцией

(агентив, экспериенсер, элементив, инструмент, локатив и т. п.: *Студенты пишут диктант. Буря сломала много деревьев. Ключ открывает дверь*). Наряду с этим его означаемым часто оказывается логический субъект как представление об исходном предмете мысли. Субъект обеспечивает идентификацию носителя признака. Наложение на функцию одного из нескольких семантических актантов (если их в пропозиции более одного) функции логического субъекта придает суждению (и выражающему его предложению) свойство ориентированности и по отношению к предикату, и по отношению к объекту/дополнению (или объектам/дополнениям). Тем самым маркируется выдвижение одного их актантов на роль первого, главенствующего в логическом плане среди равных. Субъект задает грамматико-смысловую перспективу предложения.

Формальными признаками грамматического субъекта могут быть его начальная позиция в линейной структуре предложения (*Мать любит дочь. Дочь любит мать*), интонационная невыделенность, а в языках с развитой системой словоизменения – падежные флексии. Так, в языках номинативного строя за подлежащим в основном закрепилась форма именительного падежа, в языках эргативного строя выбор падежа для подлежащего зависит от переходности или непереходности глагола, в языках активного строя для подлежащего при сказуемом со значением действия используется активный падеж, а при глаголах со значением состояния – инактивный падеж.

Морфологический признак, однако, не абсолютен. Так, в предложениях типа *Мне страшно, Бурей сорвало крышу с сарая* с точки зрения логической на роль подлежащего претендуют *мне, бурей*. Здесь в позиции подлежащего реализуется либо единственный актант, либо первый (наиболее близко связанный с предикатом) актант.

В субъектной позиции могут появляться не только предметные, но и пропозициональные (предикатные) имена: *Курение сокращает жизнь*.

Грамматический предикат (сказуемое) является второй из двух конститутивных знаковых единиц в составе предложения. Его смысловой опорой явля-

ется семантический предикат, т. е. признаковая семантема. С функцией семантического предиката может совместиться функция логического предиката.

Грамматический предикат может характеризоваться определенным местом в линейной структуре предложения. В его позиции чаще всего выступает глагол. В языках с развитой системой глагольного словоизменения в словоформе глагола выражается набор самых разных граммем, принадлежащих к формоизменительным категориям времени, вида, наклонения, залога, отрицания, вопросительности, а также к согласовательным категориям лица, числа, иногда рода и т. п. Сказуемое может быть также представлено другими предикатными словами (прилагательное, наречие, предикатив, неличные формы глагола), а также существительным (со связкой или без нее). Возможны различные способы усложнения сказуемого, и граница между сложным глагольным сказуемым как целостным членом предложения и сочетанием сказуемого с другими компонентами часто устанавливается произвольно.

Наличие предикативно связанных грамматических субъекта и предиката многие исследователи считают обязательным свойством предложения. Эти члены предложения квалифицируются как главные, поскольку они формируют предикативную основу предложения, его конструктивный минимум. Но в конструктивный минимум некоторые исследователи включают, кроме подлежащего и сказуемого, также дополнение. В конструкциях с безобъектными, непреходными (в широком смысле) глаголами отсутствует позиция дополнения (иначе выражаясь, представлена нулем). Точно так же может отсутствовать и позиция подлежащего, когда предложение разворачивается на основе бессубъектного глагола (*Морозит*).

Все предложения могут делиться на *двукомпонентные* и *однокомпонентные*.

Сравните:

– примеры русских двукомпонентных подлежащно-сказуемостных предложений: *Ночь темная. Дети веселы. Работа закончена. Отец в саду;*

– примеры двукомпонентных предложений, не содержащих подлежащего (в обычно принятом смысле): *Можно ехать. Много дел. Нет времени;*

– примеры однокомпонентных предложений: *Светает. Стучат. Зовут. Тишина. Закрыто.*

В содержательно-ориентированных теориях синтаксиса особо подчеркивается, что на сказуемый конститuent, выступающий в качестве ядра, вокруг которого организуется ближайшее окружение, или же на предикативное отношение, связывающее сказуемое с подлежащим, ложится функция актуализации предложения в модально-временном плане, отнесения его содержания к описываемой ситуации действительности, утверждения или отрицания существования этой ситуации (по идее некоторых логиков, в одном из возможных миров). И сама связь между сказуемым и предикатом, и отнесенность предложения в целом к действительности (независимо от наличия или отсутствия в нем подлежащего) характеризуются в терминах предикации и предикативности.

Интенциональная структура предложения

Предложение представляет собой минимальную коммуникативную единицу. Это означает, что оно само по себе может быть самостоятельным высказыванием и конституировать текст. Включаясь в ситуацию общения, в так называемый коммуникативно-прагматический контекст, оно выступает как минимальная составляющая дискурса – речевой акт.

Коммуникативно-прагматический контекст высказывания образуют прежде всего участники коммуникации (коммуниканты). Один из них выступает как автор данного высказывания (продуцент), как отправитель сообщения. Другому коммуниканту (или группе коммуникантов) отводится роль индивидуального или коллективного адресата, получателя/получателей или реципиента/реципиентов передаваемого сообщения. В устном общении (при использовании акустических средств и вокального канала связи) между коммуникантами распределены роли говорящего и слушающего. В этом случае коммуниканты находятся в непосредственном контакте друг с другом (*face-to-face*-

communication). В письменной коммуникации (когда используются графические средства) коммуниканты противопоставлены друг другу как пишущий и слушающий. В данном случае коммуниканты могут быть разделены в пространстве и времени.

Языковое взаимодействие между коммуникантами обычно происходит во внешней среде, составляющими которой являются различного рода предметы, явления, события, положения дел. Именно в состоянии внешней среды обычно обнаруживаются какие-то причины, делающие необходимым коммуникативное взаимодействие людей. Так, например, довольно частым мотивом, побуждающим одного из коммуникантов к высказыванию, оказывается такое положение дел, которое им может восприниматься как неудобное, неприятное, дискомфортное, требующее осуществить какое-то действие, чтобы изменить ситуацию к лучшему с помощью своего собеседника. Подобного рода мотив лежит в основе формирования коммуникативного намерения (или коммуникативной интенции). Говорящий осуществляет свое высказывание с какой-то коммуникативной целью.

Говорящий использует предложение как конструктивную единицу, как средство, и тогда о его языковом акте (действии) мы говорим, как о локутивном акте. Высказывание может опираться через предложение на его семантическую структуру, и тогда мы говорим о пропозициональном акте, выделяя в нем акт референции и акт предикации. Эта сторона акта коммуникации в общем-то достаточно полно описывается в семантическом синтаксисе. Конструктивный и семантический синтаксис описывают то, что относится к языковой компетенции носителей языка.

Иногда предметом исследования высказывания оказываются условия достижения с его помощью так называемого перлокутивного эффекта, т. е. предполагавшегося или же побочного результата в изменении сознания адресата.

Интенциональная структура предложения как обязательное его свойство может быть представлена в формуле I_p , где p символизирует пропозицию (пропозициональное содержание), а I обозначает иллокутивную составляющую.

Различный характер выражаемых языковыми средствами иллокуций обуславливает наличие разных типов иллокутивных актов и, соответственно, разных прагматических (или интенциональных) типов предложений, обеспечивающих определенные социальные потребности общающихся. Пропозиция может быть идентичной в высказываниях, различающихся интенционально. Выражению иллокуции служит прежде всего перформативный глагол. Он именует коммуникативное действие (*говорить, сообщать, просить, требовать, приказывать, советовать, запрещать, приглашать, предлагать, спрашивать*), которое в определенном коммуникативно-прагматическом контексте оказывается не просто именем действия, но и самим действием. Такой контекст создается благодаря отнесенности действия в план настоящего (и обычно реального) и присутствию знаков личного дейксиса.

Классификация прагматических типов высказываний, число которых относительно невелико, обычно включает в себя:

- *констативы/ассертивы* (в таких высказываниях описываются какие-либо ситуации, утверждаются какие-либо факты: *Земля вращается вокруг Солнца*);

- *комиссивы* (высказывания-обещания), которые могут подразделяться на предложения-обещания (*промисивы*) и предложения-угрозы (*менасивы*): *Я обещаю скоро прийти; Я тебе задам!* (адресат не заинтересован в осуществлении обещанного действия);

- *экспрессивы* (посредством таких высказываний регулируются взаимоотношения между коммуникантами: *Я благодарю тебя за то, что ты помог. Поздравляю тебя с успешной сдачей экзамена*);

- *декларации/декларативы* (такими высказываниями говорящий, если ему позволяет социальный статус, вносит изменения в положение своего адресата или присваивает какому-то объекту имя: *Я назначаю тебя ответственным за подготовку конкурса*);

- *директивы* (высказывания, служащие побуждению адресата к действию или, наоборот, настаивающие на невыполнении действия, т. е. приказы, распо-

ряжения, просьбы, советы, приглашения, предложения чего-либо, запрещения, предостережения: *Прошу тебя записать это предложение. Не курить*);

– *интеррогативы/эротетивы/квеситивы* (высказывания, содержащие запрос необходимой информации: *Чем завершились переговоры?*);

– *вокативы* (высказывания-обращения: *Петр Николаевич!*);

– *оптативы* (высказывания-пожелания: *Летной Вам погоды! Чтоб у Вас всегда было хорошее настроение!*).

Актуализационные структуры предложения

Пропозициональная структура предложения служит не только способом кодирования языковыми средствами информации о конкретных положениях дел в действительности, но и способом начального упорядочения этой информации. Этому служат инвариантные конструктивные схемы с позициями для синтаксического предиката и синтаксических актантов. Смысловая и структурная информация на этом этапе как бы сгущается вокруг предиката. Каждый язык обладает определенным набором формальных показателей (интонация, расстановка конститuentов, служебные слова, грамматические морфемы), посредством которых маркируются, во-первых, позиция предиката и, во-вторых, позиции и ролевые функции актантов.

Предикационная структура предполагает очередной этап упорядочения смысловой информации, на котором одному из ряда актантов данной пропозиции приписывается роль первого, ведущего, а именно функция подлежащего (субъекта), а за другими актантами закрепляются функции дополнений (объектов). Соединение подлежащего со сказуемым создает предикативную основу предложения, обеспечивающую возможность соотнести предложение в целом с тем или иным фактом действительности, который локализуется во времени и пространстве. Информационное сгущение имеет теперь своим центром субъектно-предикатную (или же субъектно-предикатно-объектную) основу. Каждый язык располагает своими формальными возможностями для маркировки членов предложения: предиката, субъекта и объекта (или объек-

тов). Уже в отношении «субъект – предикат» или же «субъект – предикат – объект(ы)» задается некая смысловая перспектива и содержатся предпосылки для линейного развертывания (линеаризации) предложения.

На следующих этапах формирования предложения осуществляется его *актуализация*, т. е. дальнейшая привязка к описываемому в нем факту действительности и к речевой ситуации, в которой осуществляется соответствующий акт высказывания (речевой акт, коммуникативный акт). Происходит дальнейшее упорядочение предназначенной для передачи смысловой информации. Предложение в принципе редко выступает обособленно. Лингвиста в первую очередь интересуют предложения, в минимальной степени зависящие от вербального контекста и коммуникативной ситуации. Затем, его внимание обращается на те явления, которые обусловлены включением предложения в конситуацию (вербальный контекст + речевая ситуация). Можно соответственно различать основной и специфические варианты предложения. Конситуативная обусловленность проявляется прежде всего в том, что предложение не только и не столько конструктивно, сколько своим лексическим составом показывает свою привязку к определенному информационному комплексу. Так, о предложении *Студентам предстоит трудный экзамен по устному переводу* можно сказать, что оно отнесено к информационной сфере «Институт» или к более широкой информационной сфере «Образование». Это высказывание будет признано релевантным (оно относится к существу разговора об университетской жизни).

Таким образом, нормально присущее предложению как речевой единице предметно-ситуативное свойство можно именовать *релевантностью*. Именно релевантность данного предложения позволяет включить его пропозициональную структуру в пропозициональную структуру текста.

С опорой на понятие релевантности предложения можно уточнить содержание ряда понятий, относящихся к речевой актуализации предложения. *Данное*, выступая как компонент конситуативно обусловленного релевантного предложения, соотносимо с тем элементом конситуации, который представля-

ется уже известным, присутствующим и в сознании говорящего, и (по его убеждению) в сознании слушателя, не требующим особых пояснений. Высказывание строится с тем чтобы сообщить о данном что-то *новое*, чтобы внести какие-то изменения в сознание слушателя. Выражению данного могут служить любые слова или словосочетания, которые называют факт, предмет, лицо, действие, признак и т. п., уже упомянутые в предтексте или подсказываемые ситуацией. Обычно данное не выделяется особо в интонационном плане, в то время как новое может (но не всегда) маркироваться высоким тоном и сильным ударением.

Определенное выступает как компонент релевантного предложения. Оно соотносимо с каким-то классом предметов, о котором имеет представление мой адресат и в котором он, благодаря его наименованию в соответствующей форме в моем высказывании, может выделить и опознать (идентифицировать) именно тот предмет, который я имею в виду, т. е. установить определенную референцию (соотнесенность) данного имени к данному индивидуальному предмету. Определенное противостоит неопределенному, т. е. чему-то, что еще не идентифицировано.

Понятие *тема* очень часто соотносится с понятиями подлежащего (грамматического субъекта) и логического субъекта. Сочетание темы и противостоящей ей *ремы* образует своеобразный аналог предикативной структуре, и тогда понятие *ремы* подменяют понятием предикации. Под темой обычно имеется в виду предмет, о котором делается высказывание. О сказуемом же (предикате) говорилось, что оно является высказыванием о подлежащем (ср.: начальное греч. название сказуемого *rhema*).

Тема нередко совпадает с подлежащим, но предметом сообщения может быть референт любого другого конституента предложения. Для темы обычно начальное место в предложении. Поэтому для установления темы можно воспользоваться тестом на тематизацию, в процессе которого проверяется способность того или иного компонента занять первое место в предложении. Идентификация *ремы* производится посредством вопросно-ответного теста. Ремой яв-

ляется то, что служит ответом на вопрос: *Что сообщается?* Тема часто совпадает с данным. Данное и тема во взаимодействии друг с другом приводят в действие механизмы линеаризации предложения (т. е. его развертывания в цепь, линейную последовательность конstituентов) и синтагматического членения предложения/фразы (разбиения последовательности на элементарные речевые интонационно-смысловые единицы). И новое, и рема могут выделяться не только паузами, но и более высоким тоном и более сильным ударением. Тема часто совмещается с определенным компонентом высказывания. Возможно опущение компонента, выражающего тему. Допускается существование коммуникативно нечленимых (т. е., по сути дела, рематических) высказываний: *Светаёт. Морозит.*

Членение высказывания на тему и рему, обозначаемое часто актуальным членением предложения, изучается многими лингвистами и может составлять объект т. н. актуального (или коммуникативного) синтаксиса. Постепенно выясняется его многослойность. Так, если ограничиться при описании актуального членения только линейным планом предложения, то следует принять положение о том, что тема начинает предложения, намечая направления развертывания высказывания по поводу той или другой темы. В этом случае речь идет о нейтральных, экспрессивно не окрашенных предложениях. Если же принять во внимание интонационные средства (особенно эмфатическое ударение), обособление в начальной позиции, расщепленные конструкции, частицы и т. п.), то обнаруживается особое явление, именуемое *фокусом контраста* (проминентностью, выделением). Фокус часто отождествляют с новым или ремой, говоря о таком процессе, как рематизация. Предлагается даже устанавливать его наличие с помощью вопросно-ответного теста, как это делается при выявлении ремы. Но фокус контраста отличается от нового и ремы тем, что он открывает указание на возможность выбора из ряда конкурирующих референтов, одновременно называя нужный референт и блокируя выбор любого другого. Находящийся в фокусе контраста (подвергаемый фокализации) компонент высказывания обычно выделяется эмфатическим (логическим) ударением, которое рез-

ко меняет интонационный рисунок, обуславливая понижение тона и ослабляя ударение на всех последующих словах. Этот компонент может быть (в силу инверсии, нарушающей нормальный, объективный порядок слов) выдвинуться на первое место в предложении.

Предикативность

Предложение как языковое обозначение внеязыковой действительности должно быть актуализировано. Актуализация содержания предложения делает предикативность необходимым и неотъемлемым свойством каждого предложения.

Предикативность – один из важнейших, возможно, структурно самый важный признак предложения. Язык отличается способностью к бесконечному разнообразию способов обозначения даже тождественных денотатов. С наибольшей наглядностью это проявление знаковой природы языка обнаруживается в средствах лексической номинации. Так, одно и то же лицо может быть названо, скажем, *Peter*, *you*, *my room mate*, *Johnson's son* и т. п. Это же свойство вариативности способов обозначения присуще и синтаксическим единицам. Правда, здесь инвентарь возможных способов обозначения денотата конечен, и потому соотнесенность «денотат – обозначение» носит более жесткий характер. Наиболее существенное различие между ними – предикативность, наличествующая в предложении и отсутствующая в словосочетании и слове. Соотнесенность последних с действительностью, их актуализация возможна лишь при употреблении их в составе или в качестве предложения. Правда, отнесенность к действительности, пусть несамостоятельная, а через предложение, присуща и компонентам предложения. В предложении *I admired the beauty of the landscape* каждое из знаменательных слов имеет реальный денотат в действительности. Не правы ли поэтому те, кто считают, что отнесенность к действительности является свойством речи вообще, а не отдельного предложения? С таким взглядом можно согласиться, но при этом следует иметь в виду, что отнесенность речи к действительности обеспечивается соответствующим свой-

ством предложений, а не наоборот. Предложение располагает и средствами выражения предикативности.

Наряду с рассматриваемым существует иное, хотя и соотносительное с рассматриваемым, явление, также именуемое *предикативностью*. Сущность его заключается в следующем. Ситуация, составляющая денотат предложения, предстает в предложении обработанной человеческой мыслью. Один из важнейших параметров этой обработки – придача представлению о ситуации формы суждения, имеющего субъектно-предикатную структуру. В предложении логический субъект и логический предикат представляются через актуальное, или тема-рематическое, членение, а их связь – через предикативность.

Модальный аспект предложения многопланов. Структурно основным является модальный план, задаваемый наклоном глагола-сказуемого. Он присущ каждому предложению. Даже безглагольные предложения осмысливаются как принадлежащие к тому или иному плану, но эксплицитно, грамматическими средствами модальный план выражается только в глагольных предложениях. Основной модальный план представляет описываемую ситуацию как реальную/нереальную.

Современный язык обладает, кроме того, значительным по количеству вовлеченных лексических элементов и многообразным по семантике и характеру взаимодействия с основным модальным планом арсеналом средств модификации основного модального плана. Это прежде всего модальные слова и конструкции. Модальные значения, передаваемые такими средствами, по характеристике В. В. Виноградова, образуют как бы второй слой модальных значений в смысловой структуре высказывания, так как они накладываются на грамматическую основу предложения, уже имеющего модальное значение. Следует подчеркнуть, что включением в содержание предложения модальных значений «второго слоя» в модальную семантику предложения вносится субъективная струя. Общий модальный план представляется как прошедший через призму его оценки автором предложения. Общее модальное значение, передаваемое наклоном глагола, может подкрепляться, усиливаться или, наоборот, ослаб-

ляться модальными значениями второго порядка. Употребление модальных слов и конструкций уже хотя бы в силу их структурной необязательности вносит в модальное содержание предложения значения, которым присущ признак субъективной окрашенности. Если через наклонение глагольной формы авторская позиция относительно модальности содержания предложения передается незаметно, ненавязчиво, словно возникая независимо от говорящего, то вводные слова и конструкции показывают авторскую позицию ясно и отчетливо. Структурно более сложный путь включения в содержание предложения модальных значений второго слоя, показывающих характер реальности связи между предметом и предиктируемым признаком, заключается в усложнении структуры сказуемого путем внесения в нее элементов того или иного модального содержания: *He must have seen the light. I'll be sure to come.*

Предложение – продукт творческой деятельности автора высказывания. Человек – существо творческого мышления и естественно ожидать от него проявления творчества в такой области, тесно связанной с сознанием, как речевая деятельность, пользование языком. Если говорить о творческом начале в речевой деятельности применительно к синтаксису, то здесь оно реализуется в порождении бесконечного разнообразия всякий раз новых предложений. Для нормально владеющего языком человека характерно не хранение в памяти готовых предложений «на все случаи жизни» (понятно, что это просто невозможно), а конструирование для разового употребления новых предложений, даже для сходных ситуаций. Пригодность предложения для использования в актах речевой коммуникации связана, в частности, с тем, что предложение как раз дает человеку возможность творчески и активно реагировать на постоянно изменяющуюся, динамическую действительность, взаимодействовать (средствами языка) с новыми условиями (как в смысле отражаемого содержания, так и непосредственных участников) речевого акта. В предложении устойчивость структуры (набор структурных схем построения предложений и способов соединения элементов предложения определен и конечен) сочетается с постоянной новизной содержания и каждое предложение ново. В книге, содержащей

десятки и сотни тысяч предложений, для взятого наугад предложения трудно найти идентичного «двойника». Построение говорящим каждого предложения является творческим актом. Из конечного числа слов, используя конечный набор правил, носитель языка способен строить бесконечное множество разных по архитектонике структуры и по содержанию предложений. Творческий аспект построения предложений до недавнего времени мало привлекал внимание исследователей, но с развитием теории порождающей грамматики моделирование этой способности человека становится одной из задач лингвистики.

Предложение, подобно любой другой значащей единице языка, имеет форму. Опять-таки, как и в случае других значащих единиц языка, внимание носителей языка (за исключением, возможно, периода усвоения языка) обычно не фиксируется на форме предложения, и потому ее существование не представляется столь очевидным, как содержание. Но следует помнить, что предложение – составной знак и его форма заключается в наличии в нем набора знаков определенной формы, постоянных и переменных для данного предложения, расположенных в определенной последовательности. Следовательно, форма предложения многоступенчата и многокомпонентна. В частности, она включает формальные показатели составляющих предложение компонентов-членов предложения, способ организации этих компонентов, равно как и сам их набор. В грамматике способ организации – это, в частности, взаимная последовательность компонентов, фонетически – это объединение их в границах общего интонационного предложенческого контура.

Интонационное оформление – неотъемлемое свойство любого предложения. Как и во многом другом, в языке в интонационном оформлении важны не абсолютные признаки такого оформления, а относительные, основанные на противопоставлении интонации, характеризующей разные коммуникативные типы предложений. Сравните, например, интонацию повествовательного и вопросительного предложений. Учитывая наличие структурной организации предложения, при грамматическом изучении предложения интонационное оформление следует рассматривать как дополнительный признак, описание ко-

того выходит за пределы грамматической теории и входит в компетенцию фонетики. Для грамматического изучения интересны проявления взаимодействия грамматики и фонетики, как, например, случаи нейтрализации грамматических показателей повествовательности предложения в результате использования интонации, не свойственной данному структурному типу предложения. Случаи подобного рода показывают, что в иерархии языковых средств выражения повествовательности/вопросительности фонетические показатели занимают более высокое положение по сравнению с грамматическими.

Тема-рематическая организация предложения

Высказывание как коммуникативно-синтаксическая единица характеризуется особым членением, которое получило название *актуального членения*. Учение об актуальном членении впервые было разработано в Чехословакии лингвистами, членами Пражского лингвистического кружка, в частности В. Матезиусом. Актуальное членение высказывания проявляется следующим образом. В высказывании различаются два следующих типа информации.

1. Информация менее важная, предопределенная контекстом, чаще всего известная, и информация, которая и составляет коммуникативную цель высказывания, чаще всего это *новая* информация. Компонент, содержащий менее важную информацию, называется *темой* высказывания (от греч. *thema* – *положенное в основу*), по терминологии В. Матезиуса – *основа*.

Компонент, содержащий самую важную информацию, называется *ремой* высказывания (от греч. *rhema* – *сообщение, высказывание*), по терминологии В. Матезиуса – *ядро*. Рема представляет собой ответ на тот или иной вопрос – реальный или возможный. Например: *Петя поедет на соревнования*. Рема этого высказывания *на соревнования*, это ответ на вопрос: *Куда поедет Иван?* Мы можем перестроить высказывание, сделав ремой компонент *Петя*: *На соревнования поедет Петя*. Это уже ответ на другой вопрос: *Кто поедет на соревнования?*

2. Наряду с коммуникативными компонентами *тема* и *рема*, в высказывании выделяются и чисто смысловые компоненты – данное (старая, известная информация) и новое. Чаще всего *рема* – это новое, а *тема* – данное. Это мы наблюдали в предыдущем примере и наблюдаем в следующем: *Позвонила Таня. Она была явно чем-то расстроена*. Но соотношение может быть и иным: тема может содержать новую информацию, а рема – старую, известную. Например, *Я вошел в приемную. Секретарша* (тема, новое) *даже не взглянула на меня* (рема, новое).

Не всякое высказывание членится на тему и рему, существуют т. н. нерасчлененные высказывания, состоящие из одной только ремы. Это характерно для высказываний бытийных, выражающих состояние природы, окружающей среды. Например, *Была зима. Стояла жара*.

Тематическая часть предложения содержит то, что является предметом высказывания, рематическая – то, что о нем сообщается. Нетрудно видеть, что такая характеристика темы и ремы предложения близка к традиционному логико-содержательному определению главных членов предложения, подлежащего и сказуемого. Их сближение не случайно. Часто именно группа подлежащего (естественно, в условиях ее лексической полноценности: это не может быть формальное подлежащее) является коммуникативно темой высказывания (Т), а группа сказуемого – его ремой (R). Распространенность такого соотношения легко объяснима. Ведь формы языка имеют своим функциональным назначением обеспечение как формирования, так и передачи человеческой мысли. Эффективность функционирования языка была бы в значительной степени снижена, если бы форма и содержание постоянно или даже часто находились в противоречии. Тематичность подлежащего при разнорольном его содержании может достигаться пассивизацией предложения. Сложность анализа темарематической организации предложения связана с его контекстной зависимостью, с возможностью локализации факторов, определяющих темарематическое членение, за пределами языка. Одно и то же предложение, даже

простейшего двучленного состава, может по-разному интерпретироваться в тема-рематическом плане.

Способы представления синтаксической структуры высказывания

Теория членов предложения оперирует функциональными единицами. *Член предложения* – это не что иное, как функциональная единица. Функции, выполняемые такими единицами (функция подлежащего, дополнения и т. д.), в традиционной грамматике фактически не определяются. Те определения, которые иногда принимаются, обычно неудовлетворительны. Так, *подлежащее* определяют, как «то, о чем говорится в предложении».

Однако, например, в предложении *Стол она вытерла* говорится, по видимому, о столе. Однако необходимо сделать отступление. Дело в том, что существуют, по крайней мере, два способа описания членения предложения: 1) представление собственно синтаксической структуры предложения; 2) так называемое актуальное членение предложения. *Актуальное членение* предложения отражает его структуру со следующей точки зрения: что из сообщаемого, по мнению говорящего, слушающему уже известно, а что является новым, неизвестным. Соответственно предложение делится на две части: тему (или данное) и рему (или новое). В предложении *Стол она вытерла* в качестве темы выступает слово *стол* (*что касается стола...*), а в качестве ремы *она вытерла* (*...то она его вытерла*).

Определения подлежащего и других членов предложения по способу оформления, т. е. обычно по их морфологии, в принципе не могут быть универсальными, т. к. морфология языков существенно разнится, и даже в пределах одного языка один и тот же член предложения, в частности подлежащее, может иметь разные типы оформления.

Итак, единицы традиционной грамматики членов предложения носят функциональный характер, универсальной формальной методики для их выделения и определения не имеется. Что касается связей, то традиционная грамма-

тика членов предложения в своем наиболее распространенном варианте оперирует двумя типами связей: *взаимоподчинительными* и *подчинительными*.

Взаимоподчинительная связь, согласно этой концепции, существует между подлежащим и сказуемым: ни подлежащее, ни сказуемое не обладает абсолютным старшинством: они имеют один и тот же ранг в синтаксической иерархии; по существу, связь между ними можно было бы считать ненаправленной, т. е. лишенной элемента подчинения.

Подчинительные связи существуют между подлежащим, сказуемым и другими членами предложения, а также между этими последними (например, между дополнением и определением к нему). Частным случаем подчинительной связи является *управление*, при котором управляющее слово требует наличия другого слова в определенной форме, например, переходный глагол требует наличия существительного в форме винительного падежа (*рубить дерево*).

Иерархичность синтаксической структуры в традиционной грамматике проявляется не только в признании подчинительных связей, но и в выделении главных членов предложения – подлежащего и сказуемого – и второстепенных членов – всех остальных. Внутри класса второстепенных членов иерархия практически не устанавливается, такие разные члены предложения, как дополнения и определения, в равной мере признаются второстепенными.

Второстепенные члены предложения

В организации предикативной единицы (простого предложения) необходимыми компонентами являются главные члены предложения – грамматический предикат как выразитель предикативных категорий синтаксического времени и объективной модальности (сказуемое или единственный главный член в односоставном предложении) и подлежащее (в двусоставных предложениях). Но в предложении, как правило, есть и другие компоненты – словоформы, не входящие в предикативное ядро. Их и называют второстепенными членами предложения.

Второстепенные члены – категория грамматическая, это компоненты, противопоставленные главным членам предложения как не участвующие в выражении предикативности, не входящие в предикативное ядро. Тем не менее такие компоненты бывают очень важными в семантической и коммуникативной организации высказывания. В высказывании второстепенные члены предложения могут представлять рему и играют важную роль в высказывании.

Термин *второстепенные* отражает роль этих компонентов только в грамматической структуре и только в одном смысле: они не входят в предикативное ядро. На разных этапах развития синтаксической науки отношение к этим компонентам менялось: одни ученые признавали их роль в предложении, другие вообще исключали это понятие. Обратимся к разным синтаксическим теориям, сторонники которых занимают противоположные позиции по отношению к второстепенным членам.

Понятие *второстепенных членов* было введено в русский синтаксис Н. И. Гречем, затем оно разрабатывалось в грамматике Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова. Классификация, представленная в трудах этих ученых, дошла до наших дней и до сих пор применяется в школьной грамматике.

Все второстепенные члены делят на три типа: дополнения, определения и обстоятельства. Первоначально в качестве критериев различения второстепенных членов выдвигались формальный (синтаксические связи) и смысловой (синтаксические отношения). А. А. Шахматов писал: «Обстоятельствами признаем только те словесные выражения, которые соответствуют наречию, дополнением – те словесные выражения, которые представляются падежами существительного, не утратившими значения существительного». Возможно ли совмещение этих двух критериев?

Обратимся к примерам: *Машина остановилась около дома с колоннами*. В этом предложении две предложно-падежных словоформы, которые согласно формальному критерию мы должны определить, как дополнения. В то же время с точки зрения синтаксических отношений они различаются: *около дома* выра-

жает обстоятельственное отношение (*остановилась где?*), а с колоннами – определительное (*дома какого?*).

Как видим, совмещение формального и семантического критериев для различения второстепенных членов оказывается невозможным. По этой причине в последующих синтаксических описаниях и, в частности, в школьной грамматике утвердился один критерий – семантический: второстепенные члены различаются на основе синтаксических отношений к главному члену или к другому второстепенному члену.

Достоинства и слабые стороны традиционной классификации второстепенных членов предложения. Эта классификация (определения, дополнения, обстоятельства) имеет свои достоинства: 1) она отличается последовательностью и стройностью; 2) она в достаточной степени надежна: при помощи анализа синтаксических отношений всегда может быть выявлена грамматическая семантика, т. е. вид второстепенного члена.

Традиционная классификация имеет и слабые стороны.

1. Она не дает ничего нового для понимания устройства предложения, поскольку дублирует анализ словосочетаний.

2. Деление на три вида второстепенных членов несовершенно. В частности, к обстоятельствам в этой классификации относят очень разные по своей роли в предложении и по значению компоненты.

Второстепенные члены с предметным значением относятся к дополнениям, при этом не учитываются их важные различия: одни из них действительно «дополняют» значение действия, признака – при объектных отношениях, а другие относятся ко всему предложению и имеют значение субъекта ситуации.

3. Эта классификация не охватывает всех возможных случаев распространения предложения. К каким, например, членам предложения можно отнести выделенные словоформы (*Я помню его молодым. Тебе надо разобраться самому. В тишине раздавался лай собак?*). Первые два напоминают определения, но эти словоформы связаны не только с местоимениями-существительными, но и с глаголами, здесь налицо двунаправленные связи.

Предложно-падежная форма в третьем предложении имеет обстоятельственное значение. Но какое? Пространственное? Здесь явно какое-то другое значение, не представленное в классификации обстоятельств.

Можно привести и много других примеров, где второстепенные члены нельзя квалифицировать, используя традиционную классификацию.

Система членов предложения

Из каких элементов складывается сама система членов предложения? Это – *подлежащее, сказуемое, дополнение, обстоятельство и определение*. В какой-то мере эта система соотносительна с системой частей речи, но лишь в какой-то мере. Полный параллелизм между той и другой системами не только нежелателен с точки зрения содержательных задач и возможностей языка, но и в принципе невозможен, уже хотя бы потому, что в самой структурно-семантической природе некоторых частей речи заложена их синтаксическая полифункциональность. Так, существительное как выразитель значения предмета может быть подлежащим, дополнением, обстоятельством, приименным определением, именной частью сказуемого.

Традиционно члены предложения делятся на *главные* и *второстепенные*. Принимая данные обозначения как условные, следует признать, что установленное традицией деление отражает важное дифференциальное свойство членов предложения, а именно их участие/неучастие в формировании предикативного ядра предложения, в выражении категории предикативности. Практическое удобство к преимуществу такого деления заключается в его однозначности: подлежащее и сказуемое – всегда главные, остальной состав предложения – всегда второстепенные члены предложения.

Если же исходить из той роли, какую члены предложения играют в формировании структурно-семантического минимума предложения, то окажется, что большинство дополнений и некоторые обстоятельства (в зависимости от синтагматического класса глагола-сказуемого) столь же важны и необходимы, как подлежащее и сказуемое.

Распределение членов предложения в системе будет иным, если их рассматривать исходя из их роли в актуальном членении предложения. Здесь окажется, что именно второстепенные члены предложения зачастую являются коммуникативно существенными (рематичными), тогда как подлежащее и (в меньшей степени) сказуемое составляют исходную часть высказывания (тематичны). Таким образом, элементы одной и той же системы по-разному организуются, если их рассматривать в аспекте разных присущих им свойств.

Видимо, будет правильным при установлении системы членов предложения исходить из роли членов предложения в образовании предложения и из характера их взаимных отношений. В этом случае можно выделить три основные группировки членов предложения.

1. Подлежащее и сказуемое. Статус подлежащего и сказуемого особенный сравнительно с другими членами предложения. Лишь подлежащее и сказуемое взаимно связаны друг с другом и независимы по отношению к любому другому члену предложения, тогда как все другие могут быть возведены на основе связей зависимости к подлежащему и сказуемому как главенствующим элементам. Эта иерархия зависимостей хорошо видна при построении схемы зависимостей. Верхний ярус в ней неизменно занимают подлежащее и сказуемое.

2. Дополнения и обстоятельства. Дополнения и обстоятельства являются неизменно зависимыми членами предложения. Они могут быть (и даже преимущественно являются) глагольно-ориентированными, т. е. синтаксически обычно зависят от глагола. Дополнения и обстоятельства могут быть комплетивами, т. е. элементами, необходимыми для структурно-семантической завершенности элементарного предложения.

3. Определения. Постоянно зависимые, подобно дополнениям и обстоятельствам, определения – в отличие от названных членов предложения – синтаксически связаны лишь с существительными. Их неглагольная синтаксическая ориентированность определяет их принадлежность к иному срезу в членении предложения, чем тот, который образуется выделением из предложения

вербоцентричного ядра. В отличие от всех этих элементов определение не входит в структурную схему предложения.

Сложным является вопрос об основаниях дифференциации членов предложения. Относительно легко он решается при разграничении главных и второстепенных членов. Лишь через первые выражается категория предикативности, тогда как вторые не участвуют в ее выражении. Далее начинаются сложности. При глагольном сказуемом дифференциация подлежащего и сказуемого осуществляется на основе признака морфологической природы слов: имя – подлежащее, глагол – сказуемое. В том случае, когда сказуемое именное, с существительным в качестве именной части, решить вопрос о том, что есть что, в отдельных случаях оказывается непросто.

Одним из нерешенных вопросов теории членов предложения является вопрос о возможных и, главное, необходимых пределах внутренней дифференциации членов предложения. Должны ли мы в делении дополнений ограничиться немногими традиционными типами или идти дальше? Завершается ли деление обстоятельств установлением среди них обстоятельства места или следует еще выделять обстоятельства собственно места и обстоятельства направления, а, возможно, проводить деление и далее? Практика лингвистических исследований свидетельствует о том, что предел дифференциации, или, иначе, уровень анализа, имеющий в каждом случае объективную основу в закономерностях языка, устанавливается исследователем, исходя из целей исследования и возможностей исследователя. Под последними следует понимать не субъективные возможности исследователя как индивида (хотя они тоже важны), а состояние современной исследователю науки, совокупность научных идей современной эпохи.

Статус подлежащего и сказуемого. Статус подлежащего и сказуемого в структуре предложения уникален. Лишь через них выражается категория предикативности, этот важнейший структурный и семантический признак предложения. Строго или формально говоря, предикативность выражается формами глагола-сказуемого. Поскольку, однако, сами эти формы возникают и суще-

ствуют на основе единства и одновременно взаимной противопоставленности подлежащего и сказуемого, можно говорить об участии, пусть косвенном, подлежащего в выражении категории предикативности.

Показательно, что в назывных, безглагольных предложениях существительное принимает ту форму, которая присуща именно подлежащему (именительный падеж в русском языке, общий падеж в английском).

Уникальны и взаимные отношения этих двух членов предложения. В сочетании подлежащего и сказуемого нет главенствующего и зависимого элементов. Подлежащее и сказуемое находятся в отношениях взаимной зависимости, или интердепенденции. В то же время все остальные члены предложения прямо или опосредованно связаны с подлежащим и сказуемым связью зависимости. Именно поэтому первое и основное членение предложения по непосредственно составляющим, учитывающее как раз отношения синтаксической зависимости, – это членение на состав подлежащего и состав сказуемого (по другой терминологии, группа существительного и группа глагола). Подлежащее и сказуемое – единственные среди членов предложения синтаксические единицы, которые неизменно входят в структурно-семантический минимум предложения. В английском языке возможны глагольные предложения лишь двусоставного типа.

Подлежащее. Подлежащее является синтаксическим противочленом и одновременно «партнером» сказуемого. Подлежащее выполняет в предложении две структурные функции: *категориальную* и *релятивную*.

К а т е г о р и а л ь н а я ф у н к ц и я подлежащего заключается в обозначении носителя предикативного признака, передаваемого сказуемым.

Обязательная двусоставность английского глагольного предложения делает подлежащее существенным конституентным элементом предложения.

Р е л я т и в н а я ф у н к ц и я подлежащего состоит в том, что оно является исходным элементом в последовательном синтагматическом развертывании предложения, составляя левостороннее окружение глагола-сказуемого, которое противостоит его правостороннему окружению, прежде всего дополнению или дополнениям.

Как член предложения подлежащее формируется лишь при наличии сказуемого. В отсутствие последнего словоформа именительного падежа личного местоимения или общего падежа существительного недостаточна для приписывания соответствующим словам статуса подлежащего. С другой стороны, количественное значение существительного-подлежащего определяет форму глагола как сказуемого или его изменяемой части в отношении числа.

Сказуемое. Категориальная сущность сказуемого определяется его отношением с подлежащим. Оно выражает предикативный признак, носителем которого является предмет, передаваемый подлежащим. В выражении такого признака заключается *категориальная функция* сказуемого.

Наряду с категориальной, т. е. предикативной, или сказуемостной, функцией, сказуемое выполняет *релятивную связывающую функцию*, выступая в качестве опосредствующего звена между подлежащим и элементами правостороннего глагольного окружения – дополнением и обстоятельством. Так, в отношениях между предложением в действительном и предложением в страдательном залоге глагол-сказуемое образует своеобразную «ось», вокруг которой «вращаются» подлежащее и дополнение, меняющиеся своими местами в предложениях актива и пассива.

Сказуемое выражает две разновидности структурных значений: *категориальное значение*, т. е. значение, присущее сказуемому как определенному члену предложения (значение предикативного признака), и значения, связанные с грамматическими категориями личной формы глагола (значения наклонения и времени, залога, лица и числа). Совместное выражение двух указанных разновидностей значений в одном слове возможно лишь в простом глагольном сказуемом. Хотя в грамматических описаниях глагольное и именное сказуемые представляются как изолированные, не связанные друг с другом, в действительности они связаны соотносительной связью.

Таким образом, два основных типа сказуемого – это глагольное и именное. Они элементарны в том смысле, что не могут быть преобразованы в более простые, содержательно и формально, структуры.

Дополнение. Одной из отличительных особенностей дополнения в английском языке является его соотносительность с подлежащим. В самом деле, оба члена предложения имеют в морфолого-лексическом плане общую субстантивную основу, могут находиться в отношениях конверсии. Дополнение вообще легко трансформируется в подлежащее при пассивизации предложения. В глагольных предложениях подлежащее и дополнение – два самых близких к глаголу элементов его окружения. Дополнение, находящееся в синтаксической связи с глаголом-сказуемым, – неизменно компонент структурной схемы предложения. Появление дополнения в предложении, как правило, детерминировано семантикой глагола или прилагательного в предикативном употреблении. Поэтому дополнение характеризуется ограниченной дистрибуцией.

Обстоятельство. Обстоятельство не трансформируется в подлежащее. Его присутствие в предложении далеко не всегда детерминируется семантикой глагола и потому, будучи свободно в возможностях употребления, обстоятельство может входить в состав любого предложения. Поэтому обстоятельство можно охарактеризовать как член предложения, обладающий преимущественно свободной дистрибуцией. Лишь в связи с ограниченным числом глаголов, а именно с глаголами обстоятельственной направленности, обстоятельство является компонентом структурной схемы предложения. Таким образом, по признакам, присущим дополнению, обстоятельство характеризуется преимущественно отрицательно.

Определение. В отличие от рассмотренных выше членов предложения, которые могут быть или исключительно являются глагольно-ориентированными в отношении синтаксических связей, определение – субстантивно-ориентированно. **О п р е д е л е н и е** – зависимый элемент именного словосочетания, обозначающий атрибутивный признак предмета, называемого существительным. Сказуемое, в отличие от определения, обозначает предикативный признак. Кроме того, определение – элемент словосочетания. Подлежащее же и сказуемое словосочетания не образуют. Наконец, в то время как предикативный признак может быть поставлен в связь с существительным

лишь в позиции подлежащего, определение может присоединяться к существительному в любой синтаксической функции.

По положению в отношении главенствующего существительного определение может быть *препозитивным* и *постпозитивным*. Прилагательные не имеют дифференцирующих средств выражения синтаксической отнесенности в зависимости от пре- или постпозиции.

Детерминанты. Обстоятельства места и времени, называющие пространственно-временные координаты действия, т. е. его внешние обстоятельства, способны, если их употребление не обусловлено семантикой глагола, утрачивать связь с глаголом и от обозначения пространственно-временных координат действия переходить к передаче пространственно-временных координат всей описываемой в предложении ситуации. Такие обстоятельства называются детерминирующими, или детерминантами. Обычно детерминирующее обстоятельство помещается в начало предложения, в т. н. нулевую позицию, но некоторые из них, типа *then*, отличающиеся позиционной подвижностью, встречаются и в других местоположениях. По своему содержанию рассматриваемые обстоятельства часто релевантны не для одного предложения, в которое они входят. Они могут передавать пространственно-временной фон, на котором развиваются события, описываемые в ряде предложений. Таких предложений может быть сколько угодно много. Каких-либо структурных ограничений их количества нет. Это их свойство определяет роль детерминантов как текстообразующего средства. В качестве детерминантов могут выступать и другие обстоятельства, например, причины, цели.

Вербоцентрическая теория синтаксической структуры высказывания

Данная теория разработана французским ученым Л. Теньером. Термин *вербоцентрическая* отражает ее суть: в основе предложения – глагол-предикат (вербум). Это единственный главный член предложения. Все другие члены – второстепенные. Таким образом, на одном уровне зависимости от предиката

оказываются дополнение и подлежащее – как непредикативные компоненты, связанные с предикатом, предопределенные его валентностями. Эта теория получила распространение в описании европейских языков, где предложение обязательно включает глагол.

Подчиненные синтаксические единицы делятся, прежде всего, на *актанты* и *сирконстанты*.

А к т а н т ы – это такие функциональные единицы, присутствие которых отражает обязательные валентности глагола-сказуемого, т. е. валентности, которые должны быть заполнены в неэллиптическом предложении.

С и р к о н с т а н т ы – это функциональные единицы, присутствие которых отражает факультативные валентности глагола-сказуемого. Например, в предложении *Завтра я подарю тебе компьютер* слова *я, тебе, компьютер* являются актантами, т. к. без них предложение будет неполным, эллиптическим, а слово *завтра* – сирконстантом, поскольку его отсутствие не превращает предложение в эллиптическое.

Между актантами устанавливается иерархия: выделяются первый актант, второй актант, третий актант и т. д. В предложении *Завтра я подарю тебе компьютер* первый актант *я*, второй актант *компьютер*, третий актант *тебе*. Это различие между актантами определяется их «степенью необходимости»: по определению, присутствие всех актантов обязательно, однако легко видеть, что опущение разных актантов в различной степени сказывается на полноте синтаксической структуры. Актанты и сирконстанты грамматики Л. Теньера практически эквивалентны членам предложения. Через понятие актанта и сирконстанта можно определить основные члены предложения, а именно: подлежащее и дополнение – это актанты, обстоятельства сирконстанты.

Определения в грамматике Л. Теньера составляют особый класс функциональных единиц. Их отличительная черта заключается в том, что если актанты и сирконстанты подчиняются непосредственно глаголу-сказуемому, то определения подчиняются актантам, сирконстантам или друг другу.

Актанты нумеруются по номеру заполняемой валентности. Среднее число актантов у слова – 3–4; максимальное – 6–7. В теории Л. Теньера актант противопоставлялся *сирконстанту* – второстепенному члену предложения, выражающему «фонового» участника ситуации (ср.: *побеждать вопреки обстоятельствам, сниться по ночам, вчерашнее пятно* и т. д.). Сирконстанты свободно присоединяются к предикатным словам, дополняя обозначаемые ими ситуации.

Функцию сирконстанта всегда берет на себя слово, относящееся к категории наречия, или группа слов, эквивалентная наречию. Таким образом, существует столько видов сирконстантов, сколько имеется видов наречий: времени, места, способа действия и т. д.

Количество сирконстантов не так определено, как количество актантов. Предложение может не иметь ни одного сирконстанта, а может содержать их в неограниченном количестве.

Сирконстанты имеют тенденцию располагаться в определенном порядке. Так, сирконстанты образа действия, как правило, предшествуют сирконстантам общего времени, сирконстанты общего времени предшествуют сирконстантам количества, эти последние – сирконстантам места, а они в свою очередь предшествуют сирконстантам частного времени.

Трансформационная модель высказывания

В основе трансформационной методики лежат следующие идеи З. Харриса: синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, исходной, а все другие производны от нее. Н. Хомский язык рассматривает не как набор единиц языка и их классов (дескриптивная лингвистика), а как своеобразный механизм, создающий правильные фразы. Синтаксис Н. Хомский определял как учение о принципах и способах построения предложений. По его мнению, система грамматических правил существует, как способность порождать и понимать бесконечное число предложений.

«Генеративная грамматика» (по Н. Хомскому) содержит набор правил, позволяющих описать глубинную структуру предложения и создать на ее основе множество синтаксически правильных поверхностных вариантов. Ученый вводит ряд правил перехода глубинной структуры в поверхностную (правила подстановки, перестановки, произвольного включения одних элементов, исключения – других), а также предлагает около 30 правил трансформации (пассивизация, субституция, негация, адъюнкция, эллипс и др.). Все это в совокупности и представляет согласно трансформационно-генеративной теории врожденную способность к производству языка. Теоретическая основа трансформационной модели сводится к тому, что все множество (реальных и потенциальных) высказываний данного языка подразделяется на два неравных класса: 1) ядерных конструкций; 2) производных конструкций.

Первые характеризуются простейшим строением и немногочисленностью (в английской грамматике, например, выделяется около десятка ядерных конструкций), а потому считаются изначальными. Вторые можно вывести из первых при помощи специальных правил преобразования и комбинирования – трансформаций. Согласно трансформационной модели структура предложения изображается не просто как «дерево», но как «дерево» плюс его «деривационная история», причем под «деривационной историей» имеется в виду, конечно, не историческое происхождение структуры предложения, но занимаемое им место среди других структур современного языка, т. е. его отношение к другим «деревьям». Иными словами, сущность трансформационной модели заключается в том, что она устанавливает определенные отношения между схемами строения разных предложений, причем такие отношения, при которых одна схема строения считается производной от другой.

Подобно тому, как на морфологическом уровне различаются слова простые и производные, трансформационная модель предложения предполагает выделение на синтаксическом уровне т. н. ядерных конструкций, т. е. предложений, структура которых не может быть выведена из других, более элементарных конструкций, и трансформов этих ядерных конструкций, т. е. предло-

жений, структура которых может быть выведена, прямо или опосредованно, из структуры ядерных конструкций при помощи заданных правил преобразования или трансформации.

Трансформации понимаются как формальные операции, необходимые для того, чтобы из простого (ядерного) предложения получить более сложное, как глубинную структуру и трансформу. Помимо синтаксического компонента, модель Н. Хомского включает в свою внутреннюю структуру еще три компонента: семантический, фонологический и прагматический.

Теория семантического компонента была разработана Дж. Кацем и Дж. Фодором. Согласно их концепции, семантический компонент включает два «звена»: лексикон и правила соотнесения лексикона с грамматической структурой, или так называемые «проекционные правила». Лексикон состоит, в свою очередь, из двух компонентов: грамматического («генерирующего» части речи) и семантического, обеспечивающего собственно семантику речи.

Преимущества трансформационной модели. Данная модель рассматривает структуру каждого предложения и каждого словосочетания не изолированно, а в единой системе, в связи со структурами других типов предложений и словосочетаний. Вместе с тем следует иметь в виду, что трансформационная модель принципиально отличается от всех других моделей, рассмотренных выше: она не аналитическая, а порождающая. Это значит, что, в отличие от других моделей, которые представляют собой систему принципов и правил анализа предложения, трансформационная модель излагает не правила анализа предложений, а правила их порождения. Но это предполагает, что она исходит из того, что структура описываемых ею предложений уже известна: невозможно давать какие-либо правила образования одних предложений от других, если нам предварительно не будет известна синтаксическая структура как исходных (ядерных), так и производных предложений. Таким образом, применять трансформационную модель для анализа предложений нельзя, ибо по своей сущности она и не является аналитической моделью.

В рамках трансформационной модели используется концептуальное положение о поверхностной и глубинной структуре предложений. Поверхностная структура это та, которую мы непосредственно слышим или воспринимаем при чтении. Глубинная структура связана со смыслом высказывания. Есть предложения, где разная поверхностная, но одинаковая глубинная структура, а есть фразы, которые, обладая одной поверхностной структурой, имеют две глубинные семантические структуры (т. е. два варианта смыслового толкования). При этом глубинная структура формирует смысл предложения, а поверхностная является звуковым или графическим воплощением этого смысла.

Недостатки трансформационной модели. Модель была подвергнута критическому анализу со стороны отечественных и зарубежных авторов. Так, Дж. Кэрролл обратил внимание на то, что психологический механизм, обуславливающий порождение вопросительного или любого иного высказывания, может быть не более сложным, чем механизм порождения ядерного предложения. Это зависит от того реального предметно-логического содержания, которое необходимо выразить, и от мотивации высказывания. Например, высказывание будет в декларативной форме (нулевая трансформация), если говорящий считает, что его информация больше, чем информация слушателя; оно будет в форме вопроса, если он чувствует, что его информация меньше.

Д. Уорт, критически оценивая модель Хомского – Миллера, отмечал, что в ней совмещаются линейные и нелинейные правила построения высказываний, т. е. фактор определения порядка компонентов высказывания входит в модель уже на самых ранних ее этапах. Однако линейный порядок элементов может зависеть от факторов, находящихся вне данного предложения. Это бывает, когда актуальное членение предложения не совпадает с его синтаксической структурой. Кроме того, линейный порядок некоторых элементов может зависеть от факторов, которые находятся в данном предложении, но еще неизвестны говорящему на этом этапе порождающего процесса.

Высказывание и ситуация

Люди имеют дело с бесконечно разнообразными ситуациями. Но, познавая действительность, они конкретные, единичные ситуации сводят в классы, относят их к определенным структурным типам. И в этом процессе категоризации положений дел значительная роль принадлежит языку, который в процессе своей эволюции вырабатывает соответствующие конструктивные схемы.

Отдельным элементам ситуаций в семантической сфере языка ставятся в соответствие *семантемы*. Это единицы значения, являющиеся по своей природе односторонними. Они выступают в качестве означаемых таких элементных знаков, как, с одной стороны, лексемы и фразеологизмы, и, с другой стороны, синтаксемы, представляющие собой элементарные значимые единицы в составе синтаксических конструкций.

Внеязыковая ситуация отображается семантической конструкцией, или конфигурацией. Ее ядром служит семантема, отображающая признак, т. е. отношение или свойство. Это ядерная семантема, или признаковая семантема, или предикатная семантема, или семантический предикат. Предикатная семантема, обладая определенным валентностным потенциалом, стремится создать свое окружение, в которое входят семантемы, отображающие участников ситуации. Это предметные семантемы, или актантные семантемы, или семантические актанты. Актанты квалифицируются в зависимости от той роли, которые играют в описываемых ситуациях их предметные участники. Им приписываются семантические роли агента (производителя действия), объекта (объекта действия), инструмента и т. п. Семантическую конфигурацию часто называют пропозицией. В принципе пропозиция, или семантическая конфигурация, не линейна, т. е. составляющие ее семантемы не следуют друг за другом. Предикат пропозиции главенствует над своими актантами.

Пропозиция выступает как начальный способ «упаковки» информации, которая подлежит передаче посредством высказывания. Одна пропозиция или соединение ряда пропозиций образует семантическую основу предложения, его смысловую структуру.

Пропозиция есть означаемое элементарной синтаксической конструкции, или конфигурации. Учитывая семантическое содержание каждой синтаксемы, точнее было бы говорить о синтаксико-семантической конфигурации. Ядром этой конфигурации является синтаксема, имеющая свои означаемым предикатную семантему. Ее окружение образуют синтаксемы, означаемыми которых выступают актантные семантемы (синтаксические актанты). Одна или несколько объединенных друг с другом пропозиций образуют пропозициональную структуру, которая выступает как фундамент организации смысла в предложении и, по сути дела, предопределяет набор всех основных конститuentов предложения и иерархический характер отношений между ними при условии доминирующей роли предиката. Иерархическую структуру предложения воспроизводит, в частности, вербоцентрическая модель, принадлежащая Л. Теньеру. Предикатные семантемы и предикатные синтаксемы обладают свойством *активной валентности* (т. е. сочетательной потенции). Благодаря своим валентным свойствам именно они и выступают ядрами тех или иных конструкций. Предметным (актантным) семантемам и синтаксемам присуща в принципе *пассивная валентность*. Это означает, что они входят в сочетания, лишь реализуя валентности предикатных компонентов и образуя их окружения. Отсюда вытекает семантически господствующая роль предикатного компонента в том или ином сочетании и семантически подчиненная роль предметного (непредикатного) компонента. Валентность может быть *обязательной*, т. е. предполагать необходимость замещения вакантных позиций при данном предикатном компоненте. Она может быть и *необязательной*, факультативной.

Соответствующие семантические роли (или функции) приписываются и синтаксическим актантам, выступая в качестве их важнейшей содержательной характеристики. Предикат пропозиции включает в свою рамку актанты с указанием присущих им семантических ролей (в терминологии Ч. Филлмора, глубинных падежей). Как сам синтаксический предикат, так и каждая из семантических ролей синтаксических актантов в принципе кодируются определенными, стандартными для данного языка формальными показателями.

При описании посредством предложения или же текста сложных денотативных ситуаций элементарные пропозиции могут соединяться в семантические блоки, в соответствие которым ставятся блоки пропозиций. В синтаксических блоках образующие их элементарные конструкции могут просто присоединяться одна к другой или включаться одна в другую. Аналогично (путем соединения элементарных пропозиций в сложную пропозицию и менее сложных пропозиций в еще более сложную) строится пропозициональная структура текста.

Связанные в одном тексте предложения должны отвечать принципу релевантности, т.е. относиться к одной и той описываемой ситуации, к одному положению дел, к теме (содержанию) данного текста. Тема текста может быть репрезентирована одной элементарной пропозицией. Так, все содержание новеллы, рассказывающей о том, как А. Пушкин познакомился с Натальей Гончаровой, как он ухаживал за ней, как делал предложение, как он приводил в порядок свои хозяйственные дела, чтобы изыскать средства для содержания семьи, как проходила свадьба и как стала складываться в самом начале его семейная жизнь, можно свести к пропозиции *Пушкин женится на Наталье Гончаровой* (в результате номинализации та же пропозиция выступает следующим образом: *Женитьба Пушкина на Наталье Гончаровой*). Номинализации пропозиций часто используются в качестве заголовков текстов.

Итак, семантическая конфигурация (пропозиция) моделирует внеязыковую (денотативную) ситуацию в основных ее элементах и отношениях. Синтаксическая структура языка располагает набором конструктивных возможностей для номинации фактов действительности и сведения необозримого множества конкретных элементарных ситуаций к относительно небольшому числу их схем. Такие схемы пропозитивной номинации заложены в самой природе предложения. Воспроизводимы не схемы распространенных и усложненных предложений, а схемы элементарных синтаксико-семантических конструкций и правила их развертывания и преобразования при конструировании предложений. На этом и основана трактовка предложения как ведущей единицы синтаксической (конструктивной) номинации. При развертывании текста (дискурса)

происходит сцепление пропозициональных структур отдельных предложений в пропозициональную структуру текста.

Модальность

Модальность (от ср.-лат. *modalis* ‘модальный’; лат. *modus* ‘мера, способ’) – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка, «в разных формах обнаруживающихся в языках разных систем... в языках европейской системы она охватывает всю ткань речи» (В. В. Виноградов). Термин **модальность** используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и по степени оформленности на разных уровнях языковой структуры. Вопрос о границах этой категории решается исследователями по-разному. К сфере модальности относят: противопоставление высказываний по характеру их коммуникативной целеустановки (утверждение – вопрос – побуждение); противопоставление по признаку «утверждение – отрицание»; градации значений в диапазоне «реальность – ирреальность» (реальность – гипотетичность – ирреальность), разную степень уверенности говорящего в достоверности формирующейся у него мысли о действительности; различные видоизменения связи между подлежащим и сказуемым, выраженные лексическими средствами (‘хочет’, ‘может’, ‘должен’, ‘нужно’) и т. п.

Категорию модальности большинство исследователей дифференцируют. Один из аспектов дифференциации – противопоставление объективной и субъективной модальности. Такая модальность – обязательный признак любого высказывания, одна из категорий, формирующих предикативную единицу – предложение. Объективная модальность выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществленности) и ирреальности (неосуществленности). Главным средством оформления модаль-

ности в этой функции является категория глагольного наклонения. На синтаксическом уровне объективная модальность представлена противопоставлением форм синтаксического изъявительного наклонения формам синтаксических ирреальных наклонений (сослагательного, условного, желательного, побудительного, долженствовательного). Категория изъявительного наклонения (индикатива) включает в себе объективно-модальные значения реальности, т. е. временной определенности: соотношением форм индикатива. Объективная модальность органически связана с категорией времени и дифференцирована по признаку временной определенности/неопределенности. Объективно-модальные значения организуются в систему противопоставлений, выявляющуюся в грамматической парадигме предложения.

Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, является факультативным признаком высказывания. Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной модальности; значения, составляющие содержание категории субъективной модальности, неоднородны, требуют упорядочения; многие из них не имеют прямого отношения к грамматике. Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова, включая не только логическую (интеллектуальную, рациональную) квалификацию сообщаемого, но и разные виды эмоциональной (иррациональной) реакции. Субъективная модальность охватывает всю гамму реально существующих в естественном языке разноаспектных и разнохарактерных способов квалификации сообщаемого и реализуется: 1) специальным лексико-грамматическим классом слов, а также функционально близкими к ним словосочетаниями и предложениями; эти средства обычно занимают в составе высказывания синтагматически автономную позицию и функционируют в качестве вводных единиц; 2) введением специальных модальных частиц, например, для выражения неуверенности (*вроде*), предположения (*разве что*), недоверности (*якобы*), удивления (*ну и*), опасения; 3) при помощи междометий (*ах!*, *ой-ой-ой!*, *увы* и др.); 4) специальными интонационными средствами для акцентирования

удивления, сомнения, уверенности, недоверия, протеста, иронии и других эмоционально-экспрессивных оттенков субъективного отношения к сообщаемому; 5) при помощи порядка слов, например вынесением главного члена предложения в начало для выражения отрицательного отношения, иронического отрицания; 6) специальными конструкциями – специализированной структурной схемой предложения или схемой построения его компонентов.

Средства субъективной модальности функционируют как модификаторы основной модальной квалификации, выраженной глагольным наклонением, они способны перекрывать объективно-модальные характеристики, образуя в модальной иерархии высказывания квалификацию «последней инстанции». При этом объектом факультативной оценки может оказаться не только предикативная основа, но любой информативно значимый фрагмент сообщаемого; в этом случае на периферии предложения возникает имитация дополнительного предикативного ядра, создавая эффект полипредикативности сообщаемого.

В категории субъективной модальности естественный язык фиксирует одно из ключевых свойств человеческой психики: способность противопоставлять «я» и «не я» (концептуальное начало нейтрально-информативному фону) в рамках высказывания. В наиболее законченном виде эта концепция нашла отражение в работах Ш. Балли, который считал, что в любом высказывании реализуется противопоставление фактического содержания (диктума) и индивидуальной оценки излагаемых фактов (модуса). Ученый определяет модальность как активную мыслительную операцию, производимую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме. В русском языкознании глубокий анализ функционального диапазона модальности и, в частности, конкретных форм проявления субъективной модальности на разных уровнях языковой системы представлен в работе В. В. Виноградова «О категории модальности и модальных словах в русском языке», послужившей стимулом для ряда исследований, направленных на углубление поиска собственно языковых аспектов изучения модальности (в отличие от логической модальности), а также на изучение специфики оформления этой категории в условиях конкретного языка с учетом

его типологических особенностей. Во многих исследованиях подчеркивается условность противопоставления объективной и субъективной модальности. При таком подходе модальность изучается как комплексная и многоаспектная категория, активно взаимодействующая с целой системой других функционально-семантических категорий языка и тесно связанная с категориями прагматического уровня. С этих позиций в категории модальности усматривают отражение сложных взаимодействий между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью.

Как известно, наблюдения над поведением модальных единиц человеческого языка в логике привели к введению в рассмотрение, помимо других, еще и модальных операторов – необходимости и возможности. Логика, язык которой так или иначе дополнен выражениями для модальностей, называется модальной и в последнее время бурно развивается.

Говоря о категории модальности, следует отметить, что, несмотря на разнообразие точек зрения по данному вопросу, одним из наиболее общепризнанных определений модальности следует считать: Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого.

К модальным значениям относятся два типа значений: *объективная* и *субъективная* модальности.

Объективная модальность – отражает характер объективных связей, намеченных в той или иной ситуации, на которую направлен познавательный акт, а именно связей возможных, действительных и необходимых.

Субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познания связей – возможных, действительных и необходимых, указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную действительность. Субъективная модальность, т. е. отношение говорящего к сообщаемому, не является обязательным признаком высказывания. Она образует в предложении второй модальный слой, иногда также называется вторичной мо-

дальностью. Ее семантический объем шире семантического объема объективной модальности. Смысловой основой субъективной модальности является оценка в широком смысле слова. Субъективно модальные значения выражаются в языке разноуровневыми средствами.

На уровне лексики субъективная модальность является потенциальной, выступает как универсальная категория, обеспечивающая возможность выражения оценочных смыслов. Это же характерно и для других языковых уровней – морфологии и синтаксиса. Универсальный характер субъективной модальности проявляется не в самом языке, а в переходе от языка к речи. На уровне языка субъективная модальность существует как возможность, полная же ее реализация совершается в речи.

Если рассматривать категорию модальности с точки зрения англоязычных авторов, то здесь следует уделить внимание Дж. Лайонзу, чьи теоретические разработки внесли весомый вклад в зарубежную лингвистическую науку. По мнению Лайонза, субъективная модальность гораздо более распространена, чем объективная модальность, в повседневном употреблении языка. Из этого следует, что ученый рассматривает объективную и субъективную модальности как существующие друг от друга.

При анализе предложений модальность обычно относится к значению всего предложения в целом, в сочетании с собственно описанием события, факта и т. п. Модальность «актуализирует» предложение. Различаются *эпистемическая* и *деонтическая* (или *основная*) виды модальности.

Эпистемическая модальность предложения заключается в выражении говорящим своего отношения к высказываемому суждению с точки зрения того, что имеется, имелось или будет иметься в реальном мире, без привнесения деонтических аспектов (т. е. того, что должно или хорошо было бы, чтобы имелось). Впрочем, четко отделить эпистемическую модальность от деонтической удастся не всегда.

Под объективной эпистемической модальностью понимается модальность, имеющая градуированный характер: от необходимой истины до возмож-

ности. В отличие от субъективной эпистемической модальности, объективная не включает в свою сферу установку говорящего по отношению к высказываемому суждению, однако она может включать такую оценку с точки зрения степени «объективной» истинности. Общим принципом выражения модальности в предложениях является наличие у говорящего оснований быть уверенным в том, что имеются некоторые «эпистемические основания», или «эпистемические гарантии» истинности для передаваемых его сообщениями суждений.

Деонтическая модальность связана с необходимостью или возможностью действий, совершаемых «морально ответственными» участниками ситуации; базисным для этой разновидности является понятие деонтической необходимости, или «обязательства».

Соответственно классификации видов модальности различаются и виды модальных предикатов. Эпистемический модальный предикат, иначе называемый «непереходным модальным предикатом», трактуется как двухместный предикат, соотносящий субъект высказывания и пропозицию. Основной модальный предикат трактуется как «переходный», т. е. принимающий помимо двух указанных аргументов – субъекта суждения (или деонтического источника, по Дж. Лайонзу) и самого суждения – также другие аргументы.

«Модальная составляющая» предложения не ограничивается только модальным предикатом: к ней относится структура предложения в целом за вычетом пропозиции. К ней не относится отрицание и глагольный вид, однако такая составляющая включает в себя такие элементы, как «абстрактный показатель вопросительности».

Наконец, с модальностью непосредственно связан тот уровень семантического представления предложения, который в поверхностной структуре реализуется как противопоставление наклонений и различных модальных глаголов. Этот уровень называется модусным значением. Он представляет собой взаимодействие интеракционного и интерпретационного значений, включая в себя установку говорящего по отношению к высказываемому содержанию, модус референции, субъектно-предикатные отношения, установку говорящего по

отношению к участникам общения, социолингвистические роли собеседников и т. п.

Система глубинных падежей

Вопрос о количестве и значении падежей является одним из наиболее спорных моментов в падежной грамматике. Проблема классификации глубинных падежей вызвана тем, что сфера семантики чрезвычайно обширна, и ее можно делить на бесконечное множество классов и единиц. Ценность любой классификации, однако, заключается в том, чтобы по возможности свести к минимуму количество составляющих ее элементов. Классификация должна быть универсальной и не должна быть слишком объемной. При анализе различных классификаций выясняется, что в качестве основного признака любого глубинного падежа принимается либо признак 'одушевленность', либо признак 'активность'. На основе этих двух противопоставлений выстраивается классификация, состоящая из четырех основных классов: Субъект – Агенс (одушевленный активный участник); Субъект – Пациенс (одушевленный инактивный участник); Объект – Агенс (неодушевленный активный участник); Объект – Пациенс (неодушевленный инактивный участник). Это гиперроли, которые представляют собой первый уровень абстракции. Они, в свою очередь, включают более узкие роли – глубинные падежи: *Агентив* (Ag), *Бенефактив*, *Экспериенсив*, *Адресатив* (Ad), *Пациентив*, *Элементив*, *Объектив* (O), *Инструментив* и *Локатив* (L). Глубинные падежи отражают второй уровень абстракции. Вычленение глубинных падежей в рамках гиперролей происходит на основе учета более конкретных признаков, обусловленных спецификой функционирования партиципантов определенного рода в действительности. В результате формируется система, состоящая из девяти глубинных падежей.

А г е н т и в обозначает любого одушевленного участника события, который инициирует действие, производит его, управляет им, ответственен за его ход и результат.

Э к с п е р и е н с и в представляет одушевленного участника, который способен испытывать какое-либо психологическое состояние и познавать окружающий мир посредством органов чувств.

Б е н е ф а к т и в обозначает одушевленного участника, который владеет чем-либо, или обретает (лишается) что-то в силу случая, а не в результате чего-либо намеренного действия.

А д р е с а т и в обозначает одушевленного участника, который получает или лишается чего-либо в результате деятельности другого участника. В сферу его деятельности входит также и пассивное участие в акте коммуникации.

П а ц и е н т и в представляет одушевленного участника, который выступает носителем некоторого качества, признака. Он также является предметом разного рода воздействия со стороны других участников или бывает вовлечен в отношения с ними.

Э л е м е н т и в олицетворяет неодушевленного активного участника события, обладающего собственной потенционностью, энергией.

О б ъ е к т и в обозначает неодушевленного участника, выступающего носителем некоторого свойства, состояния. Он также является предметом разного рода воздействий и отношения со стороны других участников.

И н с т р у м е н т и в представляет неодушевленного участника, который используется для осуществления деятельности как вспомогательное средство.

Л о к а т и в обозначает участника, представляющего собой физическую локацию действия или состояния.

В связи с тем, что событие действительности манифестируется в языке разными способами, в процессе исследования возникла необходимость выделения типов семантических моделей простых предикативных выражений (ППВ) с тем, чтобы свести все множество разнообразных ППВ к наименьшему числу универсальных смысловых схем. Типы семантических моделей ППВ описываются с учетом характера денотативных ситуаций. Простые предикативные выражения описывают элементарные события действительности. Эти конкретные события можно обобщить. В таком случае модель отражает определенное

обобщенное событие, в котором выделяются один или несколько компонентов. Действие связывает эти компоненты в единое целое. Связь между элементами рассматривается как действие, состояние или отношение в зависимости от типа события. Несмотря на кажущуюся неисчисляемость событий, имеющих место в действительности, их число вовсе не безгранично. Ограничения на типы событий проистекают из законов природы, из свойств предметов и отношений между ними.

Семантические модели ППВ можно классифицировать по количеству входящих в них глубинных падежей. В результате, выделяются группы одночленных, двучленных и трехчленных моделей. Одночленные модели отражают события, в которых фигурирует один единственный участник.

Одночленные модели могут отражать события, в которых осуществляется действие, производимое активным участником (агентом или элементом), и это действие замыкается на нем самом. Одночленные модели представляют также те события, в которых неактивный участник (пациент, экспериенсер, объект) переживает некоторое состояние или несет некоторое свойство. Одночленных моделей выделяется немного – 5, поскольку невелико количество событий действительности с одним участником. Гораздо чаще два разных участника участвуют в одном и том же событии. Набор участников в каждом отдельном случае определяется характером происходящего.

В двучленных моделях представлены все типы событий с участием всех видов участников. Группа двучленных моделей самая многочисленная (14), поскольку преобладающее соучастие двух участников обусловлено самой действительностью. Наибольшее число непосредственных участников события равняется трем.

В трехчленных моделях отражаются события, которые представляют собой направленное на кого-то или что-то действие. Поэтому обязательными элементами модели являются как глубинные падежи, обозначающие активных участников (Агентив, Элементив), так и глубинные падежи, обозначающие наименее активных участников (Объектив, Пациентив, Локатив, Инстру-

ментив). Очевидно, что согласно объективным условиям в большинстве событий участвуют два партиципанта, реже три. Гораздо чаще других партиципантов центральным участником события становится агент. Это, по-видимому, обусловлено его активной сущностью, а также тем, что, будучи одушевленным, он бывает задействован в более многочисленных сферах деятельности, чем неодушевленные партиципанты. Поэтому, такой глубинный падеж, как Агентив присутствует в большинстве семантических моделей ППВ.

Семантические характеристики относятся к уже определившимся, сформировавшимся, приспособившимся к разным коммуникативным функциям классам слов (прежде всего существительным и качественным прилагательным). Однако связь значения слова с привычной для него ролью в коммуникации, а следовательно, и семантическое своеобразие слов с разной «специальностью» прослеживается и среди членов одного лексико-грамматического класса, способного к выполнению обоих коммуникативных заданий. Таким классом, как известно, являются существительные.

Хотя все существительные (имена нарицательные) могут в принципе быть и субъектом, и предикатом суждения, для одних из них более естественна идентифицирующая, а для других – предикатная роль. Наблюдения показывают, что распределение существительных между идентифицирующими и предикатными именами неодинаково в разных семантических разрядах. Оно прежде всего различно у имен лица и имен предмета. Одно и то же лицо может получать в языке множество разнообразных номинаций. Большинство приведенных номинаций по существу своему, по своей основной функции в сообщении – предикаты: они используются не столько для идентификации предмета речи (не для того, чтобы назвать), сколько для того, чтобы дать о референте некоторую информацию или выразить к нему свое отношение (для того, чтобы обозначить или обозвать). Использование качественных и оценочных имен лица единственно с целью отождествления предмета сообщения в общем случае неуместно. Основная часть их семантического содержания указывает не на объективные признаки лица (референта имени), а на отношение к нему говорящего.

Все субъективно-оценочные элементы связаны с предикатом, а не с субъектом, что особенно очевидно на примере гипокористик (уменьшительно-ласкательных форм имен), столь характерных для славянских языков. Функционируя в сфере собственных имен, т. е. слов, специально служащих для идентификации референта, оценочная деривация лишает имя идентифицирующей функции, переводя на роль обращения.

Таким образом, выбор обозначения лица в большой степени зависит от той функции, которая ему отведена в сообщении. В разряде названий лица на одном полюсе сосредоточены имена собственные, способные только удостоверить личность референта, на другом – имена качественные, приспособленные к предикативности. Между ними расположены другие номинации, в т. ч. имена функциональные, реляционные и окказиональные, пригодные к выполнению как идентифицирующей, так и предикатной роли в высказывании, а следовательно, обладающие как более обобщенным, так и более конкретным, ориентированным на денотат или класс денотатов, значением.

Среди имен предметов функциональная специализация не столь явственна. Предметы обычно называются одинаково – своим «родовым» именем. У них есть «фамилия», отображающая их «фамильное сходство», но нет имени-отчества. Различие в коммуникативной функции имени предмета отмечается актуализаторами – артиклем, указательными и притяжательными местоимениями. Имена собственные, как известно, присваиваются лишь членам немногих классов реалий – географическим понятиям, топографии населенных пунктов, общественным местам, учреждениям, небесным телам и т. п.

В качестве предикатной номинации, обслуживающей имена событий и предметов (реже лиц), могут использоваться названия отвлеченного качества. Все это вполне естественно: человек получает в языке множество разнообразных обозначений. Он может быть назван по своим общественным функциям, взглядам, моральному облику, нравственным склонностям и вкусам, по своим поступкам и поведению, семейному статусу, родственным связям, внешнему виду, участию в тех или иных событиях и происшествиях, отношению к нему

говорящего и многому другому. Возможности номинации предметов более ограничены: они обозначаются либо по своей функции в жизни человека, либо по какой-либо внешней черте, реже по тому, как они оцениваются говорящим.

Потребность индивидуализации человека постоянна и настоятельна. Лишь члены толпы или функционального коллектива иногда воспринимаются обезличенно – хористы, статисты, зеваки, легионеры, воины, кинозрители, покупатели, прохожие, пассажиры. Напротив, необходимость в выделении отдельного предмета крайне мала. Она практически сведена к нулю применительно к элементам «дискретной массы» – травинкам, песчинкам, кирпичам, любым крупинкам, кускам сахара, шпалам, кафельным плиткам, изюминкам, вишенкам, листочкам, еловым шишкам, доскам, волоскам, конвертам, снежинкам и т. п. Здесь важно однако подчеркнуть не столько социальные причины этого явления (они очевидны), сколько различие в семантической природе номинации разных категорий реалий: среди имен лица наблюдается достаточно определенная соотнесенность между коммуникативной функцией и способом номинации, среди названий предметов в общем случае такая связь ослаблена. Обозначения предметов менее коммуникативно заострены, менее связаны с речевым заданием.

Указанное общее различие ведет к тому, что семантические свойства имен нарицательных в классах названий лица и предмета оказываются тоже различными. Использование большинства имен предметов для называния (денотации), а не обозначения (сигнификации) семантически сближает их с именами собственными.

Итак, по своему семантическому типу нарицательные названия конкретных предметов близки именам собственным. Те и другие, восходя нередко к метафоре, основанной на одном опознавательном признаке, вскоре предают забвению первоначальный образ, заменяя его «портретом» референта или класса референтов.

Синтаксис как объект типологии

Типологические сходства и различия в синтаксисе разных языков в определенной мере выявляются уже в морфологической типологии – поскольку, например, отнесение некоторого языка к аналитическим «автоматически» означает, что в этом языке порядок слов более регулярно (чем в синтетическом языке) используется для выражения реляционных значений, шире используются служебные слова, более определены грамматические функции интонации. Однако таких констатации недостаточно. В категориях морфологии нельзя понять главный предмет типологического синтаксиса – сходства и различия языков в грамматическом устройстве предложения.

В задачи типологического синтаксиса входит изучение коммуникативно-мыслительных структур, с помощью которых на разных языках происходит формирование и сообщение мысли. Это предполагает выявление основных синтаксических моделей в качестве выработанных языками устойчивых содержательных структур, каждая из которых обладает своими возможностями представления той ситуации или события, о которых говорится в высказывании. Типология стремится найти сходства и различия в закономерностях построения предложений в разных языках и на этой основе выявить синтаксические типы языков. Типология предложения строится с учетом того, каким образом и с помощью каких средств синтаксический строй языка представляет взаимоотношения структурно-смысловых компонентов предложения (субъекта, предиката, объекта, атрибута, причины, следствия, цели, условия и т. п.).

Залог

Грамматический залог (в узком смысле) – это глагольная словоизменятельная категория, реализуемая в оппозиции форм действительного и страдательного залога.

Залог в широком смысле (диатеза) – это грамматическая категория глагола, выражающая различные отношения между субъектом и объектом. Залог в широком смысле выходит за рамки глагола. Таким образом, залог реализуется

не в отдельной словоформе, а на пространстве всего высказывания и охватывает все виды значений, характеризующие отношения между субъектом действия, действием и объектом.

В формировании семантической области диатеза участвует целый комплекс средств, относящихся к разным уровням языковой структуры (семантика глагола, называющего действие; семантика слов, обозначающих субъект и объект данного действия; синтаксическая структура данного предложения).

Изучение категории залога как сферы разнообразных субъектно-объектных отношений привело И. И. Мещанинова в 30-х годах XX века к открытию классов языков, для которых характерны различные типы организации предложения. И. И. Мещанинов выделил три основных синтаксических типа языков.

1. Языки пассивного строя, в которых ни субъект, ни объект не получают никакого грамматического оформления и объединяются в один комплекс, подчиненный ведущему компоненту. Глаголы в этих языках не делятся на переходные и непереходные. К этому типу относятся, например, инкорпорирующие языки индейцев Северной Америки и чукотский язык.

2. Языки эргативного строя. В этих языках глагол-сказуемое не только координируется с подлежащим, но и управляет им, что находит грамматическое выражение в постановке подлежащего в эргативном падеже, если глагол переходный, и в абсолютном падеже, если глагол непереходный. К языкам эргативного строя относятся баскский, аварский и другие языки.

3. Языки номинативного строя, для которых характерно употребление именительного падежа в позиции подлежащего независимо от того, является ли глагол – сказуемое переходным или непереходным. К языкам номинативного строя относятся индоевропейские, монгольские, финно-угорские языки.

Противопоставление залоговых форм следует отличать от противопоставления залоговых значений. Асимметрия между системой залоговых форм и системой залоговых значений в русском языке (как и во многих других языках) весьма высока.

Так, форма прямого залога выражает:

- нулевое («общее») значение (у непарных форм, в частности у всех непереходных глаголов и у переходных глаголов типа благодарить);
- медиальное значение;
- активное (действительное) значение: у большинства переходных глаголов при наличии прямого дополнения;
- взаимное значение;
- каузативное значение.

Страдательная форма выражает:

- собственно страдательное значение;
- псевдострадательное значение;
- общее значение.

Одна из концепций залога представлена в теории функционально-семантических полей, развиваемой на материале славянских, и в первую очередь русского языка. Понятийную основу поля залоговости составляет залоговое отношение понятия действия к логическому субъекту и объекту. Ядро поля образует категория залога, представленная оппозицией активной (носитель глагольного признака соответствует *субъекту*) и пассивной (носитель глагольного признака соответствует *объекту*) конструкций. Морфологическим ядром актива являются невозвратные глаголы, пассива – страдательные причастия. Кроме ядра, к полю залоговости в направлении от центра к периферии относятся: оппозиция возвратных – невозвратных глаголов, оппозиция переходных – непереходных глаголов и отдельные словообразовательные разряды возвратных глаголов.

Некоторые ученые определяют залог как категорию глагольного формообразования, которая соотносит между собой три уровня: синтаксический, семантический и коммуникативный (М. М. Гухман). Согласно этой концепции, в активной конструкции в позиции подлежащего выступает агенс, сказуемое обозначает центробежный процесс, и при этом подлежащее выражает тему, а сказуемое – рему. В то же время в пассивной конструкции в позиции подлежащего

выступает неактивный носитель признака (пациенс), сказуемое обозначает центростремительный процесс, и при этом подлежащее выражает ремю, а сказуемое – тему.

Залоговые преобразования регулируются вероятностными закономерностями. Прежде всего их возможность определяется семантикой глаголов. Например, формы пассива характерны для предельных глаголов, обозначающих конкретные действия субъекта с объектом, которые имеют следствием наблюдаемые результаты. Напротив, нулевыми потенциями пассивного преобразования обладают глаголы «недействия», к числу которых относятся глаголы меры, наличия и содержания. Залоговые преобразования в различных языках имеют свои формальные особенности. Например, в русском языке, как и во многих других, в пассивной конструкции в позиции подлежащего может быть лишь партиципant (т. е. объект, адресат, инструмент и т. п.), который в соотносительной активной конструкции занимает позицию прямого дополнения. В то же время в английском языке у некоторых глаголов в позиции подлежащего в пассивной конструкции может быть и партиципant, который в соотносительной активной конструкции занимает позицию косвенного дополнения. При построении текста выбор различных залоговых форм и соответствующих конструкций детерминируется установкой субъекта речи на определенную актантную иерархизацию или «фокусировку» конструкции.

Порядок слов

Известны основные универсальные соотношения между закономерностями порядка слов в различных видах словосочетаний типа «Если в языке определение, выраженное родительным падежом, обычно следует за определяемым существительным, то в этом языке есть предлоги». В отношении порядка слов языки делятся на два приблизительно равных класса:

1) правоветвящиеся, в которых ветвящееся, т. е. способное к потенциальному бесконечному расширению, зависимое обычно следует за вершиной (та-

ково, например, большинство индоевропейских, семитских, австронезийских языков);

2) левоветвящиеся, в которых ветвящееся зависимое обычно предшествует вершине (например, алтайские или кавказские языки).

Одинаковое распространение право- и левоветвящегося типа объясняется их равной оптимальностью с точки зрения работы системы синтаксического анализа звучащей речи.

В типологии порядка слов в предложении существенны следующие различительные признаки:

- свободное или фиксированное положение основных мыслительных категорий внутри предложения (для языков с фиксированным порядком важно то, в какой последовательности относительно друг друга располагаются главные мыслительные категории и соответствующие члены предложения);

- преобладание естественного или синтаксического порядка в развернутых полипредикативных высказываниях;

- преобладание естественного или синтаксического порядка в линейной организации синтагм.

В языках со свободным порядком слов (например, славянских) взаиморасположение членов предложения может быть любым, т. е. используются все шесть теоретически возможных моделей словопорядка. Свобода или фиксированность словопорядка соотносится с существенными морфологическими чертами языков. При свободном порядке слов синтаксическая функция слова зависит не от его места в предложении, а от его падежной формы. При фиксированном порядке слов место слова соответствует его синтаксической функции и в таком случае морфологические показатели синтаксической роли слов (т. е. падежи) становятся лишними.

Таким образом, оппозиция свободный – фиксированный порядок коррелирует с наличием или отсутствием категории падежа, имеющей основополагающее значение. Свободный порядок слов – это яркая черта синтетического строя, в то время как фиксированный словопорядок типичен для аналитических

языков. В языках со свободным словорасположением порядок слов находит свое функционально-семантическое применение в формировании других значений, более частных, факультативных и поверхностных, но заметных и важных для говорящих в конкретных актах общения. Свободный порядок слов позволяет выражать или уточнять логические, или психологические акценты, тематическую или временную перспективу. Экспрессивные коннотации и другие подобные оценки плана содержания высказывания. Однако оппозиция свободный/фиксированный порядок слов, даже если иметь в виду чисто грамматические функции словорасположения, это, однако, не жесткая дихотомия, а плавный состав со многими отступлениями от фиксированного порядка и столь же многочисленными ограничениями свободного словорасположения.

Порядок слов определенное расположение слов в предложении или синтаксической группе.

Порядок слов исторически изменчив. Порядок слов выполняет в языке ряд важных функций как семантического, так и структурно-организационного характера. В своих семантических функциях порядок слов отображает последовательность или значимость экстралингвистических объектов. В первичной семантической функции порядок слов отражает последовательность событий или последовательность поступления информации. Отсюда проистекает и логико-связующая функция порядка слов, в силу которой в начале предложения ставятся слова, связывающие высказывание с предыдущим, обозначающие перебой повествования, описывающие предварительно общий фон события: временной, пространственный, эмоциональный и др. В своих вторичных семантических функциях порядок слов не отражает объективного следования событий или идей, а выражает иные значения неграмматического типа: ограничение понятия (дифференцирующий видовой член ставится ближе к родовому определяемому).

Изучение порядка слов особенно тесно связывается с актуальным членением предложения. Пересматривается понятие свободного порядка слов – свободный в синтаксическом аспекте (например, в русском языке), порядок слов

оказывается «несвободным» в аспекте актуального членения и выражения других значений в предложении.

Порядок слов прямой. Наиболее обычное для данного типа предложений (повествовательных вопросительных, побудительных) расположение носительных членов предложения.

1. В повествовательных предложениях подлежащее обычно предшествует сказуемому.

а) подлежащее, обозначающее отрезок времени или явление природы, если сказуемое-глагол имеет значение бытия, становления, протекания действия;

б) подлежащее в авторских ремарках, включаемых в драматические произведения;

в) подлежащее в авторских словах, стоящих после прямой речи или в середине нее;

г) подлежащее в предложениях из текстов описательного характера.

В вопросительных предложениях сказуемое часто ставится перед подлежащим.

В побудительных предложениях местоимения-подлежащие, предшествующие глаголу-сказуемому, усиливают категоричность высказывания; следуя за подлежащим, они смягчают тон приказания.

2. Дополнение обычно стоит после управляющего слова.

В безличных предложениях дополнение со значением лица, подвергающегося действию или испытывающего состояние, обычно препозитивно.

При наличии нескольких дополнений дополнение, выраженное дательным падежом лица, обычно предшествует дополнению, выраженному винительным падежом объекта.

3. Согласованное определение обычно предшествует определяемому существительному.

При наличии нескольких неоднородных определений, выраженных качественными и относительными прилагательными, ближе к определяемому суще-

ствительному ставится определение, выраженное относительным прилагательным, как обозначающее более существенный или постоянный признак.

Если определения выражены одними качественными или одними относительными прилагательными, то ближе к определяемому слову ставится определение, указывающее на более устойчивый, более общий признак.

При сочетании согласованных и несогласованных определений первые обычно предшествуют вторым. Несогласованное определение обычно ставится после определяемого существительного.

4. Обстоятельства образа действия, выраженные наречиями на *-о*, *-е*, а также обстоятельства меры и степени обычно предшествуют глаголу-сказуемому. Обстоятельства с этими же значениями, выраженные другими формами, обычно постпозитивны. Обстоятельства времени и места обычно предшествуют глаголу-сказуемому, причем часто стоят в начале предложения, будучи связанными со всем предложением. Обстоятельства причины и цели могут быть и препозитивными, и постпозитивными. Обстоятельства условия и уступки более или менее свободно размещаются в предложении.

Порядок слов обратный. Расположение соотносительных членов предложения с нарушением обычного их порядка. Обратный порядок характерен для речи разговорной и для языка художественной литературы, где он выполняет функцию инверсии. Однако не всякий обратный порядок является инверсией, а только такой, который преследует стилистические задачи, усиливает выразительность речи.

«Естественное» и «синтаксическое» развертывание фразы

В диахронической типологии, а также в сопоставительных синтаксических исследованиях существенно соотношение двух способов синтаксического развертывания содержания. Один из них иногда называют *естественным*, второй – *синтаксическим*.

При естественном разворачивании фразы порядок слов или словосочетаний в общем соответствует очередности появления в сознании говорящего компонентов мысли.

При синтаксическом разворачивании порядок слов направляется не «поток сознания», а выработанными в языке схемами или моделями синтаксической организации мысли.

В современной языковой практике «естественное» разворачивание фразы остается характерным для разговорной речи, в т. ч. для речи людей, вполне владеющих нормами литературного языка. Такое разворачивание часто синтаксически непоследовательно (не говоря о логике). Зависимые слова не всегда рядом. «Поток сознания» направляется субъективно-экспрессивными факторами. Естественная «речевая цепочка» часто разорвана, иногда говорящий как бы «прыгает» с одного компонента мысли (фразы) на другой. В записи на бумаге такая «естественная» фраза, без сопровождения жестов, мимики, интонации, лишенная контекста и опоры на ситуацию, понятную говорящим, понимается с большим трудом, чем фраза, построенная по сложившимся синтаксическим моделям, хотя бы и громоздким. Порядком слов в предложении считается расположение в нем его членов. Существует мнение, что порядок слов в русском языке свободный, т. е. что за членами предложения не закреплено определенное место. Действительно, сказуемое может стоять то после подлежащего, то перед ним; некоторые виды обстоятельств и дополнения могут занимать разные места в предложении, способны отрываться от тех слов, с которыми связаны грамматически и по смыслу; даже определения, наиболее тесно связанные с определяемыми словами, могут располагаться и перед ними, и после них. Однако такие перестановки не бесконечны, они определяются и ограничиваются законами конструирования русского предложения. Следовательно, если и можно говорить об относительно свободном порядке слов, то лишь применительно к некоторым словесным комплексам. Предлоги, союзы, частицы всегда имеют определенное место в предложении. Другие слова допускают некоторую свободу в размещении, однако варианты их расположения тоже не беспредельны. Эти ограничения связаны с двумя причинами:

структурной связанностью компонентов предложения и смысловой их значимостью. Порядок слов может изменяться в связи с необходимостью изменения смысла, акцентных качеств предложения и даже изменения его структурной характеристики, но в пределах сохранения общих структурных свойств предложения как синтаксической единицы.

Итак, порядок слов выступает как «организатор» предложения: чтобы объединение словоформ и словосочетаний стало предложением, их необходимо расположить в определенном порядке.

Помимо оппозиции «фиксированный – свободный словопорядок» в типологии порядка значимы различия языков, касающиеся взаиморасположения членов в подчинительных конструкциях. В любой подчинительной синтагме зависимый член может стоять либо после подчиняющего члена (непосредственно или дистантно), т. е. справа от него, либо перед подчиняющим словом, т. е. слева от него и тоже необязательно контактно.

Л. Теньер исходя из того, что в линейном отношении речь разворачивается слева направо, предложил различать в синтагмах порядок слов «центростремительный, или восходящий» (когда стрелка зависимости направлена слева направо, «по ходу» линейного разворачивания речи, и порядок «центробежный, или нисходящий» – когда стрелка зависимости направлена справа налево, «против хода» линейного разворачивания речи. Ориентированность зависимости слева направо в целом соответствует логике разворачивания мысли: вначале независимый член – потом зависимый, т. е. вначале действие, потом объект; вначале предмет, потом его признак; вначале действие, потом субъект и т. д. Для любого высказывания можно определить количество случаев центростремительного и количество случаев центробежного словопорядка. Соотношение указанных двух видов словорасположения в разных языках (разумеется, определенное на текстах достаточного объема) было положено Л. Теньером в основу типологической классификации языков. Помимо языков «строго центробежных» и «строго центростремительных», он выделяет две срединные зоны языков «умеренно центробежных» и «умеренно центростремительных».

Индоевропейские языки занимают в целом срединное место, при этом одни из них – «умеренно центробежные», другие – «умеренно центростремительные». Типологическое качество порядка слов с течением времени может меняться: так, в разных подклассах оказались праязык и его потомок (латынь и французский).

Текст как объект лингвистических исследований

Лингвистика текста сформировалась не так давно. После дискуссий о том нужна ли вообще эта дисциплина наука о текстах и что именно является непосредственной областью ее анализа, исследования текстов в самых разных отношениях и аспектах заняли заметное место не только в потоке работ по лингвистике, но и в практике преподавания родного и иностранных языков.

Л. Г. Бабенко и ее соавторы признают, что общепризнанного определения текста до сих пор не существует и что, отвечая на этот вопрос, разные авторы указывают на разные стороны этого явления: Д. Н. Лихачев на существование его создателя, реализующего в тексте некий замысел; О. Л. Каменская – на основополагающую роль текста как средства вербальной коммуникации; А. А. Леонтьев – на функциональную завершенность этого речевого произведения и т. д. В заключение ими приводится определение И. Р. Гальперина, данное в 1981 г. как «емко раскрывающее природу текста и наиболее часто цитирующийся в литературе по вопросу». Согласно этому определению, «текст это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку».

Однако хотелось бы отметить, что все выделенные здесь критериальные признаки текста (кроме последних) могут быть поставлены под сомнение и оспорены. Про целый ряд текстов мы можем сказать, что они так и не были завершены авторами и остались незаконченными; нередко текст отдельного стихотворения

завершается многоточием, предполагающим, очевидно, что окончание стиха следует додумать. Наряду с письменными текстами можно, по всей видимости, выделить и тексты устных выступлений (про них часто говорят «текст доклада/сообщения/речи и т. п. так и не был опубликован»), а также тексты, записанные на звукозаписывающей аппаратуре и предназначенные для прослушивания. Далеко не у всех текстов есть заголовки (отдельные стихотворения, рекламные тексты, объявления, анонсы). Наконец, не все тексты могут быть представлены в виде последовательности сверхфразовых единств – во всяком случае, если признавать, что и надписи типа *Курить запрещено* или *Гулять с собаками категорически запрещается* тоже являются собой особые тексты.

Между тем текст относится к наиболее очевидным реальностям языка, а способы его интуитивного выделения не менее укоренены в сознании современного человека, чем способы отграничения и выделения слова, и основаны они на разумном предположении о том, что любое завершенное и записанное вербальное сообщение может идентифицироваться как текст, если, конечно, и сама завершенность текста подсказана нам тем или иным формальным способом. Одновременно не может не поразить то разнообразие и многообразие самих речевых произведений, по отношению к которым мы легко используем обозначение «текст», и не случайно лексикографы довольствуются указанием на то, что текстом является «всякая записанная речь», и перечисляют в качестве примеров документы, сочинения, литературные произведения и т. п. Трудности определения понятия текста, таким образом, вполне понятны: сведение всего множества текстов в единую систему так же сложно, как обнаружение за всем этим множеством того набора достаточных и необходимых черт, который был бы обязательным для признания текста образующим категорию классического, аристотелевого типа.

Показательно, что еще до распространения терминов когнитивного подхода к явлениям языка ученые говорили о «размытости» системных, онтологических и функциональных свойств текста (например, И. Р. Гальперин), что, собственно, и заставляет поместить сегодня категорию текста в число «есте-

ственных» и построенных по принципу «фамильного сходства» или же по прототипическому образцу. Предложить же описание категории с размытыми границами, конечно, задача весьма нелегкая: жесткое ее определение, по всей видимости, и невозможно. Настоящее сообщение поэтому это размышления о том, как можно подойти к такому описанию с когнитивной точки зрения, т. е. учитывая, с одной стороны, роль текстов в познавательных процессах (что явно в пределах одного короткого сообщения попросту невозможно), но, с другой стороны, применяя для дефиниции текста те методики и процедуры анализа, которые уже сложились в когнитивной лингвистике.

Такой подход заставляет задуматься прежде всего о том, в каком диапазоне характеристик обычно исследуются разные тексты и почему в практической деятельности людей публицистической, издательской, при написании научных работ и т. п. отсутствие жесткого определения категории текста никак не мешает осуществлению этой деятельности, точно так же, как отсутствие дефиниции текста не особенно мешало развитию лингвистики и грамматики текста или же проведению лингвистического анализа текстов разного жанра, стиля, типа и разной функциональной предназначенности. С современной точки зрения это, пожалуй, можно объяснить только одним: если людям ясна общая идея, положенная в основу категории и осознана ее прагматическая целесообразность, если категория строится вокруг определенного концепта, а сам концепт укоренен в нашем сознании, в понимании такой естественной категории люди часто довольствуются достаточно гибкими и подвижными границами, да и расширение границ такой категории происходит достаточно просто.

Что же положено в основу категории текста и какой концепт образует ее ядро инвариантное начало? Думается, что такой основой является понимание текста как информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата. Такое определение кладет, однако, только нижнюю границу текста, ибо в известных условиях самодостаточным оказывается и отдельно взятое предложение и даже отдельное высказывание. Таковы, например, тексты заго-

ловков или названий произведений живописи. Таковы разные «запретительные» надписи на разного рода объектах типа *Руками не трогать* или *Не ходите по газону*. Они информационны, самодостаточны для интерпретации, имеют своего адресата и преследуют вполне ясные цели. И все же, хотя и можно согласиться с формулой, в соответствии с которой текст равен предложению или же «больше» предложения, такие минимальные тексты – только точка отсчета для дальнейшего постижения природы текста, и, конечно, не они представляют собой обычные и наиболее часто встречающиеся речевые образования как результаты речемыслительной деятельности. Однако уже они намечают такой критерий текста, как информационная самодостаточность (т. е. порождают впечатление его содержательности, смысловой завершенности и прагматической целостности) и адресатности (ориентации на определенный круг людей).

Критерий целенаправленности очевиден, что и наводит на мысль о том, почему вся теория речевых актов и вся их классификация строится на материале изолированных предложений. Как можно установить сущность речевого акта по отдельно взятому предложению? Но это можно объяснить тем, что такое предельно сжатое речевое (вербальное) сообщение позволяет указать на одно из важнейших свойств текста – его прагматическую ориентацию, содержащуюся в нем установку, исходящую от говорящего. Уже это позволяет признать, что текст всегда должен рассматриваться как итог речемыслительной деятельности его создателя, воплощающего особый замысел в его направленности на определенного слушателя/читателя. Одно задает интенциональность текста: он всегда создается для реализации какого-либо замысла. Другое – его информативность: информация вводится в текст и фиксируется в нем не сама по себе, а для чего-то, для достижения определенной цели, и с точки зрения отправителя она всегда существенна, релевантна, должна изменить поведение воспринимающего и в известном смысле рассчитана на определенный эффект и воздействие на адресата.

Рассматривая мини-тексты, разумно поставить вопрос о том, что же все-таки превращает слово или краткую последовательность слов в текст и не мо-

жет ли быть текст равен отдельно взятому слову. Можем ли мы, например, считать, что надпись типа *Выход* или *Магазин* – тоже текст? Думается, что признание таких надписей (однословных, во всяком случае) текстом вряд ли целесообразно. Как правило, текст – это структурированное образование, отличающееся от единицы номинации тем, что сообщает о чем-либо в виде коммуникативно ориентированного произведения, а оно характеризуется такой базовой чертой как связность. Однако и по этому поводу мнения лингвистов могут расходиться. К числу текстов-примитивов нередко причисляют и вывески, и заглавия книг, названия спектаклей и кинофильмов и т. п., а также предметные рубрики в традиционных предметных каталогах и предметных указателях. Если видеть и в этих единицах итоги акта коммуникации, а также усматривать в них содержательную законченность и цельность, как это делают отдельные ученые, то в критерии текста следует включить его существование в виде представителя особого парадигматического ряда, где самый сжатый текст находится в одном ряду с синонимичными ему развернутыми текстами и где в начальном тексте-примитиве уже содержится некая свернутая до предела программа его дальнейшего возможного развертывания.

Иногда высказывается мнение, что размер текста не входит в число его сущностных характеристик, и доля истины в этом утверждении несомненно, есть. Это не означает, однако, что все тексты методологически равно удобны для анализа. Вводя понятие прототипического текста, мы и хотим выбрать для анализа такую группу текстов, которые наиболее показательны и которые наглядно демонстрируют, какова внутренняя организация текста и какие именно текстовые категории устанавливаются достаточно просто. К группе прототипических текстов можно, по всей видимости, отнести письма и небольшие инструкции к артефактам, статьи в энциклопедиях, публицистические статьи в газетах и журналах, тексты-интервью, рецепты и т. п. Семантическое пространство таких текстов невелико, да и анафорические и катафорические связи (как, впрочем, и другие сигналы связности текста) здесь устанавливаются без труда.

По каким причинам мы выбираем в качестве прототипических тексты малого объема? Представляя собой непосредственную материальную данность, эти тексты обозримы и наблюдаемы в самых мелких их деталях. Они обладают четко выраженными пределами: началом, концом и тем, что помещается между ними. Они демонстрируют тем самым такие важные характеристики текста, как его отдельность, выделенность, формальная и семантическая самодостаточность, тематическая определенность и завершенность. Здесь нетрудно описать все связи как между отдельными фрагментами текста предложениями, так и между частями этих фрагментов. Наконец у подобного текста ясна его информативность, его когнитивная подоплека смысл его создания, общий его замысел и реализованный в особой языковой форме итог создания в виде особого семантического пространства.

Нет и не может быть таких текстов, которые не фиксировали бы какой-либо фрагмент человеческого опыта и его осмысления. Это делает текст возможным объектом концептуального и когнитивного анализа, т. е. позволяет установить, с каким видением мира мы столкнулись в данном тексте, что и по какой причине привлекло внимание человека, какие именно фрагменты знания и оценок в нем закреплены и т. д. Но нет таких текстов, которые не явились бы также конечным итогом дискурсивной, т. е. социально ориентированной и социально обусловленной коммуникативной деятельности. Каким бы анонимным ни казался текст, у него есть автор или авторы, а значит, текст отражает их речемыслительный акт. Из сказанного следует, между прочим, что, хотя понятия текста и дискурса и следует различать, они отнюдь не противопоставлены друг другу, т. е. не являются взаимоисключающими.

С когнитивной и языковой точек зрения понятия дискурса и текста связаны, помимо прочего, причинно-следственной связью: текст создается в дискурсе и является его детищем. Различен, однако, ракурс их рассмотрения, ибо дискурс, являясь деятельностью, погруженной в жизнь, требует при подходе к нему обязательного учета всех социальных параметров происходящего, всех прагматических факторов его осуществления. Нельзя изучать дискурсивную

деятельность вне культурологических и социально-исторических данных, вне сведений о том, кто проводил дискурсивную деятельность, для чего, при каких условиях, с каких позиций и т. д. Но текст можно анализировать и абстрагировавшись от многого из указанного перечня, т. е. довольствуясь тем, что можно извлечь из текста как такового и изучая его как завершённое языковое произведение. Не случайно в момент становления лингвистики текста дискурсивный и текстовый анализ понимались как синонимичные термины. Следует вспомнить, что возникновению термина мы обязаны З. Харрису и что, согласно его мнению, в сферу дискурсивного анализа входило одно лишь разбиение его на составляющие текст части (ядерные предложения), что и осуществлялось с помощью дистрибутивной методики. Лишь значительно позднее зарубежными учеными стали ставиться вопросы о том, почему же естественно складывающийся текст столь резко отличается от набора ядерных предложений, в которых представлено главное пропозициональное содержание текста, и почему говорящий выбирает для осуществления своего замысла те или иные языковые формы с их собственным синтаксическим устройством и референциональной нагрузкой.

Хотя текст по сути дела являет собой образец эмерджентного образования (возникающего по ходу осуществления определенного процесса), он изучается именно в своей завершённой форме, т. е. как нечто конечное. Это и отличает его от дискурса, изучение которого как бы естественно следует процессу его возникновения. Дискурс – это явление, исследуемое online, в текущем режиме и текущем времени, по мере своего появления и развития. Во всяком случае, дискурсивный анализ требует восстановления этого процесса, если даже изучается его результат. Текст же в сложившемся окончательно виде создает, как мы говорили выше, особую материальную протяженность, последовательность связанных между собой предложений и сверхфразовых единиц, образующих семантическое, а точнее – семиотическое пространство. Физически такое пространство очерчено весьма точно, но семантически и семиотически незакончено: если у любого знака есть своя интерпретанта, а текст может быть оха-

рактизован как сложный или даже сверхсложный знак, у него тоже должна быть своя интерпретанта свой, разъясняющий данный текст новый текст. Выход за пределы языковых форм, содержащихся в самом тексте, таким образом, обязателен. Хотя при текстовом анализе семантическое пространство можно замкнуть им самим, ограничивая наблюдения внутритекстовыми связями и работая внутри непосредственной данности текста, сегодня предпочитается дискурсивный анализ, при котором то же семантическое пространство рассматривается как связанное тысячью нитей с условиями его создания, целями и задачами данного текста в связке с аналогичными для него текстами и т. п., что, собственно, и отражается в понятии интертекстуальности.

Текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, а значит, на извлечение этой информации. С этой точки зрения текст должен быть рассмотрен как такое произведение, такая протяженность, которая по всей своей архитектонике и организации, по всем использованным в нем языковым средствам и т. п. должна обеспечить у адресата формирование его ментальной модели. В этом смысле он должен также обеспечить адресату выход за пределы непосредственно данного в самом тексте и послужить источником дальнейших возможных интерпретаций текста. Ранее часто ставился вопрос о том, какие именно ментальные модели строит говорящий в опоре на тот или иной текст. Но надо повернуть этот вопрос и по-другому, подчеркнув, что текст как правильно организованная форма коммуникации, как сообщение, уже содержит в себе самом некие единицы, средства, сигналы и т. п., достаточные и необходимые для построения на его основе правильной и осмысленной модели. Наша способность строить резюме текста, писать на него аннотацию, составлять конспект текста, создавать либретто опер и наконец, писать сочинения на основе текстов и по их поводу – это доказательство не только того, что в тексте главное – его содержание, информация, структура опыта и знаний и т. п., но и явное свидетельство того, что процесс извлечения знаний процесс, требующий особых приемов обработки языкового материала в тексте. В этом процессе – по сути своей когнитивном оказываются задействованными и знание языка, и знание мира, и, нако-

нец, знание в принятых в языке соотнесениях языковых структур с когнитивными. К тому же этот процесс не следует считать происходящим исключительно на рациональном уровне, ибо в когниции все неразрывно связано с эмоциями, оценками, следовательно, с пониманием того, как именно представлена информация в тексте и как она в нем распределена.

Отсюда следует, что текст – это то, из чего люди, обладающие некими усредненными сведениями о языке и о мире, делают достаточно разумные умозаключения. Никакие исследования текста и дискурса невозможны поэтому без обращения к процессам инференции, выводного знания. Любая языковая форма, но текст прежде всего, сигнализируют не только о том, что в ней реально присутствует, но и о том, что подлежит семантическому выводу – выводу по инферентному типу. Текст существует как источник излучения, как источник возбуждения в нашем сознании многочисленных ассоциаций и когнитивных структур. Текст в силу этого свойства показателен именно в том, что из него можно вывести, заключить, извлечь. Он являет собой поэтому образец такой сложной языковой формы, такого семиотического образования, которое побуждает нас к творческому процессу его понимания, его восприятия, его интерпретации, его додумывания – к такого рода когнитивной деятельности, которая имеет дело с осмыслением человеческого опыта, запечатленного в описаниях мира и служащего сотворению новых ступеней познания этого мира.

Связность и целостность текста

К кругу вопросов, связанных с феноменом текста и достаточно освещенных лингвистикой текста, принадлежит вопрос о связности и целостности текста, которая представляется как основное, а часто даже текстообразующее свойство текста. Это объясняется тем, что в лингвистике установился взгляд на текст как на информационное и структурное единство, как функционально завершенное речевое целое. Задачей исследователя в данном случае является выявление видов связей в тексте и определение правил передачи информации во избежание ложной трактовки текста читателем.

Понятие *связности* в самом общем плане можно определить через повтор: последовательность знаков расценивается как связная, так как имеет место повторяемость различных знаков, их форм, а также смыслов. Различают локальную и глобальную связность. *Локальная связность* – это связность линейных последовательностей. *Глобальная связность* – это то, что обеспечивает единство текста как смыслового целого. Связность в общем виде проявляется в тексте тремя способами: через когезию, ретроспекцию и протекцию.

И. Р. Гальперин считает, что связность текста реализуется через различные формы когезии (от англ. *cohesion* – *сцепление*), особые виды связи, обеспечивающие континуум, т. е. логическую, темпоральную и пространственную последовательность и взаимосвязь сообщений в тексте.

Когезия подразделяется на виды в зависимости от ряда оснований. Так, на основании характера повторяющейся языковой единицы выделяют *фонетическую, морфемную, морфологическую (или грамматическую), лексическую, синтаксическую* когезию. В обеспечении данного вида связности особую роль играют фигуры повтора такие, как анафора, эпифора, эпанафора, синтаксический параллелизм, хиазм и др. Данный тип связности основан на повторяемости элементов какого-то языкового уровня в пределах текста.

Также для художественного текста характерен и еще один тип когезии, выделенный И. Р. Гальпериным, – это *образная когезия*. Под ней исследователь предлагает понимать такие виды связи, которые, «перекликаясь с ассоциативными, возбуждают представления о чувственно воспринимаемых объектах действительности». Наиболее ярким примером образной когезии может служить развернутая метафора. В этом виде когезии говорящий связывает не предметы и явления действительности, а образы, при помощи которых эти предметы и явления представлены, что приводит к движению характеристик объекта при относительной статичности самого объекта. Наиболее отчетливо образная когезия реализуется в поэтических произведениях.

И. Р. Гальперин выделяет *композиционно-структурные формы когезии* – это такие формы, которые нарушают последовательность и логическую органи-

зацию повествования различного рода отступлениями, пояснениями, вставными эпизодами, напрямую не связанными с основной темой изложения.

В тексте может быть еще *стилистическая когезия*, которая обеспечивается повторяемостью фигур речи и приемов. Например, использование в тексте фигуры *анафоры* или *хиазма*. Наконец встречаются и ритмикообразующие формы когезии, к которым относится *метр, ритм, рифма*.

На основании расположения повторяющихся элементов выделяют дистантную и контактную когезию, которая обеспечивается осуществлением связи на разных участках текста. Под *контактной когезией* понимается наличие коррелирующих элементов между последующим и предыдущим предложением в тексте. *Дистантная когезия* в основном характерна для художественных текстов, где, только внимательно присмотревшись к форме, возможно выделить отождествляемые элементы. Таким образом, когезия как один из типов связности в тексте выполняет функцию не только формального сближения элементов, но и несет семантическую нагрузку, представляя из себя индексальный знак, пространственно сближающий дистантно расположенные элементы текста. Когезия нередко влечет за собой изменение смысловых отношений двух сцепляемых отрезков.

На основании употребимости элементов в тексте выделяют связность: регулярную и нерегулярную.

В зависимости от направления, в котором осуществляется связь, выделяют связность: прогрессивную и регрессивную.

Кроме когезии связность текста обеспечивается за счет протекции и ретроспекции, проявляющихся в основном имплицитно: ретроспекция основана на способности нашей памяти удерживать ранее сообщаемое и сцеплять его с последующими сообщениями; в протекции имплицитность при переплетении с некоторыми эксплицитно выраженными сигналами направляет внимание читателя, заставляет его предугадать то, что будет в дальнейшем разворачивании текста.

Ретроспекция отсылает слушающего к предшествующей информации в двух случаях:

- 1) когда предшествующая информация ранее уже была изложена в тексте;
- 2) когда предшествующая информация нарушает линейное развертывание текста, и происходит перестановка временных планов повествования.

Ретроспекция решает одновременно три задачи:

- 1) восстанавливает в памяти ранее представленные факты или сведения;
- 2) дает возможность переосмыслить уже известные сведения в новом контексте;
- 3) актуализирует отдельные части текста.

Формами реализации ретроспекции является повтор, особое место занимают дейктические элементы.

Протекция – такой тип связности текста, который относит слушающего к тому, о чем будет сказано далее. Протекция, как и ретроспекция осуществляется с помощью повторов и дейктических элементов. Она выполняет те же функции, что и ретроспекция, но с некоторым уточнением. Протекция может служить основой для реализации эффекта обманутого ожидания, который представляет собой не что иное, как нарушение протекции.

В целом как когезия, так и ретроспекция и проспекция предполагают определенную переакцентацию элементов текста. Любая соотнесенность одного элемента с другим приводит к сопоставлению их с точки зрения конструктивной, прагматической и семантической значимости.

К. Кожевникова выделяет в тексте два вида связности.

1. *Связность радиального типа (связность по соотнесенности)*, когда отдельные части текста связаны не непосредственно друг с другом, а только «пучкообразно» с темой всего текста или только с коммуникативной целью всего целого.

2. *Связность линейного типа*, когда отдельные части текста (высказывания) связаны непосредственно друг с другом, зависят друг от друга или взаимосоосмысляются. Подчинение отдельных частей общей коммуникативной за-

данности текста, их роль в целом часто становятся ясны только в ходе развертывания текста, интенсивность взаимосвязи отдельных частей может достигать различной степени, и сама эта связь может носить различный характер в зависимости от разных параметров текста.

Ввиду этого в рамках линейной связности автор выделяет разные частные типы связей.

2.1. С точки зрения смысловых соотношений частей текста различают частную связь, заключающуюся в смысловом зацеплении частей, следующих друг за другом, или в их частичном перекрытии.

2.2. Связность в зависимости от ее выраженности:

а) эксплицитная связь, смысловое зацепление или перекрытие, выраженное при помощи разного рода языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических);

б) имплицитная связь, т. е. связь, не получившая выражения при помощи отдельных языковых средств. В самом широком смысле, это оперирование содержанием, находящимся в сознании автора и реципиента без прямого его выражения.

О. Л. Каменская классифицирует внутритекстовую связность текста на основе механизмов для установления связей, используемых коммуникантами. С этой точки зрения, внутритекстовые связи разделяются на два типа: эксплицитные и имплицитные.

Э к с п л и ц и т н ы м и называются связи с явно выраженным коннектором (совокупность элементов для связи компонентов предложения), и поэтому они легко устанавливаются и распознаются коммуникантами. Эксплицитные связи бывают рекуррентными, координатными и инцидентными.

И м п л и ц и т н ы м и называют связи, когда отсутствует явно выраженный коннектор. Основанием для установления имплицитных связей между предложениями служит уверенность слушающего в том, что он имеет дело с содержательным текстом и уверенность в связи между предложениями.

Установление этих связей автором и распознавание их реципиентом требуют от них соответствующего запаса знаний и определенных умственных усилий.

Имплицитные связи – это наиболее сложный вид связи с точки зрения их установления и распознавания коммуникантами. Как формирование имплицитных связей в процессе порождения текста, так и их восстановление в процессе восприятия требует от коммуникантов наличия достаточно развитого тезауруса личности в данной предметной области. Рост объема и усложнение структуры передаваемой информации в процессе исторического развития человеческой коммуникации, с одной стороны, и необходимость ограничить практически целесообразными пределами объем текстов, используемых при вербальной коммуникации, с другой, и привели к возникновению имплицитных связей. Эти связи чрезвычайно эффективны для «сжатия» текста, без изменения передаваемого объема информации.

Различают три основных вида имплицитности текста:

- 1) *грамматическая имплицитность*, когда в одном или нескольких предложениях текста пропущены те или иные члены;
- 2) *семантическая имплицитность*, обусловленная тем, что в тексте отсутствуют (одно или несколько) предложения эксплицитно содержащие информацию, присущую данному тексту;
- 3) сочетание первого и второго случаев.

Это такое свойство текста, которое предполагает наличие единства тематического, концептуального, модального, его суть в семантической неаддитивности (текст как целое всегда больше суммы его элементов). От целостности мы можем прийти к связности, зная, что представляет собой готовый текст, мы можем выявить элементы, из которых он построен, но даже имея представление об элементах и связях между ними, мы не сможем восстановить готовый текст, т. е. мы не можем прийти от связности к целостности.

С позиции говорящего целостность конкретизируется в понятии замысла (мотива, интенции), который существует до готового текста и затем воплощается в нем, претерпевая изменения в процессе этого воплощения. В готовом тек-

сте замысел трансформируется в тему и идею текста. Целостность текста заключается в единстве темы – микротем, макротем и глобальной темы текста. Единство темы обеспечивается тождеством референции – соотношением слов с одним и тем же предметом изображения – и явлением импликации, основанной на ситуативных связях – наличие одних отображаемых предметов предполагает наличие и других, ситуативно с ними связанных.

Целостность текста реализуется через его интеграцию, модальность и завершенность.

И н т е г р а ц и я – это состояние связанности частей в единое целое и процесс, обеспечивающий эту связанность. Интеграция задается самой системой текста и возникает в нем по мере развертывания информации и является залогом последовательного осмысления информации текста. Интеграция отличается от когезии, хотя и обусловлена последней, она может осуществляться как средствами когезии, так и иными пресуппозитивными и ассоциативными средствами. Когезия реализуется в синтагматическом плане, а интеграция – это явление скорее парадигматики. Средствами реализации интеграции являются специальные обороты (таким образом, в свете изложенного, как уже отмечалось и т. д.), а также система ключевых слов текста. Ключевые слова, становясь доминантными обозначениями, организуют вокруг себя единый смысловой контекст, вовлекая в него другие слова, ситуативно связанные со словом-понятием, избранным в качестве ключевого. Ключевые слова создают семантические текстовые поля.

Целостность текста также проявляется в его завершенности, что обеспечивается корреляцией названия текста и развертыванием информации в тексте: завершенность текста – функция замысла, положенного в основу произведения и развертываемого в ряде сообщений, описаний, размышлений, повествований и других форм коммуникативного процесса. Когда, по мнению автора, желаемый результат достигнут самым поступательным движением темы, ее развертыванием – текст завершен. Понятие завершенности приложимо только к целому тексту. Целостность текста проявляется также и в авторской модальности.

Модальность присуща любому тексту, а не только художественному. Являясь универсальной языковой категорией, модальность проявляется в тексте и обеспечивает ему целостность в представлении информации под тем или иным углом зрения.

Таким образом, текст обладает двумя конструктивными признаками – связностью и целостностью. При этом оба эти признака неразрывны и находятся в отношениях взаимного пересечения и отталкивания. Именно процесс осмысления целостности через связность и обнаружения связности при условии знания целостности текста и обеспечивает единство текстовой конструкции.

Категории текста

Обращение к вопросу о текстовых категориях и признаках предопределено недостаточной разработанностью и явной дискуссионностью названной проблематики. В настоящее время в лингвистике не существует единой точки зрения относительно понимания текстообразующих категорий и признаков текста, а также их систематизации, что обусловлено разными подходами к изучению текста, а также различными аспектами его рассмотрения и анализа. Как научные школы, так и исследователи выдвигают и описывают разные категории текста. В настоящее время текстовые категории определяются либо как специфические признаки речевого целого, отличающие это целое (текст) от других языковых явлений, либо как один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами.

Рассмотрим количественный состав категорий текста, выявленных в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов. Так, И. Р. Гальперин выделил 10 текстообразующих категорий: информативность, членимость, когезия (внутритекстовые связи), континуум, автосемантия отрезков текста, ретроспекция и проспекция, модальность, интеграция и завершенность текста.

Применительно к художественным текстам в исследованиях выделяются 14 текстообразующих категорий, а именно: целостность (или цельность), связность, завершенность, абсолютная антропоцентричность, социологичность, диалогичность, развернутость и последовательность, статичность и динамичность, напряженность, эстетичность, образность, интерпретируемость. При этом подчеркивается, что целостность и связность являются фундаментальными текстообразующими категориями, которые притягивают к себе и группируют вокруг себя категории, соотнесенные с ними.

Зарубежные текстологи рассматривают в своих работах 7 критериев текстуальности, в число которых включают когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуативность и межтекстуальную связь.

В лингвистической литературе представлены также различные точки зрения в отношении выделения главных (ведущих) и факультативных категорий текста. По мнению одних авторов, ведущими текстовыми свойствами являются целостность, членимость и модальность, которые могут быть названы основными категориями текста, подчиняющими себе более частные его признаки. Некоторые авторы полагают, что основу универсальных категорий текста составляют целостность (план содержания) и связность (план выражения), вступающие друг с другом в отношения дополнительности, диархии.

Итак, основными признаками текста мы считаем:

- цельность;
- связность;
- членимость;
- тематичность;
- логичность;
- локальность;
- темпоральность;
- оценочность;
- композиция.

Все остальные признаки – концептуальные, т. е. составляющими текст.

Тема, как и авторский замысел – существенные и необходимые признаки всякого текста. Это экстралингвистический фактор, который входит в ядро текста и определяет его структуру.

Т е м а – предмет речи, который выступает субъектом тезиса текста, это сфера действительности, общая проблема, в рамках которой создан текст. Тему можно определить, ответив на вопрос, о чем говорится в тексте. Она с помощью двух трех назывных предложений и выражается в тематических группах, которые составляют тематическое поле тематического единства.

Основной тезис (главная мысль) – точка зрения автора по данной теме, предмет содержания и его основной признак. Чтобы сформулировать тезис надо ответить на два вопроса: *о чем* говорится в тексте и *что* говорится об этом предмете.

Тезис бывает высказан непосредственно в текстах с ярко выраженной воздействующей функцией. Иногда он может быть «растворен» в тексте и реконструируется путем сжатия текста. Часто один текст содержит несколько тезисов, которые располагаются последовательно, логично выстраивая содержание. Ключевые слова – базовые слова и фразы, которые несут главную смысловую нагрузку, отражают логику изложения, повторяются в тексте.

Л о г и ч н о с т ь – общий смысл текста выясняется постоянно на основе наполнения и анализа информации его минимальных смысловых частей микро-текстов, т. е. сам текст – это отражение процесса формирования смысла. Информационная роль фрагмента зависит от самого состава и последовательности расположения. Логичность не имеет специальных языковых средств выражения.

Т о н а л ь н о с т ь т е к с т а , или эмоционально-экспрессивное содержание, – это текстовая категория, в которой отражается психологическая установка автора. Поле тональности содержит в себе психологическое самораскрытие автора, которое обладает эффектом усиленного воздействия на адресата текста.

О ц е н о ч н о с т ь отграничивается от эмоционально-экспрессивного содержания – это связано только с различной (интеллектуальной) оценкой.

Оценка отражает авторское представление о положительном или отрицательном содержании явления и отношении к адресату речи на основе логической дихотомии «хорошо – плохо».

Темпоральность текста (текстовое время). Текст как отражение определяет фрагмент действительности:

- объективное время – это относительно адекватное отражение времени реального (исторического, календарного);

- концептуальное время «отражение идеальных сущностей, которые выведены на базе» анализа реальности концептов и концепций.

Различие этих времен заключается в точке отсчета – это некое условное «теперь», «сейчас», от которых можно оттолкнуться и выстраивать временную перспективу текста. Средства языка – это слова и словосочетания, передающие значение времени.

Локальность текста (текстовое пространство), которое тесно связано с темпоральностью. Пространство текста понимается М. М. Бахтиным как обобщенное отражение реального, изображаемого, описываемого в тексте пространства, которое получило название *хронотопа*.

Соотношение пространства, представленного в тексте, и пространства реального мира не является однозначным, кроме него существуют и другие виды пространств, реализованных в тексте. Так, можно говорить об этическом, цветовом, мифологическом и других пространствах. В этом смысле пространственное моделирование делается языком, на котором могут выражаться непосредственные представления:

- объективное пространство, которое представляет отраженное подобие реального мира, оно пропущено через воспроизведение;

- другие виды пространств: концептуальное, психологическое, социальное.

Исходная точка в локальной системе координат является некие точки «здесь» в применении к речи.

В сочетании ее с аналогичной точкой темпоральности «сейчас» образуются исходный пункт текстового хронотопа: «Я – здесь – сейчас».

Композиция текста представляет собой единство внутренней структуры содержания, внешнего его деления на части и сами эти части (их совокупность).

Структурная целостность текста выражается в наличии структурно-смысловых частей: вступления (введение, зачин, экспозиция), основной части и концовки.

Заголовок отражает тему или основную мысль. Вступление конкретизирует ее и задает пространственно-временную развертку смысловых блоков основной части. Основная часть, которая состоит из нескольких смысловых частей, содержит развитие темы, определяет подтемы, детали, аргументы. Заключение – свертывание информации целого текста, концовка завершает текст.

Выделяются также следующие категории текста:

- отдельности или замкнутости. Они определяются границами начала и конца текста и реализуются в различных видах зачинов и концовок текста;

- информативности, которая реализуется в формах содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, а также в формах информации о структуре, компонентах, ходе мысли и способах развертывания содержания текста;

- качества речи (коммуникативные качества речи);

- коммуникативности, которая проявляется в многочисленных способах и средствах ориентации на интересы коммуникантов-читателей или слушателей, в упреждении непонимания, неправильного хода мысли, вопросов, в поощрении опережения в ходе мысли, восздании эмоционального настроения и сотрудничества в процессе общения.

Текст никогда не моделируется одной текстовой категорией, а только всегда их совокупностью. Целый текст – коммуникативная система, текстовая категория – это одна из коммуникативных линий этой системы, которая материализовалась языковыми средствами. Таким образом, текст мы понимаем как коммуникативную речевую реализацию авторского замысла.

Стилевые и жанровые характеристики текста

Понятия текстовой типологии. Объектом перевода как процесса и как результата в разных аспектах, в том числе и в связи с разными, условно разграничиваемыми уровнями языка, всегда является текст. Однако текст интересует переводоведение не только как некоеместилище тех или иных языковых явлений (фонем, слов, грамматических структур), но и как самостоятельный феномен, обладающий признаками, релевантными для перевода. В настоящее время существует достаточно полное лингвистическое описание видов текстов и их классификаций. Текстовая типология учитывает самые разные признаки текстов. Рассмотрим основные понятия текстовой типологии.

Виды текстов этот термин используется обычно как семиотическое понятие, объединяющее тексты, оформленные с помощью определенных знаковых систем, и разграничивающее их по признаку знаковой системы: изобразительный текст от вербального текста; письменный текст от устного; текст, закодированный с помощью азбуки Морзе, от нотного текста.

Вербальные виды текстов – под этим названием объединяются тексты с разными типологическими чертами, но характеризующиеся какой-либо одной общей чертой их вербальной организации: прозаические тексты, драматические тексты, табулированные тексты и т. п.

Жанры текстов – это понятие традиционно применяется в литературоведении для разграничения исторически складывающихся форм художественных произведений. Жанры, понимаемые в этом значении, могут быть монокультурными, т. е. существующими в одной словесно-языковой культуре: древнеисландские скальдические произведения, или поликультурными: сонет, былина. Некоторым жанрам присуща универсальность и отсутствие прямой связи со спецификой культуры: сказка, роман, басня.

Лингвистические типы текста. Понятие типа текста встречается и активно обсуждается в лингвистике с начала 1970-х, и к началу 1980-х гг. можно говорить уже о лингвистике типов текста как одном из аспектов лингвистики текста. В качестве трех основных параметров классификации лингвистических

типов текста выступают: референциальный (способность представлять действительность), интерперсональный (способность текста служить компонентом коммуникации) и формальный параметр (тот факт, что текст является вербально структурированным образованием).

Названные параметры опираются на представление о трех основных функциях языка, сформулированное Карлом Бюлером в 30-е гг. XX в.: экспрессия, апелляция и репрезентация.

Питер Ньюмарк, положив в основу функции языка К. Бюлера, предлагает разбить тексты в зависимости от их коммуникативной функции на 3 группы:

- тексты с экспрессивной функцией;
- тексты с информативной функцией;
- тексты с апеллятивной функцией.

Он считает, что при переводе текстов каждой из групп существуют свои особенности.

Разные исследователи выдвигают на первый план различные признаки типа текста. Х. Глинц, например, подчеркивает прежде всего устойчивый характер форм текста: «Типы текста – это устойчивые формы (образцы) в определенных ситуациях человеческого общения».

Транслатологические типы текстов. Далеко не все признаки текста передаются при переводе, поэтому имеет смысл объединять в одной группе тексты, у которых доминирующие признаки совпадают. Именно такие тексты будут переводиться одинаково.

Неоднократно указывая на коммуникативную суть перевода в целом ряде работ, В. Н. Комиссаров останавливается на распространенной трактовке процесса коммуникации, где в качестве единицы коммуникации выступает высказывание. Текст же, по В. Н. Комиссарову, – это «ряд высказываний, связанных по смыслу, или отдельное высказывание, употребленное самостоятельно», следовательно, «именно тексты и высказывания выступают в качестве непосредственных объектов перевода». В. Н. Комиссаров отмечает, что «в процессе пе-

ревода происходит коммуникативное приравнивание текстов на разных языках». Из этого можно заключить, что:

- сохранение коммуникативной функции – основная задача перевода;
- оба текста – исходный текст и переводной текст – равноположены по объективным условиям своего порождения.

Первая попытка создания развернутой и подробной транслатологической классификации типов текста была предпринята в начале 1970-х гг. Катариной Райс. Рассмотрев возможности эмпирического, лингвистического и коммуникативного подхода, Райс предложила опираться преимущественно на коммуникативный подход, положив в основу коммуникативную функцию текста, и, следовательно, учитывать тип передаваемой текстом информации, характеристику источника и реципиента. В соответствии с этим она подразделила тексты на четыре основные группы, указывая на возможность пограничных случаев.

1. Информативные тексты создаются одним или несколькими авторами для одного или нескольких читателей. Коммуникативная функция и, соответственно, языковое оформление определяются прежде всего предметом описания (информационное сообщение, научная статья, научно-популярный текст, инструкция и т. п.).

2. Экспрессивные тексты могут быть ориентированы на определенного читателя; они также передают информацию на определенную тему. Однако языковое оформление в соответствии с коммуникативной функцией текстов такого рода зависит прежде всего от воли и намерений автора (роман, новелла, лирика, биографический текст и т. п.).

3. Оперативные тексты создаются одним или несколькими авторами и посвящены одной определенной теме. Языковое оформление определяется прежде всего тем, какие именно средства окажут наиболее эффективное воздействие на определенную целевую группу реципиентов (реклама, проповедь, пропаганда, памфлет, сатира и т. п.).

4. Аудиомедиаальные тексты по своей коммуникативной функции принадлежат к одной из трех вышеназванных групп. Но оформляется текст с учетом

применяемых технических средств, выступая в сочетании с невербальными текстовыми

Но прежде чем приступить к более детальному обсуждению возможной классификации текстов, для полноты картины стоит упомянуть о классификации А. Нойберта, предложенной в середине 1980-х гг. Он предлагает подразделять тексты в зависимости от характера прагматических отношений на 4 типа:

1) тексты, преследующие общие цели для аудиторий (научные, технические, рекламные), – все они обладают высокой степенью переводимости;

2) тексты, предназначенные только для аудитории (законы, местная пресса, объявления и т. п.), – они непереводимы вообще;

3) художественная литература – она может выражать общечеловеческие потребности, соединяющие аудитории, поэтому художественные тексты могут считаться ограниченно переводимыми, поскольку значительная часть формы передана быть не может;

4) тексты, заранее предназначенные для перевода, – они обладают высокой степенью переводимости.

К сожалению, данная классификация учитывает лишь экстралингвистические факторы и не затрагивает специфики самих текстов, а, следовательно, не может быть полезна нам для выявления значимых критериев разграничения текстов. Экстралингвистический, гипотетико-прагматический характер приобретает у Нойберта и понятие переводимости, и в этом его уязвимость. Ведь предназначенность текстов для «внутреннего употребления» (например, объявлений), во-первых, вовсе не означает, что они принципиально непереводимы, во-вторых, не исключает ситуации, что необходимость в их переводе все же возникнет (например, объявлениями о продаже квартир заинтересуется иностранец и попросит переводчика перевести эти тексты).

Таким образом, подводя итог поиска релевантных параметров для создания классификации типов текста, ориентированной на перевод, можно в качестве таких параметров выделить следующие: коммуникативное задание и вид передаваемой текстом информации.

Тексты научного и научно-технического стиля. В письменномонологической форме существуют следующие типы текста: *собственно-научный, научно-реферативный, научно-справочный, учебно-научный, научно-методический.*

Все научно-технические тексты можно разделить на *первичные и вторичные.*

Цель первичных научно-технических текстов – передача первичных научных сведений, получаемых в процессе научных исследований. Вторичные научные документы содержат только конечные результаты аналитико-синтетической переработки первичных научных документов.

Общая характеристика некоторых речевых жанров научно-технического текста.

1. Собственно научный тип соотносится с речевыми жанрами монографии, научной статьи, научного доклада.

Монография – это обобщение разнородных сведений, полученных в результате проведения нескольких научно-исследовательских работ, посвященных одной теме и содержащих больше субъективных факторов, чем статья.

Научно-журнальная статья содержит кроме фактических сведений элементы логического осмысления результатов конкретного научного исследования.

Среди научных статей можно выделить:

1) *краткие сообщения* – краткое изложение результатов научно-исследовательских работ или их этапов;

2) *оригинальную статью* (изложение основных результатов и выводов, полученных в ходе научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ);

3) *обзорную статью* (обобщаются достижения в той или иной области, фиксируется существующее состояние или намечаются перспективы будущего развития);

4) *дискуссионную статью* (содержит спорные научные положения с целью обсуждения их в печати).

Научные статьи по характеру решаемых в них задач можно подразделить на научно-теоретические, научно-методические и научно-практические. В научно-теоретических статьях излагаются закономерности исследуемых объектов; в статьях прикладного характера (методических и практических) излагается практическая сторона закономерностей исследуемых объектов, техника их применения на практике.

2. Научно-информационный тип научно-технического текста охватывает только вторичные научные документы. Основные требования, предъявляемые к информационной литературе – актуальность и достоверность сообщаемых сведений, полнота охвата источников, краткость изложения и оперативность издания – оказываются общими для материалов всех степеней свертывания информации. Важнейшим видом вторичных информационных изданий являются реферативные журналы. В них публикуются аннотации, рефераты, обзоры.

Аннотация – это сжатая характеристика первоисточника.

Реферат сообщает новые и наиболее существенные положения и выводы реферируемого источника.

3. Научно-справочный тип текста (в справочниках). Такие тексты составляются на основе фактографических сведений, содержат апробированные сведения и рекомендации для их практического применения.

4. Учебно-научный тип текста (учебные пособия) отличается большой доступностью изложения с учетом их дидактического назначения.

В сфере научно-технической коммуникации имеют место речевые жанры, функционирующие в устной форме, монологической, диалогической и полилогической.

Среди *диалогических (полилогических)* речевых жанров можно выделить дискуссию, диспут, беседу, круглый стол. По структуре они аналогичны речевым жанрам публицистики, отличаются лишь предметным содержанием.

Тексты газетно-публицистического стиля. Газетно-публицистический стиль охватывает массовые популярные политические тексты, воздействующие на актуальные общественно-политические процессы оперативным докумен-

тальным отображением, основанном на идейно-политическом осмыслении и эмоционально выраженной оценке.

Понятие газетно-публицистический стиль складывается из языка газет, общественно-политических журналов, воззваний и прокламаций, из языка докладов, выступлений, бесед, речей, дискуссий, языка радио- и телепередач, документально-публицистического кино.

Основная функция газетно-публицистического стиля – пропагандистско-агитационная. Она направлена, с одной стороны, на распространение политической информации, а с другой – на побуждение людей к действию, на активизацию их мыслей.

Основу языка газетно-публицистического стиля составляет книжно-общий язык, представляющий собой сочетание элементов лексики и синтаксических структур разных стилей при частичном сохранении или утрате их стилистической окраски.

Можно выделить две группы газетно-публицистических текстов:

- газетно-журнальную публицистику;
- социально-политическое красноречие.

Эти группы соотносятся с коммуникативным характером аудитории, на которую направлена пропаганда. Это аудитория печатной пропаганды и аудитория устной пропаганды.

Газетно-публицистические тексты бывают следующих типов: *информационный, аналитический и художественно-публицистический*, которые конкретно реализуются в многообразных речевых жанрах и соответственно жанрово-публицистических функциях.

В *информационном* типе публицистическая функция ограничивается функцией пропаганды информации. Основными функциями пропаганды являются:

- *официально-информационная* определяется задачами предельно сжатой, объективной, точной и соответствующей официальному этикету передачи событийной информации;

– *информационно-деловая* реализуется в таких речевых жанрах, как коммюнике, резюме обширного документа, отчет, обзор печати. Эта функция близка к официально-информационной своей объективностью, незмоциональностью;

– *неофициально-информационная* ее специфику составляет экспрессивность, эмоциональность. Ведущим речевым жанром, оформляющим эту функцию, является заметка, в которой используется непринужденная литературная речь;

– *информационно-экспрессивная* базируется на сообщениях о рабочих буднях, к которым следует привлечь внимание читателей, заинтересовать их. Ведущим речевым жанром является также заметка.

Следовательно, ведущим речевым жанром в информационном подтипе газетно-публицистического текста является информационная заметка. Она представляет собой речевое произведение небольшого объема, содержащее краткое сообщение оперативной информации общественно-политического, экономического, культурного, бытового и иного характера.

Для аналитического типа характерно сочетание базовой информационной функции с функцией объяснения, толкования. Основным качеством таких текстов является аналитичность, которая выражается с разной степенью полноты в схеме изложения: тезис, развитие тезиса, вывод.

Можно выделить следующие разновидности данного типа:

1) *информационно-аналитическая* сочетает в себе черты официально-делового стиля с чертами научного стиля. Данные тексты адресованы читателю-неспециалисту, который осмысливает закономерности современной общественной жизни в ее специальных областях. Реализуется эта разновидность в речевых жанрах заметка, статья, рецензия и т. п.;

2) *газетно-научная* ей свойственно сочетание научного и популяризаторского стилей при ведущей роли научного стиля. Речевыми жанрами, в которых реализуется данный тип, являются статья, заметка, хроника, обзор, интервью, репортаж;

3) *обобщающе-директивная* связана с обобщенным отражением действительности в проблемно-аналитическом и перспективно-оценочном планах.

Здесь активно проявляют себя слова, словосочетания и предложения со значением собирательности и множественности. Ведущими речевыми жанрами являются передовая статья и некоторые виды комментария;

4) *торжественно-декларативная* реализуется в речевых жанрах обращение, описание, приветствие, призывы, лозунги. Для данных текстов характерен книжный строй речи, своеобразно перерезанный средствами перспективной оценочности.

Художественно-публицистический тип реализуется в таких речевых жанрах, как речь, статья, очерк, репортаж, эссе, памфлет, фельетон, глосса, рецензия и пр. Для этих жанров характерен синтез объективно-аналитического, эмоционально-экспрессивного и субъективно-личностного содержания.

Существуют также диалогические речевые жанры газетно-публицистического стиля. Среди них следует назвать беседу, диспут, дискуссию, полемику, интервью. Все они построены на диалоге или полилоге, что мотивирует синтаксическое оформление этих жанров, а именно: синтаксическую неполноту оформления реплик, эллиптичность, разрыхление синтаксических структур.

Официально-деловой стиль составляет макросреду речевого общения в сфере правовых отношений и управления людьми.

В официально-деловом общении нормы поведения человека определены четко. Эти нормы определяются такими формальными стилистическими правилами, как официальность, имперсональность, объективность, безэмоциональность, сухость. Официально-деловой стиль является макросредой функционирования следующих речевых жанров:

– правительственные постановления, парламентские указы, законы и пр. в сфере правительственной деятельности; дипломатические договоры, меморандумы, ноты, протоколы и т. п. в сфере международных отношений;

– кодексы, судебные-процессуальные документы в области юриспруденции; торгово-коммерческие соглашения, коммерческая корреспонденция и т. п.

в торговле и экономике; военные уставы, приказы, распоряжения, донесения и т. п. в сфере военной жизни; деловая переписка, акты, протоколы собраний и заседаний, приказы, распоряжения, объявления, телеграммы и т. п. в официальных учреждениях и организациях;

– официальные письменные заявления, докладные, объяснительные записки, доверенности, расписки, завещания и т.п. в деловой жизни отдельного человека.

Все упомянутые речевые жанры конкретизируют императивную функцию официально-делового стиля в разновидностях: директивной и директивно-нормативной. Различаются они степенью категоричности (большей или меньшей). Все они предписывают поведение людей в определенных конкретных условиях и в зависимости от конкретных целей. За каждым речевым жанром стоит конкретная цель, реализуемая в конкретной жанровой функции. Таким образом, социальная прагматическая функция реализуется в текстовой жанровой функции, которая в свою очередь дифференцирует и уточняет глобальную прагматическую функцию долженствования. Рекомендательный вариант функции долженствования наиболее часто реализуется во всевозможных видах рекламы, патентах, инструкция.

Патент – юридический документ, удостоверяющий право его обладателя на монопольное использование того или иного изобретения. В патенте дается лишь наименование изобретения; его же описание, характеристики прилагаются к патенту. Для патентных описаний характерна объективность, логическая последовательность, точность изложения при емкости формы. В них широко используется терминологическая и производственная лексика, буквенные сокращения, условные обозначения технических устройств, технологических процессов, марок изделий, аппаратов, приборов, машин, а также единиц измерения.

Инструкция. Основное предназначение инструкции: сообщить значимые объективные сведения и предписать связанные с ними необходимые действия, регламентировать действия человека. Коммуникативное задание, которое несет

текст инструкции, – сообщение сведений и предписание действий. Текст инструкции не имеет подписи автора, но всегда указана фирма – изготовитель товара, министерство или ведомство. В информационном составе инструкции когнитивная информация занимает важное место. Это все сведения о том, как функционирует прибор, из чего состоит продукт, для чего служит лекарство, чем занимается фирма и т. п. Здесь встречаются соответствующие термины из различных областей знаний, а также специальная лексика из разных сфер деятельности. Ведущую роль в тексте инструкции играет предписывающая, оперативная информация.

Инструкции как тексты, имеющие юридическую силу, пользуются некоторыми средствами юридического специального текста: в первую очередь – юридическими терминами, устойчивыми оборотами речи, принятыми в юриспруденции, особыми синтаксическими структурами. Средства увеличения плотности информации в инструкции представлены неравномерно. В разделах, связанных с использованием специальной терминологии, могут использоваться терминологические сокращения – прежде всего это обозначения единиц-мер. В целом же в тексте инструкции встречаются лишь общеязыковые лексические сокращения, синтаксических средств компрессии не отмечается. Это связано с тем, что основная задача инструкции – отнести фактическую и предписывающую информацию полно и недвусмысленно. Мера переводимости текста инструкции довольно высока (I группа), и случаи расширения текста крайне редки. По составу информации все тексты инструкций можно отнести к примарно-оперативным. Личные контакты в сфере официально-делового общения реализуются в монологической и диалогической формах, в которых речь хотя и носит деловой, обработанный характер, но это уже не книжная, а литературно-устная речь. Она сохраняет существенную деловую типичность, однако синтаксис в ней менее усложнен. Лексика сохраняет свою функциональную окраску. Среди устных типов текста официально-делового стиля особое положение занимают судебно-деловые жанры. Их функция – выяснить, доказать, убедить.

Для диалогов в официально-деловом общении типичны основные признаки диалогической речи вообще: синтаксическая неполнота, обусловленная ситуацией (эллипсы), вопросно-ответный ход речеведения, восклицательные предложения, повторы, переспросы, парентезы, апозиопезы.

Коммуникативную конструкцию рассматриваемых речевых жанров образует главным образом монологическая архитектонико-речевая форма. В устной коммуникации используется диалогическая форма, в отдельных случаях полилог. Как правило, монологическое изложение не персонифицировано и рассчитано на такого же неперсонифицированного адресата. Монологи реализуются в книжной речи, которая не обладает широкой коммуникативной активностью, т. е. не используется в качестве средства регулярного массового общения. Монологическая речь односторонняя, ее воспринимают, но очень редко воспроизводят.

Книжная речь в официально-деловых речевых жанрах строится в строгом соответствии с нормами литературного языка. Для письменной разновидности книжной речи в указанных речевых жанрах характерна усложненность синтаксической структуры.

Реклама. Рекламные тексты многообразны. Рассмотрим специфику перевода рекламы на материале письменных рекламных текстов, состоящих из собственно текста на каком-либо языке и изобразительного ряда. Надо сразу отметить, что в современном мире задача перевода рекламы в привычном понимании практически никогда не ставится. Чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, его недостаточно перевести, он должен быть включен в культурную среду языка перевода. Эта интеграция осуществляется, как правило, уже на базе выполненного вчерне перевода – и тогда реклама пересоздается заново. Но даже задача первого этапа – перевод вчерне – иногда трудноосуществима, поскольку в тексте рекламы наблюдается избыточность функционально значимых средств. Иначе говоря, рекламный текст перегружен средствами, которые нацелены на одно: побудить потребителя приобрести продукт. Текст рекламы активно нацелен на то, чтобы предельно расширить круг

своих реципиентов. Поэтому реклама, как яркая бабочка, привлекает внимание издалека – в этом одна из функций ее изобразительного ряда. Именно расчет на массового потребителя (реципиента) диктует запрет на использование в тексте рекламы редких специальных терминов, грубого просторечия, диалектов – все эти средства могут применяться только в орнаментальной функции, т. е. для «украшения» и дополнительной маркировки места производства продукта (так, в рекламе баварского пива встречается одна фраза на баварском диалекте).

В организации самого текста, распределении информации и некоторых чертах стилистической окраски слов можно уловить более узкую предназначенность рекламы, приоритетную направленность ее на определенную группу людей. Так, в рекламе часто просматривается возрастная ориентация. Детскую рекламу, написанную детским языком с «ошибками», различить совсем просто. Отчетливо намечается специфика рекламы, предназначенной в первую очередь пожилым людям, – темы здоровья и безопасности, преемственности поколений там на первом месте. Молодежная реклама маркирована прежде всего молодежным жаргоном. Есть в рекламном тексте и ориентация на уровень состоятельности: от рекламы для бедных до рекламы для миллионеров. Более узкая приоритетная направленность рекламы выражается как содержанием и композицией (что для переводчика второстепенно, так как при переводе ни в содержание, ни в архитектуру текста он не вмешивается), так и особыми лексическими и синтаксическими средствами, эквивалентность передачи которых целиком зависит от переводчика. Так, в рекламе для пожилых людей встречаются устаревшие слова и обороты, еще входящие в общенациональный фонд языка, но уже малоупотребительные, и варианты соответствия к ним нужно подбирать с учетом этого их оттенка. Слова из молодежного жаргона в молодежной рекламе также передаются вариантами соответствиями с использованием молодежного жаргона языка перевода.

Из предшествующих рассуждений уже ясно, что рекламный текст несет эстетическую информацию. Разумеется, передача эстетической информации не главная цель рекламы. Ее коммуникативное задание заключается в следующем:

сообщить реципиенту новые достоверные сведения (*когнитивная информация*), обеспечить надежность усвоения реципиентом этих сведений, воздействуя на его эмоции и память (*эмоциональная информация*), усилив эту надежность тем удовольствием, которое реципиент получит от текста (*эстетическая информация*), – и тем самым предписать ему определенные действия (не эксплицированная или в малой степени эксплицированная в тексте *оперативная информация*). Тогда рекламный текст выполнит свою функцию, и за рекламой товара последует его приобретение.

Основным фоном, на котором выступают языковые средства, оформляющие когнитивные, эмоциональные и эстетические компоненты информационного комплекса рекламы, как правило, является письменная литературная норма языка, но тот вариант, в котором она выступает, вобрал в себя многочисленные черты устной речи, кроме того, границы этой нормы в рекламе размыты и допускают отклонения как в сторону высокого стиля (редко), так и в сторону просторечия. Тем не менее в рекламе встречаются нейтральная лексика и нейтральный порядок слов.

Шире всего в любом рекламном тексте представлены эмоционально-оценочные средства, которые сопровождают характеристику продукта. Абсолютно преобладает положительная оценка, которая выражается прилагательными, наречиями и существительными с семантикой высокой степени качества, причем оценка эта часто гиперболизирована. Для выражения гиперболы положительной оценки служат грамматические средства, такие как превосходная степень прилагательных и наречий, а также лексические: наречия и частицы с функцией усиления, морфемы с семантикой усиления качества, местоимения с обобщающей семантикой. Функцию гиперболы часто выполняют в рекламном тексте слова и выражения с окраской просторечия и жаргона. Носителями эмоциональной информации являются модные слова, а также иностранные слова и выражения. Модные слова дают читателю дополнительный положительный эмоциональный импульс. Часть иностранных слов (сейчас в основном из английского) выполняют ту же функцию модных слов. Другие подчеркивают

международный статус рекламного текста. Иногда иностранные слова служат средством экзотического обрамления характеристики продукта, отражая колорит страны происхождения (например, фразы на испанском языке в рекламе испанских вин или французские обороты речи в рекламе французских духов). Той же цели могут служить диалектальные включения в рекламный текст (фраза на швейцарском диалекте немецкого языка в немецкой рекламе швейцарского сыра). Иногда в рекламный текст включают известные изречения на иностранном языке (на латыни, французском и др.), которые импонируют читателю, поскольку рассчитаны на его высокую образованность, и таким образом его восприятие рекламного текста сопровождается дополнительными положительными эмоциями.

Мощным средством передачи эмоциональной информации в рекламе является и синтаксис. В рекламном тексте встречаются предложения с нейтральным порядком слов. Но значительно чаще используется эмоциональная инверсия, риторические вопросы и восклицания, парцелляция, незаконченные предложения, синтаксический повтор (параллелизм). Вообще для рекламы характерен повтор на любом уровне – от фонемного до абзацного. Эффект неожиданности – важный аспект эмоциональной информации, которую несет реклама. Еще одно средство его создания – контраст лексики с различной стилистической окраской: нейтральная – просторечная, высокая – грубая и т. п. И, наконец, самым большим разнообразием средств отличается оформление эстетической информации. Фонетический повтор, синтаксический параллелизм несут эстетическую нагрузку. Аллитерация и ассонанс, авторские парные словосочетания, игра слов, построенная на многозначности или стилистическом контрасте, рифма, ритм прозы, метафора, сравнение – далеко не полный перечень средств, которые «украшают» рекламный текст и заставляют читателя испытывать удовольствие от его формы. Наиболее значительное место в рекламном тексте занимают средства оформления эмоциональной информации, но отнесение его к примарно-эмоциональным текстам, как мы отмечали выше, весьма условно.

Дискурс как объект лингвистических исследований

Дискурс как языковая единица характеризуется универсальными и специфическими чертами. Главными универсальными чертами дискурса являются его *целостность* и *связность*. Целостность дискурса проявляется в непрерывной смысловой связанности его компонентов и складывается из некоторых содержательно-структурных компонентов, опознаваемых в результате восприятия дискурсивного события как комплекса. Связность дискурса проявляется в дискурсивной континуальности и обуславливается специфическими закономерностями, правилами, которые лежат в основе формирования комплексных коммуникативных единиц языка. Она может рассматриваться с точки зрения его:

- интонационно-ритмического;
- логического;
- семантического;
- формально-грамматического оформления и обнаруживаться по специальным маркерам иллокутивного и/или дискурсивного характера.

Хронотопность дискурса воплощена в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений и осуществляется в основном через глаголы и наречия. Целостность дискурса непосредственно связана с его информативностью, поскольку обмен информацией является одним из непеременимых условий осуществления коммуникативного акта. В случае непоступления от собеседника ожидаемой информации информативным становится само поведение партнера по речевой коммуникации. Речевое взаимодействие всегда ориентировано на передачу или получение информации. Следует констатировать, что критерии информативности недостаточно четко обозначены в настоящее время, что связано с вопросами дефиниции данного понятия, измерения уровня информативности, определения типичных форм представления информации в дискурсе, разграничения «старого» и «нового», степени восприятия информации.

В диалогическом дискурсе отражены также такие особенности коммуникации, как наличие двух или более партнеров и деятельностный характер,

нашедшие воплощение в интерсубъективности и интенциональности. Адресатом дискурса может быть языковая личность с любой коммуникативной ролью (слушающий, читатель, посторонний слушающий, подслушивающий и т. п.), на которого автором дискурса ориентировано речевое воздействие.

Дискурс процессуален. Признаки процессуальности и интерсубъективности отражены в определении речедеятельности. Коммуникация представляет собой процесс взаимной координации деятельности через посредство вербальных и невербальных семиотических систем. Коммуникативное событие является процессом, оно континуально, но может быть дискретизировано, сегментировано, расчленено на единицы.

В то же время пространство дискурса, являясь точкой в беспредельном континууме речевой деятельности, само по себе предельно и внутренне делимо. Оно состоит из единиц речевой деятельности различного коммуникативного статуса, речемыслительных сил с различными векторами и направленности на адресата/адресатов дискурса. Дискурсивные единицы обладают относительными функциями целостности. Континуальность и членимость дискурса являются его конституирующими признаками.

Дискурсу как языковому знаку высшего порядка присуща также модальность, связанная с доминированием в нем одного или нескольких параметров их речевоздействующих пространств. Дискурсы с эксплицированной модальностью по отражаемым в них личностным смыслам автора ориентированы на сферу материальной (речевой/неречевой) деятельности адресата. Выделяемые П. В. Зернецким дискурсы желания, долженствования, возможности имеют разные мотивы и цели общения. Так, дискурс желания мотивирован и имеет конечной целью формирование с помощью дискурса и прогнозирование его автором желания адресата. Смысловая сторона дискурса долженствования обеднена, наблюдается отсутствие аргументации и мотивирования открыто выражаемых автором, требуемых от адресата речевых/неречевых действий. Дискурс возможности основывается на действии аккумулирующей силы и направлен на

получение от адресата информации любого вида: сигматической, семантической или прагматической.

Интертекстуальность дискурса проявляется в его связи с предшествующими и последующими произведениями. Порождение и понимание дискурса в немалой степени зависит от внутриязыковой памяти на созданные ранее и произнесенные или зафиксированные в письменном виде чужие речевые действия.

Применительно к некоторым видам дискурса можно говорить о категории авторитетности и прецедентности (например, авторитетность рекламного дискурса, авторитетность научного дискурса). Категория авторитетности признана одной из важнейших составляющих коммуникативного процесса. Ее содержание связано с лингвоэкономическим и властным статусом коммуникантов. Авторитетность в данном случае дефинируется как одна из прагматических категорий, проявляющая себя в использовании пословиц, крылатых выражений, цитат, ссылок на мнение известных личностей и/или результаты тестов, апеллирующих к общепризнанным истинам и авторитетам. Авторы как бы опираются на уже признанные авторитеты. Авторитетность исходит, как правило, из экстралингвистической среды, ее привносят в рекламный текст пословицы и крылатые выражения, ссылки на результаты тестов и лабораторных испытаний, на мнение известной личности, то, что называется качественным усилением воздействия. И если при употреблении пословиц и крылатых выражений присутствующая им мудрость незаметно переносится в рекламный текст и присутствует там имплицитно, то результаты тестовых испытаний и высказывания экспертов и знаменитостей по поводу рекламируемого объекта являются эксплицитным выражением категории авторитетности. В языковом плане данная категория весьма редко находит свое выражение в средствах явной грамматики. Эта категория выражается, преимущественно, в дискурсных маркерах (типа вводных фраз, ссылок, вставных текстов, цитат и т. п.). Ее содержание, как правило, метакommunikatively, т. е. референционная функция здесь минимальная, функция же регуляции, мониторинга коммуникативного процесса явно выражена.

Прецедентный дискурс, по сути, – очень развернутая, преобразованная, гипертрофированная метафора. Прецедентный текст всегда формирует некий концепт, социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью.

Таким образом, как и всякой языковой единице, дискурсу присущи универсальные и индивидуальные, идиоэтнические черты. К первым относятся: цельность и связность, проявляющиеся в непрерывной континуальности смыслов, хромотопность, воплощающаяся в репрезентации и восприятии пространственных и темпоральных отношений, информативность, интересубъективность, интенциональность. Категории авторитетности и прецедентности, по всей вероятности, индивидуальные, идеоэтнические черты, поскольку наблюдаются не во всех видах дискурса.

Текст как единица дискурса

Наука о тексте, сформировавшаяся в 70-е гг. XX века в рамках формально или структурно ориентированной лингвистики как лингвистика текста и понимающая свой объект изучения как язык выше уровня предложения или словосочетания, а в качестве основной единицы изучения текста – два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи, в настоящее время, благодаря когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания, представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуникативной, их рациональный синтез, поднялась на качественно новый уровень развития. Современные когнитивно-дискурсивные исследования показывают, что текст является единицей дискурса. Так, например, В. В. Красных утверждает, что текст не является ни единицей языка, не единицей речи. По ее мнению, текст – это феномен, стоящий в центре коммуникативного акта, поддающийся непосредственному лингвистическому анализу. Но текст рассматривается ею не столько как «изолированный» феномен, своего рода «вещь в себе», сколько как феномен, непосред-

ственно связанный с экстралингвистической реальностью, следовательно, как единица дискурса.

Действительно, текст порождается из элементарных единиц по определенным алгоритмам, и нормы и правила структурной организации текстов находятся в непосредственной зависимости от их внутренней, смысловой организации и, в то же время испытывают на себе влияние экстралингвистических факторов, к которым можно отнести время и форму существования акта коммуникации, специфику жанрового стиля и т. д. Как явление языковой и экстралингвистической действительности, текст представляет собой сложный феномен, поэтому в рамках формально-структурного подхода невозможно описать естественную природу текста.

В рамках формально и структурно ориентированной лингвистики текст определяется как язык выше уровня предложения или словосочетания, и предметом лингвистики текста являются языковые средства построения дискурса (текста), обеспечивающие его связность, цельность, полноту, законченность, общую модальность и т. п., т. е. в рамках данной теории особое внимание уделяется одной из самых важных характеристик текста – его структурности. Но, несмотря на то, что между содержанием текста или его семантикой и его формальным лингвистическим выражением существует тесная связь, форма и содержание текста неразделимы. Текст представляет собой основную единицу коммуникации, обладающую цельностью и структурированностью. Но текст не только средство коммуникации, он представляет собой сложный феномен, выполняющий самые разнообразные функции: это продукт определенной исторической эпохи, способ хранения и передачи информации, форма существования культуры, отражение определенных социокультурных традиций и т. п. Текст есть единица дискурса, манифестирующая лингвистические и экстралингвистические феномены, в которых проявляется языковое сознание и языковая личность как таковая.

Термин дискурс – многозначный термин лингвистики, который получил различное толкование в современных исследованиях. Рассматривая различные

трактовки дискурса, отношение текста и дискурса, одни лингвисты приходят к выводу, что данные понятия являются двумя «ипостасями» одного явления – речемыслительного произведения, под которым понимается образованный по законам конкретного языка продукт речи, обладающей формальной организацией, культурно-исторической спецификой и соотнесенный с процессами творения его автором и восприятия читателем. По их мнению, текст является речемыслительным произведением, рассматриваемым в ракурсе его формальной организации и отражает способ формального существования. Дискурс – речемыслительное произведение, рассматриваемое в ракурсе процесса его творения автором и восприятия читателем, т. е. он отражает процессуальную форму бытия, прагматико-процессуальные особенности речемыслительного произведения. И в концепциях же других дискурс не только само произведение, но и деятельность (взятая в совокупности процесса и результата), в процессе которой речемыслительный продукт и порождается. При таком понимании с точки зрения результата дискурс представляется как совокупность текстов, порожденных в процессе коммуникации, а при подходе к дискурсу как процессу, дискурс представляет собой вербализуемую речемыслительную деятельность. Отсюда вытекает, что под дискурсом понимается, во-первых, конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве и, во-вторых, совокупность тематически соотнесенных текстов.

Д и с к у р с – сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста. Все эти обстоятельства всплывают и при восприятии дискурса, в связи с чем в модель понимания дискурса естественно вписывается модель его когнитивной обработки. В дискурсе отражается сложная иерархия различных знаний, необходимая как при его порождении, так и при

его восприятию. И в тех, и в других процессах наблюдаются особые стратегии отбора наиболее значимой информации, важной в данном контексте и для данных коммуникантов.

Таким образом, в широком смысле дискурс понимается как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и акт его восприятия, как «интегральная сфера изучения языкового общения с точки зрения его формы, функции и ситуативной, социально-культурной обусловленности». Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами, взятый в событийном аспекте, это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие.

С точки зрения структуры, дискурс имеет два плана – собственно-лингвистический и лингвокогнитивный, т. е. двустороннее образование, имеющее план выражения и план содержания.

Первый связан с языком, манифестирует себя в используемых языковых средствах и проявляется в совокупности порожденных текстов (дискурс как результат). План выражения дискурса – связная последовательность языковых единиц, созданная в определенное время в определенном месте с определенной целью. План содержания дискурса образуют его семантика и прагматика.

Второй связан с языковым сознанием, обуславливает выбор языковых средств, влияет на порождение (и восприятие) текстов, проявляясь в контексте и пресуппозиции (дискурс как процесс). Исходной структурой дискурса служат последовательно выстроенные элементарные пропозиции, связанные между собой логическими отношениями. Элементами дискурса являются события, их участники, перформативная информация и в то же время не-события: обстоятельства, сопровождающие события, фоновая информация, оценка события, информация, соотносящая дискурс с событием.

Связь дискурса не только с языком, но и с языковым мышлением, с социокультурными факторами – ментальностью, менталитетом отдельного народа, позволяет разграничивать национальные дискурсы. Так, по мнению В. В. Красных, можно говорить о «национальном» дискурсе: «Русский дискурс – это вер-

бализованная речемыслительная деятельность, понимаемая как совокупность процесса и результата, обладающая как лингвистическим, так и экстралингвистическим планами и осуществляемая на русском языке представителями русского национально-лингвокультурного сообщества».

Таким образом, текст выступает как единица дискурса. В рамках каждого национального дискурса можно выделить разные типы дискурса, например, дискурс художественный, поэтический, эстетический, фольклорный, научный, педагогический, юридический, политический и другие.

Аргументативный дискурс. Основой аргументативной коммуникации являются противоречие, выражающееся в когнитивном или аксиологическом конфликте, в столкновении мнений, и противопоставление как когнитивное моделирование сообщения, как техника убеждения.

А р г у м е н т а т и в н а я, или убеждающая, коммуникация характеризуется оказанием влияния на собеседника. Его цель – изменить, трансформировать, модифицировать «картину мира» коммуниканта, которая является лишь частью объективной картины ситуации и представляет собой знания, убеждения, веру, эмоциональное и интеллектуальное состояние коммуниканта. Эффективность убеждения, удача или неудача его как интенционального хода отражается в ответной реакции реципиента неречевым действием или несовершением действия. Выбор средств речевого воздействия определяется в определенной степени характеристиками коммуникативного акта, а также той логической структурой, которую выбирает адресант.

Аргументация осуществляется на основе аргументативных схем или типов рассуждений. Наиболее частотные из них – рассуждения: на основе источников, на основе примеров, на основе стандартов, на основе причины, вербальной классификации, на основе практического опыта, на основе признака, на основе обязательств.

В соответствии с двумя основными формами воздействующей речи выделяют два типа аргументов: рациональные и эмоциональные.

Р а ц и о н а л ь н ы е (логические) аргументы используются во всех видах деловой риторики, они включают в риторизированном виде факты, статистику, определения.

Э м о ц и о н а л ь н ы е (психологические) аргументы составляют основу построения убеждающей речи. Риторическая аргументация строится на топосах. Под топосом понимают мысли, основанные на ценностях и предпочтениях конкретной аудитории. По значению могут быть выделены следующие виды: прагматический, эмоциональный, этический, интеллектуальный, эстетический. Кроме психологических в риторической аргументации используются такие доводы, как: иллюстративный, образный, ссылка на авторитет, оценочные аргументы.

Представляется целесообразным выделить номинативную и интегративную аргументацию. Номинативная аргументация позволяет навязать концептуальную модель, интегративная аргументация – выделить слои в структуре знаний.

Информационный дискурс. Направленность коммуникативных действий в разговоре позволяет выделить наряду с аргументативным нарративный или повествовательный, информационный тип дискурса. И н ф о р м а ц и о н н ы й – дискурс, целью которого является передача какой-либо информации или содержания.

Под информацией в самом общем смысле можно понимать сообщение. Этимологически информация обозначает некоторые сведения, совокупность каких-либо данных, знаний и т. п. Смысл и ценность информации исследуются в рамках семантической и прагматической теорий.

Распространенными примерами информационного дискурса в обыденной жизни являются лекции, выступления для аудитории, передача новостей по телевидению или радио. Массово-информационный дискурс – это подготовленное, отредактированное, подлежащее цензуре и режиссуре общение, рассчитанное на зрелищный эффект. Типы и виды его составляющих различны. Виртуальная среда может быть типизирована по локально-пространственным признакам, которые могут представлять реальные места и реальные лица, реально

существующие учреждения. Второй тип виртуального общения – собственно коммуникативный в режиме реального времени, общение с невидимыми или видимыми собеседниками. Третий тип виртуального общения – общение с миром посредством электронных средств масс-медиа. Любой обмен информацией как коммуникативный процесс представляет собой систему, включающую в себя три известных компонента: источник информации (отправитель, адресант), сообщение, фиксирующее информацию, получателя (потребителя, адресата) информации. В принципе, коммуникативное взаимодействие подразумевает двусторонний поток информации, когда одна сторона и получает информацию, и отвечает, реагирует на нее незамедлительно или по прошествии какого-то отрезка времени.

Таким образом, информационный дискурс формируется в основном двумя типами иллокутивных высказываний: репрезентативами и интеррогативами. В процентном соотношении доминируют высказывания-утверждения. Для информационного дискурса важным является передача какого-либо содержания, информации. Во избежание коммуникативных неудач в научном, общественно-публицистическом тексте значительно реже допускается использование имплицитных высказываний, продуцирование которых достигается путем сжатия двух-трех сообщений в одно простое предложение с сохранением объема информации. Поскольку свернутые структуры могут привести к двусмысленности, неопределенности, нечеткости в выражении мысли, они встречаются в основном в художественных текстах. Для научных текстов не характерно наличие смысловых лакун. К средствам компрессии информации относятся: структуры неполного грамматического состава, эллипсисы, отсутствие повторной номинации, предложения с вторичными предикатами и многие др. Разумеется, большую роль в повышении информативности дискурса играют экстралингвистические, фоновые знания, контекст. Активную роль в организации информационного дискурса играют вопросительные высказывания, но не все, а именно та их часть, которая относится к интеррогативам.

Экспрессивный дискурс. Экспрессивным мы называем дискурс, целью которого является: создать представление о предмете общения, дать ему положительную или негативную оценку, сформировать в сознании слушающего адекватные представления о предмете общения. Термины экспрессивность, экспрессия обозначают *выразительность, силу проявления чувств и мыслей; пристойное поведение, оказывающее на окружающих большое впечатление.* Функция экспрессивной коммуникации – выражение и передача чувств, оценок, взглядов, установок коммуникантов. Экспрессивная коммуникация характеризуется передачей чувств, оценок, взглядов, установок, участвующих в деловом общении. Экспрессивный дискурс минимально ориентирован на адресата, экспрессия в большей степени замкнута на самом говорящем. В случае апелляции появляется четко выраженная направленность на адресата, но еще отсутствует взаимодействие.

Для конфликтных диалогов характерна оценка с отрицательной семантикой. Здесь используются отрицательные оценочные слова, коллоквиальные слова (лексемы, являющиеся принадлежностью разговорной речи), междометия, восклицательные предложения, повелительные предложения. Следует отметить, что экспрессивный дискурс редко выступает в самостоятельном виде. Зачастую он сопровождает какой-либо другой вид коммуникации, как правило, аргументативный конфликтный диалог, для которого характерно использование слов с отрицательной семантикой. Экспрессивный дискурс формируется высказываниями восхищения, удивления, робости, возмущения, разочарования, страха, робости, возмущения и т. п. Структура экспрессивного дискурса характеризуется наличием высказываний утверждающего, оценочного, призывного характера.

Социально-ритуальный дискурс. Социально-ритуальная коммуникация направлена на поддержание норм и обычаев социально-культурного поведения, например, знакомства, поздравления, соболезнования, гостеприимства, установление контакта, прощания, благодарности, извинения и т. п. Речевые действия в таких коммуникативных актах относят к контактив-

ным. Как следует из названия, этот вид коммуникации наиболее ритуализован. Существуют дискурсивные стандарты социально-ритуальных действий в менталитете и языке каждой национальности. Социально-ритуальный тип дискурса тесно связан с конвенциональным характером коммуникативных актов. Под конвенцией понимаются принятые в данном обществе формы взаимодействия – в том числе и речевого. Ритуалом именуется последовательность символически значимых действий, закреплённая традицией. Важнейшими признаками социально-ритуального дискурса являются: содержательная рекурсивность, или повторяемость, жесткая формальная фиксация, символическая нагруженность. В основу типологии актов ритуальной коммуникации может быть положен социально-событийный критерий речевого взаимодействия. В соответствии с этим критерием коммуникативные ритуальные акты подразделяются на культовые и социально-институциональные. Следует отметить, что первоначально внимание исследователей речевых действий было направлено на речевые действия, осуществляющиеся в практике юриспруденции; именно здесь речевое поведение наиболее заметно, подвержено влиянию конвенций. Тем не менее вопрос конвенций принадлежит к разряду вопросов, окончательно не решённых в науке. Все ли коммуникативные акты, в которые мы реально вступаем, имеют конвенциональную природу (т. е. могут быть расписаны как определенный «регламент») или только часть их, в одинаковой ли степени конвенциональны разные типы коммуникативных актов (например, вынесение приговора, с одной стороны, и просьба – с другой) – эти и другие вопросы постоянно дискутируются в соответствующей среде.

Таким образом, конверсационные формулы значительно облегчают нам жизнь. При этом следует заметить, что подобные речевые клише создаются не одним человеком, они возникают в ходе человеческой практики, претерпевая со временем различные изменения. Речевые акты характеризуются языковыми клише, к которым относятся не только обороты ритуального толка (*Как дела? Что нового? Как поживаете?* и т. п.) и не только «цитатные» материалы. Стереотипные способы членения ситуации и ее описания проникают в обыденную

речь гораздо больше. Экономя время, собственные усилия, мы используем не только в зачинах речи, но, так сказать, и внутри беседы или разговора по телефону знакомые всем штампы и стереотипы.

Следует отметить, что наиболее частым видом в бытовом общении выступает аргументативная коммуникация. Кроме того, перечисленные типы речевого общения редко встречаются в чистом виде, они могут и, как правило, сочетают в себе элементы других коммуникативных разновидностей. В данном случае мы говорим об интердискурсивности как явлении, при котором прототипические элементы, органично присущие одному типу дискурса, включаются в другой дискурс, когнитивные модели одного типа проникают в другой тип дискурса. Так, убеждающая, или аргументативная коммуникация сопровождается зачастую изложением каких-либо фактов, событий.

На системном уровне разновидностями речевого общения в современной жизни признаются познавательная, или информационная, аргументативная, социально-ритуальная, экспрессивная коммуникации. Названные типы общения репрезентируются прежде всего в диалогическом дискурсе, который может быть кооперативным и конфликтным, спорным.

Типы дискурса

Дискурс, понимаемый как текст, погруженный в ситуацию общения, допускает множество измерений. С позиций прагмалингвистики дискурс представляет собой интерактивную деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения, определение коммуникативных ходов в единстве их эксплицитного и имплицитного содержания. С позиций психолингвистики дискурс интересен как развертывание переключений от внутреннего кода к внешней вербализации в процессах порождения речи и ее интерпретации с учетом социально-психологических типов языковых личностей, ролевых установок и предписа-

ний. Психолингвистов интересуют также типы речевых ошибок и нарушений коммуникативной компетенции. Лингвостилистический анализ дискурса сориентирован на выделение регистров общения, разграничение устной и письменной речи в их жанровых разновидностях, определение функциональных параметров общения на основе его единиц. Структурно-лингвистическое описание дискурса предполагает его сегментацию и направлено на освещение собственно текстовых особенностей общения – содержательная и формальная связность дискурса, способы переключения темы, модальные ограничители, большие и малые текстовые блоки как общение одновременно на нескольких уровнях глубины текста.

Лингвокультурное изучение дискурса имеет целью установить специфику общения в рамках определенного этноса, определить формульные модели этикета и речевого поведения в целом, охарактеризовать культурные доминанты соответствующего сообщества в виде концептов как единиц ментальной сферы, выявить способы обращения к прецедентным текстам для данной лингвокультуры. Дискурс как когнитивно-семантическое явление изучается в виде фреймов, сценариев, ментальных схем, когниотипов, т. е. различных моделей репрезентации общения в сознании. Социолингвистический подход к исследованию дискурса предполагает анализ участников общения как представителей той или иной социальной группы и анализ обстоятельств общения в широком социокультурном контексте. Эти подходы не являются взаимоисключающими.

С позиций социолингвистики можно выделить два основных типа дискурса: персональный (лично ориентированный) и институциональный. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института. Персональный дискурс существует, на мой взгляд, в двух основных разновидностях: бытовое и бытийное общение.

Быт о в о е о б щ е н и е происходит между хорошо знакомыми людьми, оно сводится к поддержанию контакта и решению обиходных проблем. Его особенность состоит в том, что это общение диалогично по своей сути. Участ-

ники общения хорошо знают друг друга и поэтому общаются на сокращенной дистанции, не проговаривая детально того, о чем идет речь. Это разговор об очевидном и легко понимаемом. Специфика бытового общения детально отражена в исследованиях разговорной речи. Бытовое общение является естественным исходным типом дискурса, органически усваиваемым с детства. Этот тип дискурса характеризуется спонтанностью, сильной ситуативной зависимостью, ярко выраженной субъективностью, нарушениями логики и структурной оформленности высказываний. Общаясь на бытовом уровне, люди прибегают к сниженной и жаргонной лексике, хотя статистически разговорные слова составляют не более 10 % лексического фонда высказываний в разговорной речи. Важнейшей характеристикой единиц разговорной речи является их конкретная денотативная направленность, эти слова указательны по своему назначению (именно потому они и легко заменяются невербальными знаками), кроме того, в узком кругу хорошо знакомых людей реализуется ограничивающая, парольная функция общения. Коммуниканты используют те знаки, которые подчеркивают их принадлежность к соответствующему коллективу (семейные, групповые слова) и непонятны посторонним. Бытовой дискурс отличается тем, что адресат должен понимать говорящего с полуслова. Активная роль адресата в этом типе дискурса предоставляет отправителю речи большие возможности для оперативного переключения тематики, а также для легкого перевода информации в подтекст (ирония, языковая игра, намеки и т. д.).

В отличие от бытового в бытийном дискурсе предпринимаются попытки раскрыть свой внутренний мир во всем его богатстве, общение носит развернутый, предельно насыщенный смыслами характер, используются все формы речи на базе литературного языка. Бытийное общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы, философскими и психологическими текстами.

Бытийный дискурс может быть прямым и опосредованным.

Прямой бытийный дискурс представлен двумя противоположными видами: смысловой переход и смысловой прорыв. Композиционно-речевой

формой смыслового перехода является рассуждение, т. е. вербальное выражение мыслей и чувств, назначением которого является определение неочевидных явлений, имеющих отношение к внешнему или внутреннему миру человека. Смысловой прорыв – это озарение, инсайт, внезапное понимание сути дела, душевного состояния, положения вещей. Композиционно-речевой формой смыслового прорыва является текстовый поток образов, своеобразная магла смыслов, разорванных со своими ближайшими ментальными образованиями, это может быть координативное перечисление разноплановых и несочетаемых сущностей или явлений, либо катахреза как сочетание несовместимых признаков, либо намеренный алогизм. Континуальное состояние сознания перестраивается и структурируется по новым ориентирам, подсказанным определенными образными опорами. Эта реструктуризация сопровождается сильным эмоциональным потрясением и обладает фацинативным притяжением, т. е. подобные тексты требуют неоднократного повторения, и каждое повторение осознается адресатом как ценный опыт.

О п о с р е д о в а н н ы й бытийный дискурс это аналогическое (переносное) и аллегорическое (символическое) развитие идеи через повествование и описание. Повествование представляет собой изложение событий в их последовательности, для художественного повествования существенным является противопоставление сюжета и фабулы как глубинного развития и поверхностного перечисления событий. Описание – это статическая характеристика очевидных, наблюдаемых явлений. Повествовательная и описательная аналогия базируется на устойчивых социально закреплённых ближайших смысловых связях, притча же требует более широкого культурного контекста и опирается на активную поддержку получателя речи. Прямой бытийный дискурс в виде смыслового перехода представлен в любых видах логических умозаключений. Эти формы дискурса достаточно хорошо освещены в лингвистической литературе. Менее изучены виды смыслового прорыва. Следует отметить, что если смысловой переход с большой степенью вероятности приводит адресата к тому результату, который был запланирован автором, то успешный смысловой про-

рыв имеет место гораздо реже. В случае коммуникативной неудачи при смысловом переходе можно обнаружить те или иные логические ошибки либо намеренные софизмы, а неудачный смысловой прорыв превращается в совершенно непонятное словесное нагромождение.

Институциональный дискурс представляет собой общение в заданных рамках статусно-ролевых отношений. Применительно к современному обществу, по-видимому, можно выделить следующие виды институционального дискурса: политический, дипломатический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, мистический, медицинский, деловой, рекламный, спортивный, научный, сценический и массово-информационный. Этот список можно изменить или расширить, поскольку общественные институты существенно отличаются друг от друга и не могут рассматриваться как однородные явления, кроме того, они исторически изменчивы, могут сливаться друг с другом и возникать в качестве разновидностей в рамках того или другого типа. Например, проблематично говорить об институциональном дискурсе нумизматов или рыбаков. Институциональный дискурс выделяется на основании двух системообразующих признаков: цели и участники общения. Цель политического дискурса завоевание и удержание власти, педагогического дискурса социализация нового члена общества, медицинского дискурса оказание квалифицированной помощи больному и т. п. Основными участниками институционального дискурса являются представители института (агенты) и люди, обращающиеся к ним (клиенты). Например, это врач и пациент, политик и избиратель, священник и прихожанин. Участники институционального дискурса весьма отличаются по своим качествам и предписаниям поведения: отношения между клерком и директором имеют множество принципиальных отличий, например, от отношений между потребителем и отправителем рекламы. Есть разная степень открытости дискурса, например, клиенты в рамках научного, делового и дипломатического дискурса не отличаются от агентов, в то время как клиенты политического, юридического, медицинского, религиозного дискурса обнаруживают резкое отличие от агентов соответствующего дискурса. В

действительности мы достаточно редко сталкиваемся с абсолютно безличным общением. Вместе с тем для каждого вида институционального дискурса характерна своя мера соотношения между статусным и личностным компонентами.

Моделируя институциональный дискурс, можно выделить четыре группы признаков:

- конститутивные признаки дискурса;
- признаки институциональности;
- признаки типа институционального дискурса;
- нейтральные признаки.

Конститутивные признаки дискурса включают участников, условия, организацию, способы и материал общения, т. е. людей в их статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных амплуа, сферу общения и коммуникативную среду, мотивы, цели, стратегии, канал, режим, тональность, стиль и жанр общения и, наконец, тексты и/или невербальные знаки.

Признаки институциональности фиксируют ролевые характеристики агентов и клиентов институтов, типичные хронотопы, символические действия, трафаретные жанры и речевые клише. Институциональное общение – это коммуникация в своеобразных масках. Именно трафаретность общения принципиально отличает институциональный дискурс от персонального. Специфика институционального дискурса раскрывается в его типе, т. е. в типе общественного института, который в коллективном языковом сознании обозначен особым именем, обобщен в ключевом концепте этого института (политический дискурс – власть, педагогический – обучение, религиозный – вера, юридический – закон, медицинский – здоровье и т. д.), связывается с определенными функциями людей, сооружениями, построенными для выполнения данных функций, общественными ритуалами и поведенческими стереотипами, мифологемами, а также текстами, производимыми в этом социальном образовании. Нейтральные признаки институционального дискурса включают общедискурсивные характеристики, типичные для любого общения, личностно ориентированные признаки, а также признаки других типов дискурса, проявляющиеся «на

чужой территории», т. е. транспонированные признаки (например, элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы в медицинском, научной дискуссии в педагогическом).

Следует различать разные уровни структуры – макроструктуру, или глобальную структуру, и микроструктуру, или локальную структуру.

Специфическое понимание термина макроструктура представлено в трудах известного нидерландского исследователя дискурса Т. ван Дейка. На его взгляд, *мак р о с т р у к т у р а* – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Макроструктура представляет собой последовательность макропропозиций, т. е. пропозиций, выводимых из пропозиций исходного дискурса по определенным правилам. К числу таких правил относятся правила сокращения (несущественной информации), обобщения (двух или более однотипных пропозиций) и построения (т. е. комбинации нескольких пропозиций в одну). Макроструктура строится таким образом, чтобы представлять собой полноценный текст. Макроправила применяются рекурсивно (многократно), поэтому существует несколько уровней макроструктуры по степени обобщения. Фактически макроструктура по Т. ван Дейку в других терминах называется рефератом или резюме. Макроструктуры соответствуют структурам долговременной памяти – они суммируют информацию, которая удерживается в течение достаточно длительного времени в памяти людей, услышавших или прочитавших некоторый дискурс. Построение макроструктур слушающими или читающими – это одна из разновидностей так называемых стратегий понимания дискурса. Понятие стратегии пришло на смену идее жестких правил и алгоритмов и является базовым в концепции Т. ван Дейка.

С т р а т е г и я – способ достижения цели, который является достаточно гибким, чтобы можно было скомбинировать несколько стратегий одновременно.

Т. ван Дейк помимо макроструктуры выделяет также понятие суперструктуры – стандартной схемы, по которой строятся конкретные дискурсы.

В отличие от макроструктуры, суперструктура связана не с содержанием конкретного дискурса, а с его жанром.

Еще один важный аспект глобальной структуры дискурса был отмечен американским психологом Ф. Бартлеттом. Автор обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Такие стереотипные фоновые знания он называл схемами. Например, схема квартиры включает знания о кухне, ванной, прихожей, окнах и т. п.

В противоположность макроструктуре, м и к р о с т р у к т у р а – это членение дискурса на минимальные составляющие, которые имеет смысл относить к дискурсивному уровню. В большинстве современных подходов такими минимальными единицами считаются предикации, или клаузы. В устном дискурсе эта идея подтверждается близостью большинства интонационных единиц к клаузам. Дискурс, таким образом, представляет собой цепочку клауз. В психолингвистических экспериментах по воспроизведению ранее полученной вербальной информации обычно выясняется, что распределение информации по клаузам относительно неизменно, а объединение клауз в сложные предложения чрезвычайно изменчиво. Поэтому понятие предложения оказывается для структуры дискурса менее значимым, чем понятие клаузы.

Дискурс устроен иерархически, и для всех уровней иерархии используются одни и те же риторические отношения. В число риторических отношений (всего их более двух десятков) входят такие, как последовательность, причина, условие, уступка, конъюнкция, развитие, фон, цель, альтернатива и др. Дискурсивная единица, вступающая в риторическое отношение, может играть в нем роль ядра либо сателлита. Большая часть отношений асимметричны и бинарны, т. е. содержат ядро и сателлит. Например, в паре клауз *Мистер Крейг вышел рано, чтобы не опоздать на встречу* имеет место риторическое отношение цели; при этом первая часть является главной и представляет собой ядро, а вторая является зависимой, сателлитом. Другие отношения, симметричные и не обязательно бинарные, соединяют два ядра. Два типа риторических отношений

напоминают противопоставление между подчинением и сочинением, а список риторических отношений типа «ядро – спутник» похож на традиционный список типов обстоятельственных придаточных предложений.

Аналогично глобальной и локальной структуре необходимо различать глобальную и локальную связность.

Г л о б а л ь н а я связность дискурса обеспечивается единством темы (иногда используя также термин топик) дискурса. В отличие от темы предикации, как правило ассоциируемой с некоторой именной группой или обозначаемым ею предметом (референтом), тема дискурса обычно понимается либо как пропозиция (понятийный образ некоторого положения дел), либо как некоторый конгломерат информации. Тема обычно определяется как то, о чем идет речь в данном дискурсе.

Л о к а л ь н а я связность дискурса – отношения между минимальными дискурсивными единицами и их частями.

Американский лингвист Т. Гивон выделяет четыре типа локальной связности (особенно характерных для нарративного дискурса):

- референциальную (тождество участников);
- пространственную;
- временную;
- событийную.

2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ

2.1. Практикум

Описание видов упражнений для подготовки к семинарским занятиям

Задание 1

Приведите примеры реализации взаимосвязи синтактики, семантики и прагматики в искусственных знаковых системах (как, например, работа светофора) и социальной коммуникации.

Задание 2

Составьте текст сообщения, используя любую знаковую систему, не упомянутую в заданиях выше. Предложите своему коллеге объяснить реализацию семантики, синтактики и прагматики Вашего сообщения.

Задание 3

Согласуйте определения с определяемыми словами. Обоснуйте ответ.

Два (первые, первых) места; (первые, первых) два места; (первые, первых) две части книги; четыре (последние, последних) окна; три (новые, новых) села; две (старшие, старших) сестры; (каждые, каждых) три часа; две (высокие, высоких) горы, две (сильные, сильных) руки; два (милые, милых) лица.

Задание 4

Определите значение каждого слова в зависимости от контекста его употребления.

To stick

The door sticks.

The pages have stuck (together).

Friends must stick (together).

Stick to the point.

The needle stuck in my finger.

The key stuck in the lock.

I can not stick it any more.

Stick around; we may need you.

They are sticking out for higher wages.

Stick it down anywhere you can.

To keep

She keeps house in their family.

She keeps a shop and a bar.

I hope you're keeping well.

Keep the change.

Traffic in Britain keeps to the left.

Will this meat keep till tomorrow?

Keep your hands off!

Prices keep up.

To lose

Our team lost the game

He has nearly lost his hearing.

He stood lost in wonder.

They lost their way in the wood.

He lost his temper.

He lost interest in his studies.

The watch loses two minutes a day.

The job lost interest for me.

They don't want to lose the chance.

Have you lost your tongue?

To pass

Please, let me pass.

A smile passed over his lips.

He passed his exam in geography.

Pass me the mustard, please.

Parliament passed the bill.

It passes my understanding.

The officer passed by bag.

He has passed 16.

To run

He ran the Parliament last year.

This man runs a transport agency.

Her father ran into debt.

The child has a bad cold, his nose runs.

Silk stockings often run.

The ship ran a ground.

Buses run every 15 minutes here.

I ran my eyes over the newspaper column.

To fly

How time flies!

The dog flew at the robber.

He flew into a rage.

The door flew open.

The cup flew into pieces.

He flies high.

The wine flew to his head.

This would fly in the face of all common sense.

To mind

Are you sure you don't mind?

Who is minding the baby?

Mind my cat while I'm away.

Mind the traffic rules.

Mind the broken glass.

Mind your own business.

I wouldn't mind a cup of tea.

Never mind!

Mind your language.

To drop

His voice dropped.

You could hear a pin drop

Let's drop the subject!

He dropped dead.

Will you, please, drop a word for me?

He is ready to drop.

Where shall I drop you?

The wind is dropping.

Drop me a line when you get there.

He sent the book flying at me.

The devil flies away with you!

To touch

The story touched me.

They touched glasses.

Touch wood!

My cooking can't touch yours.

Be careful, don't touch her sore point.

*The lecturer touched upon the matter
of taxation.*

He acts as if he is touched in the head.

To move

I'm so tired, I can't move.

We are moving next week.

It's your turn to move.

Tears will not move him.

Move on, please.

Can you move up one seat?

To pay

He will pay you cash.

You will pay on delivery.

You will have to pay in advance.

Pay attention to your speech.

The work has been paid for.

The shares pay 5 %.

We can't pay through the nose.

*They are going to pay us a visit in De-
cember.*

Задание 5

Составьте текст / речь (3 – 4 высказывания) с нарушениями лексической сочетаемости на экономическую, политическую, социально-общественную, туристическую или информационно-технологическую тему. Предложите своим коллегам выявить нарушения и откорректировать текст.

Задание 6

Определите случаи лексической недостаточности и лексической избыточности. Сделайте необходимую правку.

1. Они сохранились в целости и сохранности.
2. Несмотря на то, что на протяжении всего пути ногу водителя сводила судорога, он все же довел автобус.
3. Суп дня или салат здесь каждый день разные.
4. Будешь возвращаться обратно, позвони – вдруг смогу подвезти!
5. Читатели заинтересованы в новостях отечественной экономики, тем более существует много информационных поводов.
6. Чуть не каждый день девушка улыбается потусторонней улыбкой.
7. Он немного приоткрыл окно.
8. Книги предлагают рецепты на все основные праздники.

Задание 7

Оцените уместность употребления «книжной», разговорной, просторечной и официально-деловой лексики в предложениях. Сделайте стилистическую правку.

1. Главная редакторша утверждала, что кто-то из очень влиятельных людей обещался ей достать по блату эту вещь.
2. Именно тогда, признается дворник Анна Маркина, я и поняла, что для меня неважно, на каком поприще трудиться.

3. После прикрытия передачи он подался на Высшие режиссерские курсы.
4. Это можно сравнить с тем, как если бы он, такой человек, оделся бы в не подобающий ему бедный костюм или иную неадекватную одежду.
5. Оба они люди с юмором: то, что называется в народе «поржать», – это у них всегда.
6. Вы предлагаете клиенту совсем другую ипостась ситуации.
7. Немаловажную роль для снятия утомления и улучшения усвоения программного материала детьми играет организация их труда и активного отдыха.
8. Они так удачно играли, что их заприметило телевизионное начальство.
9. В довершение сказанного на заседании правительства из его уст прозвучало пресловутое мнение о том, что финансирование необходимо продолжить.
10. Мы всегда ждем чуда и крепко серчаем, если оно не наступает.

Задание 8

Выявите речевые ошибки и внесите необходимую правку.

1. Особое внимание инспектор обратил на достигнутые недостатки.
2. Серьезные проблемы обрушились на молодых предпринимателей врасплох.
3. Этой проблеме мы придаем особое внимание.
4. В Токио примут старт спортсмены из многих стран.
5. Большое внимание было оказано благоустройству города.
6. Премьеру балета почтили вниманием президент и премьер-министр.
7. Ведущее значение в жизни публичных людей играет благотворительная деятельность.
8. В последние годы наблюдается буйный рост нашей промышленности.
9. Наш парниковый комбинат уже несколько десятилетий обеспечивает город молодыми овощами.
10. Крупную роль в подготовке к чемпионату имели товарищеские матчи сборной с командами Украины и Словении.

Задание 9

Выявите речевые ошибки, связанные с нарушением лексической сочетаемости, в приведенных ниже предложениях. Внесите правку.

1. О победах наших хоккеистов теперь помнят только отъявленные любители этого вида спорта.
2. Студенты старших курсов добились ухудшения успеваемости в этом году.
3. В парке запрещен выпас собак.
4. Склад закрыт на неопределенное время ввиду прихода тараканов.
5. Ведущее значение в работе деканата факультета придается нравственному воспитанию молодежи.
6. От усталости мое тело подкашивалось на ногах.
7. Ударил заморозок, и сильно прихватило кукурузу.
8. К моменту обмена квартиры в ней были прописаны жена, теща и некоторые вещи.
9. Глава администрации района приехал не с пустыми руками, он вручил школе библиотеку.
10. Опытная мошенница сразу заподозрила неладное и скоропостижно покинула квартиру.
11. Знатоки не припомнят столь урожайного счета в матчах подобного уровня.
12. Передовая технология способствует улучшению многих недостатков.
13. Уровень несчастных случаев на шахте увеличился.

Задание 10

Выберите прилагательное с учетом его лексической сочетаемости и смысла предложения.

1. Animals which are active during the hours of darkness are called *nightly* / *nocturnal* animals.
2. Animals which are active during the day are called *diurnal* / *daily* animals.

3. There is now a walking/pedestrian precinct in the *town / urban* centre.
4. *Country / rural* people often find it difficult to adjust to an urban/a town environment.
5. Mr. Green is a *tooth / dental* surgeon.
6. This food is not *salty / saline* enough for my taste.
7. *Salty / saline* solutions are prepared in the laboratories.
8. Harvard has a world-famous *law / legal* school.
9. Every citizen has a *lawful / legal* right to protect himself against attack.
10. Many of Escher's paintings make use of *eye / optical* illusions

Задание 11

Составьте текст сообщения, посвященный последней новости в области экономики, политики, туризма, общественной жизни длительностью 3 минуты. Намеренно внесите нарушения лексической и синтаксической сочетаемости как речевой ошибки. Представьте сообщение Вашим коллегам и предложите им выявить ошибки.

Задание 12

Согласуйте сказуемое с подлежащим, выраженным количественно-именным сочетанием. В каких случаях возможны несколько вариантов? Обоснуйте свой ответ.

1. Полмесяца прошл.. с этого злополучного вечера.
2. Полмесяца, проведенные в санатории, (пошел / пошли) ей на пользу.
3. На станции служил.. 11 человек.
4. В прошлом году на аренах страны дан.. 30 тысяч цирковых представлений.
5. Выступил.. только 5 человек.
6. Все 20 спектаклей прошл.. с успехом.

7. До конца дистанции остал..сь 10 километров.
8. В работе семинара участвовал.. 121 делегат.
9. В гостиной пробил.. 11 часов.
10. Установлен.. три новых мировых рекорда.
11. За этот год построен.. и сдан.. в эксплуатацию 35 километров новой трассы.
12. Прозвучал.. два мощных взрыва.

Задание 13

В предложениях с однородными подлежащими выберите форму сказуемого. Обоснуйте свой ответ. Возможны ли несколько вариантов? В каких предложениях и с чем это связано?

1. Не то туман, не то дым окутал.. всю рощу.
2. Сын или дочь согласил..сь(ся) приехать к больной матери?
3. Этим растениям одинаково необходим.. как влага, так и тепло.
4. Перед нами стоял.. не просто церковь, а произведение искусства.
5. У этого странного человека не только полы пальто, но и шляпа был.. забрызган.. грязью.
6. Я и она никогда не буд.. вместе.
7. Новое строительство и реконструкция старых зданий вед..тся без должной подготовки.
8. В магазин поступил.. трикотаж, обувь последних моделей и велюровые шляпки.
9. Как успехи, так и недостатки нашей работы обсуждал..сь(ся) на производственном совещании.
10. Мне нрав..тся его спокойствие и ровная речь.
11. Стихи или поэма печата..тся в каждом номере журнала.
12. Не роман, а повесть буд..т опубликован.. в следующем номере журнала.
13. Я и ты сделае.. это лучше него.

Задание 14

Выявите и исправьте ошибки в построении английских вопросительных предложений со смысловым глаголом, представленные ниже.

1. You work here?
2. Live you there?
3. Will have she been doing it for two days by May, 5th?
4. You are working here now?
5. Have you been working there for three years?
6. Will have she done it by September, 24th?
7. Work does Ann in Minsk?
8. She will come here tomorrow?
9. They will hold the conference for how long?

Задание 15

Подготовьте 3 примера разных типовых ситуаций и ука-

жите, что составляет их основу. Какова внутренняя структура каждой типовой ситуации?

Задание 16

Придумайте предложение на любую тему из следующих: экономика, политика, социальная жизнь, туризм, информационные технологии, реклама. Сообщите Ваше предложение коллеге, задача которого состоит в построении связи между Вашим и его подготовленными предложениями. Задание продолжается до тех пор, пока все члены группы не свяжут свои предложения с уже озвученными.

Задание 17

Внесите правку в высказывания, соблюдая правила построения сложных предложений в русском языке.

1. Врачи считают, что состояние больного настолько ухудшилось, что вполне вероятно, что в течение нескольких часов может наступить смерть.
2. Газета называет эти мероприятия горькой пилюлей для сторонников «холодной войны», которая должна быть проглочена.
3. На заводе есть 20 автоматов для обработки шурупов, которые для работы на них требуют специальных приспособлений.
4. В ряде случаев в эксплуатацию приняты здания без подъездных путей, ведущих к этим зданиям и которые позволяли бы машинам подъехать к ним.
5. На заседании обсуждались вопросы дальнейшего расширения производства и нет ли возможности снизить себестоимость продукции.
6. Подул сильный ветер, но тем не менее, однако, дождь не прекратился.
7. Искали его три дня, но все напрасно, но потом нашли в степи без чувств.
8. Деревья сажают вдоль дорог, и снег не засыпает рельсы, и поезд идет спокойно.
9. Когда я заглянул в колодец, то он был очень глубокий.
10. Собака гуляла с тетей Варей, на которую был надет намордник.
11. Он видит парк из тонких чахлах деревьев, в газете о котором писалось, что это великолепный сад.
12. Он замучил сестру и мать, чтобы они в десятый раз выслушали его доклад.
13. Требуется то, чтобы все мы жили дружно.
14. Мне вспомнился поход и как мы пели у костра.
15. Иван понял, что какой преданный друг у него есть.

16. На стене висит портрет, когда он был молодой.
17. Подбородок у меня закругленный, после которого идет тонкая шея, которую каждый раз натирает белая рубашка.
18. Любому человеку полезнее прогуляться в парке, чем нежеле сидеть целый вечер за компьютером.
19. В анкету нужно внести паспортные данные и в какой должности работаете в настоящее время.
20. О том, что ЦТ станет основной формой вступительных испытаний в большинстве вузов страны, ожидали немногие.

Задание 18

Выявите ошибки в построении высказываний на английском языке. Внесите необходимую правку.

1. I am agree with you.
2. I afraid she can't join us.
3. I very much like thia film.
4. She is ill because she stayed at home.
5. It's depend on the circumstances.
6. Supermarket it is a place where we can buy food.
7. If the weather will be fine, we'll go for a walk.
8. It's mean that we won't manage to fulfil the task on time.
9. English needs me for my job.
10. I am interesting in this project.

Задание 19

Найдите ошибки и недочеты, связанные с использованием зависимых падежных форм и управления. Внесите необходимую правку. В каждом предложении определите синтаксическую модальность (объективная / субъективная; реальная / ирреальная) и синтаксическое время (временная опреде-

ленность / временная неопределенность). Укажите средства их выражения.

1. Если на нее приглядеться, она не такая уж молодая.
2. Большое внимание он уделял на тесную связь между качеством работы и дисциплиной.
3. Легкомысленное отношение к энергоресурсам повлекло к огромным затратам.
4. Согласно заявления его перевели на другую работу.
5. Нельзя ли сделать два снимка: один – в профиль, другой – в анфас?
6. Возникшие благодаря этому серьезные трудности совпали с тяжелыми стихийными бедствиями.
7. Штатные психологи проводят профилактические беседы по вопросам вреда курения и алкоголя.
8. Благодаря Вас я узнала много нового о нашем городе. Наверное, многие возмутятся на такое сравнение.
9. Но это не дает никакой гарантии на то, что в уже отремонтированных домах не возникнут трудности с подачей воды.
10. Участки, занятые под овощными культурами, заметно расширяются.
11. Я был поражен неосведомленностью главного конструктора в основных производственных процессах.
12. Его замечания ни на чем не обоснованы.
13. Книга представляет из себя результат многолетних наблюдений биолога.

Задание 20

Выберите одну из форм согласования определения и сказуемого. Обоснуйте свой выбор. Сделайте актуальное членение каждого предложения. Укажите средства выражения темы и ремы.

1. Интересный проект нового микрорайона (*разработал/разработала*) старейший архитектор города А. Н. Соловьева.
2. Автор Н. Петрова (*предложил/предложила*) редакции увлекательные заметки.
3. В журнале «Новый мир» (*появился появилась*) новый автор Н. Петрова.
4. (*Опубликовавший/опубликовавшая*) новую статью автор Н. Петрова уже (*известен/известна*) читателям.
5. (*Опытный/опытная*) ветеринар С. Ковалева работает в цирке более десяти лет.
6. Операцию (*проводил/проводила*) опытный ветеринар С. Ковалева, недавно (*защитивший, защитившая*) кандидатскую диссертацию.
7. В приемной сидела молодая женщина. Это (*был/была*) секретарь директора.
8. Анна Сергеевна, директор школы, тепло (*поздравил/поздравила*) нас.
9. Все, кто (*пришел/пришло/пришли*) на выставку, были в восторге.
10. Я наблюдал из-за угла, не (*идет/идут*) ли кто.

Задание 21

Приведите примеры высказываний (из газетных статей на тему экономики, политики, общественной жизни или PR) разных типов тематического динамизма. Проанализируйте их с точки зрения эффективности воздействия на адресата.

Задание 22

Приведите примеры разных функционально-смысловых типов текста экономической, политической, PR-тематики.

Задание 23

Разработайте и представьте 3 функционально-смысловых типа рекламного текста одного и того же продукта.

Задание 24

Составьте текст делового письма научному руководителю на одну из следующих тем:

- «был/-а на больничном, можно ли и как отработать пропуски и сдать необходимые задания»;
- «что надо готовить к экзамену»;
- «хочу писать у Вас дипломную работу»;
- «высылаю реферат на проверку».

Задание 25

Необходимо развить мысль, которая начинается словами, приведенными ниже. Когда все они будут исчерпаны, следует возвратиться к первому и сочинять новые версии. Старайтесь, чтобы текст, который вы сочиняете, был связным и целостным.

1. Предполагают, что в двухтысячном году...
2. Сегодня трудно поверить, что было время, когда...
3. Известно ли вам, что...
4. Однажды, в зимний холодный вечер...
5. При перелете из России в Англию...
6. Если каждый день, несмотря на погоду...
7. Вы, конечно, помните, что произошло...
8. Книга – источник знаний, но...
9. Никто не знает, когда...
10. Сегодня я расскажу, что случилось...

Задание 26

Расположите нижеприведенные предложения на английском языке так, чтобы получился связный, структурированный текст. Порядок предложений обозначьте их номерами рядом с буквами.

1)_____a. This spot, which lies in New York Harbor, was the first American soil seen or touched by many immigrants.

_____b. Between its opening in 1892 and its closing in 1954, about two-thirds of all immigrants were detained there before taking up their new lives in the United States.

_____c. Ellis Island has reopened for business, but now the customers are tourists.

_____d. Though other places also served as ports of entry for foreigners, none has the symbolic power of Ellis Island.

2)_____a. The set, sounds, and actors in the movie captured the essence of horror films.

_____b. The sounds, too, were appropriate; especially terrifying was the hard, hollow sound of footsteps echoing throughout the film.

_____c. The set was ideal: looming shadows of large and unlighted houses, deserted streets, trees dipping their branches over the sidewalks, and mist hugging the ground.

_____d. But the best feature of the movie was its actors, all of them, tall, pale, and extremely thin.

3) . When it was being constructed in the early 1970s, its windows began cracking and falling to the ground.

_____ b. They were replaced with plywood until the problem could be found and solved.

_____ c. The Hancock Tower in Boston is a thin, mirror-glass slab that rises almost eight hundred feet.

_____ d. Eventually, the cracking was blamed on the windows' rigid, double-paned glass.

_____ e. Single-pane windows were installed, and the plywood building crystallized into a shining jewel.

Задание 27

Составьте текст сообщения-объявления своим коллегам на любую тему академической, развлекательной, др. тематики. Объем текста – 5 предложений. Сообщение должно отвечать следующим требованиям:

- а) обладать диалогичностью, информативностью, пресуппозицией, быть связным, целостным;
- б) состоять из слов, начинающихся на одну букву.

Задание 28

Составьте текст сообщения на любую интересующую Вас тему. Добавьте в текст сообщения разные виды ссылок на дополнительные материалы (статьи, аудио- и видеоматериалы, комментарии, отзывы специалистов, др.). Объем печатного текста (шрифт Times New Roman, 14 кегель, одинарный межстрочный интервал, отступ – 1,25, поля – 2 см. со всех сторон) должен составить полстраницы листа А4. Структура текста:

- *вступление: «приманка/-и» (интересные / неожиданные / малоизвестные факты, статистика, «загадка» (др.);*
- *тезис; пункты, подкрепляющие тезис (план);*
- *основная часть: раскрытие пунктов;*
- *заключение: резюме.*

Предложите своим коллегам ознакомиться с подготовленным Вами текстом сообщения. Задача Ваших коллег определить вид/-ы гипертекстуальности и гиперссылок; дать свою оценку гипертекста с точки зрения его структуры и насыщенности информационными единицами.

Задание 29

Выступите с информативной речью по подготовленной Вами теме. Ваша презентация должна быть привлекательной для аудитории, структурированной, информативной.

2.2. Тематика семинарских занятий

Семинар 1. Синтактика как часть семиотики.

Связь синтактики с семантикой и прагматикой

Семиотика как наука. Структура языка. Уровни языка. Взаимосвязь семантики, синтактики и прагматики.

Семинар 2. Сочетаемость звуков. Благозвучие речи

Законы благозвучия языка (русского языка, других языков). Следствия из законов благозвучия языка (русского языка, других языков). Сочетаемость фонем. Ограничения сочетаемости фонем. Звукопись. Фоностилистические приемы речи.

Семинар 3. Типы сочетаемости

Валентность и ее характеристики. Виды валентности. Типы сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Ограничения сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Лексическая сочетаемость. Сочетаемость и контекст. Сочетаемость и норма контекста. Сочетаемость и позиция слова.

Семинар 4. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как речевая ошибка

Лексическая несочетаемость. Речевая недостаточность. Речевая избыточность. Паразитная рифма. Неправильное использование паронимов. Контаминация фразеологизмов. Смещение стилей. Использование жаргона и канцеляризов в речи. Речевые штампы и языковые стандарты. Неудачная образность. Стилистические приемы. Синтаксическая несочетаемость. Речевые ошибки в строе простого предложения. Стилистические недочеты и речевые ошибки при употреблении сложных предложений. Устранение речевых ошибок с помощью параллельных синтаксических конструкций. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как стилистический прием.

Семинар 5. Предложение и высказывание

Предложение как синтаксический образец. Основные признаки предложения. Предикативность как свойство предложения. Типовая ситуация. Конституирующие признаки высказывания. Сравнительная характеристики предложения и высказывания. Основные компоненты высказывания. Виды модальности и языковые средства ее выражения.

Семинар 6. Текст как языковая и речевая единица

Основные признаки текста. Структура разных типов текста (резюме, реферат, статья, деловое письмо, презентация). Глобальные текстовые категории и их функции. Уровни текста. Единицы текста. Типы текстов. Гипертекст. Понятие гипертекстуальности. Гиперссылки и их классификации. Интертекстуальность и прецедентность. Типы прецедентных феноменов.

Семинар 7. Дискурс. Типы дискурса

Текст и дискурс. Типология дискурса. Институциональный и персональный типы дискурса. Интердискурсивность. Структура интернет-дискурса. Кодовые переключения. Классификация кодовых переключений. Дискурсивные маркеры различных типов дискурса.

3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ

3.1. Вопросы для самостоятельной работы студентов

1. От чего зависит избирательность в сочетаемости морфем в слове?
2. Какие виды ограничений, определяющих сочетаемость морфем в русском языке, выделяют?
3. Что такое узус? Приведите примеры этого явления.
4. Дает ли знание словообразовательных морфем человеку возможность строить слова из известных морфем? Что необходимо учитывать?
5. Какие ограничения, определяющие сочетаемость морфем, существуют в других языках?
6. Что такое сочетаемость и валентность? Кто ввел термин «валентность» и что под ним понималось? Какие виды валентности выделяют?
7. Как сочетаемость слова связана с его лексическим значением? Какие типы лексического значения выделяются? Приведите примеры.
8. Чем определяется семантическая сочетаемость слова? В чем состоит и как реализуется закон семантического согласования В. Г. Гака?
9. Каковы речевые ошибки, вызванные неправильным выбором слова? Приведите примеры.
10. Что может стать причинами нарушения лексической сочетаемости? Продемонстрируйте это на примерах.
11. К каким речевым погрешностям приводит неправильный выбор синонимов? Подкрепите свой ответ примерами.
12. Какие речевые ошибки могут возникнуть при неверном употреблении антонимов? Аргументируйте ответ с помощью примеров.
13. Каковы случаи неверного употребления многозначных слов и к каким коммуникативным неудачам они могут привести? Продемонстрируйте это на примерах.

14. Какие проявления омонимии могут стать причиной двусмысленности в речи? Приведите примеры.

15. В чем заключаются речевые ошибки в строе простого предложения? Подкрепите свой ответ примерами.

16. Какие речевые ошибки могут возникнуть в грамматической координации главных членов предложения? Каковы нарушения синтаксической сочетаемости при согласовании определений и приложений? Приведите примеры.

17. Каково общее понятие предложения (дайте определения, сравните их)? Каковы основные признаки предложения, его отличия от словосочетания? Почему предложение является основной единицей синтаксиса?

18. Какова характеристика грамматических категорий предложения, оформляющих предикативность: синтаксическое наклонение (модальность), синтаксическое время (темпоральность), синтаксическое лицо (персональность)? Что такое «грамматическая форма предложения»? В чем заключается грамматическое значение предложения? Приведите примеры.

19. Что такое синтаксическая связь?

20. Каково общее понятие предикативной основы и структурной схемы предложения? Подкрепите свой ответ примерами.

21. Какие различные подходы к пониманию структурной схемы (формулы) предложения существуют? Какова классификация структурных схем?

22. Дайте характеристику компонентов структурной схемы. В чем состоят регулярные реализации структурных схем?

23. Каковы задачи коммуникативного (динамического) синтаксиса? В чем заключается общее понятие актуального членения предложения.

24. Каким является соотношение актуального и формального (грамматического) членения предложения. Закреплена ли за членами предложения определенная функция при актуальном его членении? Аргументируйте свой ответ с помощью примеров.

25. Что лежит в основе различия понятий «предложение» и «высказывание»? Как соотносятся язык и речь? Каковы характеристики речи в сравнении с языком?

26. Какие основные признаки предложения и высказывания выделяют?

27. Каков взгляд современной лингвистики на высказывание?

28. В чем заключается коммуникативная функция языка?

29. Что такое предикативность высказывания? Что составляет ее основу?

30. Что понимается под модальностью высказывания? Какие виды модальности выделяют? Какие языковые средства используются для выражения модальности каждого вида?

31. С чем связаны трудности в определении текста?

32. Как трактуют текст в семиотике?

33. Каков синтаксический подход к интерпретации текста?

34. Какие направления в изучении текста развиваются особенно интенсивно в последние годы?

35. Как трактуется текст в коммуникативной стилистике?

36. Как соотносятся между собой понятия «язык», «речь», «текст»?

37. Какие существуют подходы к определению текста?

38. Как соотносятся понятия «текст» и «дискурс»?

39. Чем обусловлена дискуссионность проблемы определения признаков текста?

40. Как определяется структурность текста?

3.2. Методические рекомендации по самостоятельной работе студентов

Студент в процессе обучения должен не только освоить учебную программу, но и приобрести навыки самостоятельной работы, которая способствует развитию ответственности и организованности, творческого подхода к реше-

нию проблем учебного и профессионального уровня, поскольку студент должен уметь планировать и выполнять свою работу.

Самостоятельная работа студентов является одной из основных форм аудиторной и внеаудиторной работы при реализации учебных планов и программ. Самостоятельная работа определяется как индивидуальная или коллективная учебная деятельность, осуществляемая без непосредственного участия педагога, но по его заданиям и под его контролем.

Для организации самостоятельной работы необходимы следующие условия:

- готовность студентов к самостоятельному труду;
- наличие и доступность необходимого учебно-методического и справочного материала;
- консультационная помощь.

Формы самостоятельной работы студентов определяются при разработке рабочих программ учебных дисциплин содержанием учебной дисциплины, учитывая степень подготовленности студентов.

Видами заданий для внеаудиторной самостоятельной работы являются:

- работа с теоретическим материалом (конспекты лекций, материалы учебника, конспектирование научных статей или составление развернутого плана);
- выполнение заданий к практическим занятиям (составление плана вопросов и подбор дидактического материала);
- составление глоссария, идентификация с помощью лингвистической терминологии всего набора языковых категорий;
- характеристика каждой единицы с точки зрения структурно-семантического направления, квалифицированный лексико-грамматический анализ любого текста;
- чтение и анализ основной и дополнительной литературы.

Рекомендации студентам в ходе выполнения самостоятельной работы:

- 1) внимательно ознакомьтесь с учебной программой по дисциплине и лекционными материалами по заданной теме;

2) обозначьте перечень основной и дополнительной литературы по заданной теме и изучите его;

3) при необходимости законспектируйте по обозначенным источникам дополнительный теоретический материал по заданной теме;

4) при необходимости обозначьте круг вопросов, которые вызвали затруднения по заданной теме (для обсуждения с преподавателем);

5) выполните практические задания по заданной теме, проверьте правильность их выполнения.

Таким образом, самостоятельная работа всегда завершается какими-либо результатами. Это выполненные задания, упражнения, подготовленные ответы на вопросы.

Целью самостоятельной работы студентов является овладение фундаментальными знаниями, профессиональными умениями и навыками деятельности по профилю, опытом творческой, исследовательской деятельности. Данный учебно-методический материал ориентирован на достижение главной цели: повышение результативности самостоятельной работы студентов, развитие способности к самостоятельному получению знаний, освоению коммуникативных компетенций по учебной дисциплине.

В ходе выполнения самостоятельной работы студент научится активно, целенаправленно приобретать новые знания и развивать коммуникативные умения без прямого участия в этом процессе преподавателей; самостоятельно анализировать современные учебно-методические материалы; закреплять пройденный материал посредством анализа, сравнения, обсуждения.

Указанная цель требует реализации ряда *задач*, таких как:

1) приобретение конкретных знаний в соответствии с темами, заявленными в учебной программе дисциплины;

2) систематизация и закрепление полученных теоретических знаний и практических умений;

3) развитие познавательных способностей и активности студентов: творческой инициативы, самостоятельности, ответственности и организованности;

- 4) формирование самостоятельности мышления, способностей к саморазвитию,
- 5) самосовершенствование и самореализация;
- 6) развитие исследовательских умений;
- 7) реализация универсальных учебных действий с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Информация, полученная в результате самостоятельного изучения обозначенного материала, будет необходима для подготовки презентации, более продуктивной работы на семинарских занятиях, а также успешного прохождения всех этапов контроля знаний. Помимо анализа библиографического списка литературы, поощряется самостоятельное нахождение и изучение дополнительной литературы и электронных источников.

При этом целями и задачами самостоятельной аудиторной работы по учебной дисциплине «Лингвистические основы коммуникации. Синтактика» являются:

- методическая помощь студентам при изучении дисциплины «Модуль 2. Лингвистические основы коммуникации: Синтактика» по вопросам, выносимым на самостоятельное изучение;
- развитие творческих способностей студентов, активизация мыслительной деятельности, повышение положительной мотивации к изучению дисциплины;
- отработка навыков работы со специальными тематическими словарями, с научными справочными пособиями.

Цели и задачи внеаудиторной самостоятельной работы студентов:

- закрепление, углубление, расширение и систематизация знаний, полученных во время занятий;
- самостоятельность овладения новым учебным материалом;
- формирование навыков самостоятельного умственного труда;
- овладение различными формами самоконтроля;
- развитие самостоятельности мышления;

- развитие коммуникативных умений в сфере профессионального общения;
- воспитание способности к самоорганизации, творчеству.

Самостоятельная работа может осуществляться индивидуально или группами студентов в зависимости от цели, объема, конкретной тематики самостоятельной работы, уровня сложности, степени развития умений студентов.

Контроль результатов внеаудиторной самостоятельной работы студентов может осуществляться в пределах времени, отведенного на обязательные учебные занятия по дисциплине и внеаудиторную самостоятельную работу студентов по дисциплине. Используется устная и смешанная формы контроля.

По дисциплине «Лингвистические основы коммуникации. Синтактика» практикуются следующие виды и формы самостоятельной работы студентов:

- подготовка к практическим занятиям;
- подготовка к экзамену;
- отработка изучаемого материала по печатным и электронным источникам;
- индивидуальные исследовательские задания (подготовка кратких сообщений, докладов, рефератов и др.);
- подготовка к участию в научно-практических конференциях.

Изучение литературы и интернет-ресурсов с целью расширения знаний по той или иной теме необходимо осуществлять с учетом следующих пунктов.

1. Прежде чем приступить к работе, требуется четко определить цели задания, что поможет осуществить самоконтроль в конце работы;
2. Ход работы проводить «пошагово» и не приступать к следующему пункту, не пройдя предыдущий;
3. При работе с литературными источниками выделять главное, обращая особое внимание на классический немецкий язык,
4. В конце работы проверить, достигнута ли цель и сколько времени потребовалось для ее достижения.

В зависимости от цели просмотрового чтения и степени полноты извлечения информации выделяют четыре подвида просмотрового чтения.

Конспективное – для выделения основных мыслей. Оно заключается в восприятии только наиболее значимых смысловых единиц текста, составляющих логико-фактологическую цепочку.

Реферативное – для выделения основных мыслей. При этом читающего интересует только самое основное в содержании материала, все подробности опускаются как несущественные для понимания главного.

Обзорное – для определения сути сообщаемого. Оно направлено на выделение главной мысли текста, причем задачи сводятся в основном к ее обнаружению на основе структурно-смысловой организации текста. Понимание главной мысли, выраженной имплицитно, в данном случае практически невозможно. Интерпретация прочитанного ограничивается вынесением самой общей оценки содержанию и определением соответствия текста интересам студентов.

Ориентировочное – для установления наличия в тексте информации, представляющей для читающего интерес или относящееся к определенной проблеме. Основная задача читающего – установить, относится ли данный материал к интересующей его теме.

3.3. Примерный перечень вопросов к экзамену

1. Семиотика как наука. Структура языка. Уровни языка.
2. Взаимосвязь семантики, синтактики и прагматики.
3. Законы благозвучия языка (русского языка, других языков).
4. Следствия из законов благозвучия языка (русского языка, других языков).
5. Сочетаемость фонем. Ограничения сочетаемости фонем.
6. Звукопись. Фоностилистические приемы речи.
7. Валентность и ее характеристики. Виды валентности.
8. Типы сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Лексическая сочетаемость.
9. Ограничения сочетаемости в языке (русского языка, других языков).
10. Сочетаемость и контекст. Сочетаемость и норма контекста.

11. Сочетаемость и позиция слова.
12. Лексическая несочетаемость. Синтаксическая несочетаемость.
13. Речевая недостаточность. Речевая избыточность. Паразитная рифма.
14. Смещение стилей использование жаргона и канцеляризмов в речи.
15. Речевые штампы и языковые стандарты. Неудачная образность.
16. Речевые ошибки в строе простого предложения.
17. Стилистические недочеты и речевые ошибки при употреблении сложных предложений. Устранение речевых ошибок с помощью параллельных синтаксических конструкций.
18. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как стилистический прием.
19. Предложение как синтаксический образец. Основные признаки предложения.
20. Предикативность как свойство предложения.
21. Конституирующие признаки высказывания.
22. Сравнительные характеристики предложения и высказывания.
23. Основные признаки текста. Структура разных типов текста.
24. Уровни текста. Единицы текста. Типы текстов.
25. Типология дискурса. Институциональный и персональный типы дискурса.
26. Структура интернет-дискурса.
27. Кодовое переключения. Классификация кодовых переключений.
28. Дискурсивные маркеры различных типов дискурса.

4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

4.1. Учебная программа

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ ИМЕНИ А.М.ШИРОКОВА»

УТВЕРЖДАЮ

Ректор Института современных знаний
имени А.М.Широкова
А.Л.Капилов

25.06.2025

Регистрационный № УД -02-16/уч.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ. СИНТАКТИКА

Учебная программа учреждения высшего образования
по учебной дисциплине для специальности

6-05-0231-03 Лингвистическое обеспечение межкультурной коммуникации
(английский язык и второй иностранный язык)

2025 г.

Учебная программа составлена на основе примерной учебной программы по модулю «Лингвистические основы коммуникации» от 12.03.2024 г., регистрационный № 6-05-02-009/пр. и учебного плана по специальности

СОСТАВИТЕЛИ:

Н.Н.Ширяева, старший преподаватель кафедры менеджмента и коммуникаций Частного учреждения образования «Институт современных знаний имени А.М.Широкова»;

РЕКОМЕНДОВАНА К УТВЕРЖДЕНИЮ:

Кафедрой менеджмента и коммуникаций Частного учреждения образования «Институт современных знаний имени А.М.Широкова»
(протокол № 12 от 29.05.2025);

Научно-методическим советом Частного учреждения образования «Институт современных знаний имени А.М.Широкова»
(протокол № 5 от 25.06.2025)

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Модуль «Лингвистические основы коммуникации» включает три учебные дисциплины: «Семантика», «Синтактика» и «Прагматика» и является составной частью лингвистической подготовки специалистов по межкультурной коммуникации.

Изучение учебной дисциплины «Синтактика» способствует созданию у студентов теоретической и методологической базы для их самостоятельной исследовательской работы, формированию важнейших навыков анализа и синтеза в процессе наблюдения над речевыми фактами, их обобщением и интерпретацией.

Целью изучения учебной дисциплины «Синтактика» является формирование системного представления о языке как знаковой системе и структуре, а также сформировать умения использовать методы синтаксического анализа языкового материала с учетом языковых факторов.

Основные задачи изучения:

- ознакомление с единицами языка, типами их отношений;
- развитие навыков корректного использования синтаксических понятий и единиц;
- развитие умений анализа текста, дискурса;
- совершенствование умений и навыков построения качественных сообщений.

Изучение учебной дисциплины «Синтактика» направлено на формирование следующих компетенций:

- осуществлять дискурсивную деятельность с соблюдением закономерностей сочетаемости языковых единиц разных уровней;
- владеть основами исследовательской деятельности, осуществлять поиск, анализ и синтез информации.

В результате изучения учебной дисциплины студент должен

знать:

- виды сочетаемости лексем;
- основные признаки текста и дискурса;

– типологию текстов и их жанрово-стилистические разновидности;

уметь:

– анализировать композицию и структуру текста;

– определять тип и жанровую разновидность текста;

иметь навыки:

– трансформационного анализа;

– приема анализа текста.

В рамках образовательного процесса по данной учебной дисциплине студент должен приобрести не только теоретические и практические знания, умения и навыки по специальности, но и развить свой ценностно-личностный, духовный потенциал, сформировать качества патриота и гражданина, готового к активному участию в экономической, производственной, социально-культурной и общественной жизни страны.

Общее количество часов, отводимое на изучение учебной дисциплины «Синтактика», составляет 90 академических часов, из них аудиторных – 34 часа. Распределение аудиторного времени по видам занятий: лекции – 20 часов, семинарские занятия – 14 часов. Самостоятельная работа – 56 часов.

Текущая аттестация проводится 1 раз в семестр в следующих формах по выбору: презентация, написание убеждающей речи, доклад, сообщение по темам, определяемым преподавателем.

Форма промежуточной аттестации – экзамен.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Учебная дисциплина «Синтактика»

Тема 1. Синтактика как часть семиотики.

Связь синтактики с семантикой и прагматикой

Семиотика как наука. Структура языка. Уровни языка. Взаимосвязь семантики, синтактики и прагматики.

Тема 2. Сочетаемость звуков. Благозвучие речи

Законы благозвучия языка (русского языка, других языков). Следствия из законов благозвучия языка (русского языка, других языков). Сочетаемость фонем. Ограничения сочетаемости фонем. Звукопись. Фоностилистические приемы речи.

Тема 3. Сочетаемость морфем

Языковые закономерности и ограничения в речи при образовании слов. Семантические ограничения. Формальные ограничения. Стилистические ограничения. Лексические ограничения. Словообразовательные ограничения. Узус.

Тема 4. Типы сочетаемости

Валентность и ее характеристики. Виды валентности. Типы сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Ограничения сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Лексическая сочетаемость. Сочетаемость и контекст. Сочетаемость и норма контекста. Сочетаемость и позиция слова.

Тема 5. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как речевая ошибка

Лексическая несочетаемость. Речевая недостаточность. Речевая избыточность. Паразитная рифма. Неправильное использование паронимов. Контаминация фразеологизмов. Смещение стилей. Использование жаргона и канцеляризмов в речи. Речевые штампы и языковые стандарты. Неудачная образность. Стилистические приемы. Синтаксическая несочетаемость. Речевые ошибки в

строе простого предложения. Стилистические недочеты и речевые ошибки при употреблении сложных предложений. Устранение речевых ошибок с помощью параллельных синтаксических конструкций. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как стилистический прием.

Тема 6. Предложение и высказывание

Предложение как синтаксический образец. Основные признаки предложения. Предикативность как свойство предложения. Типовая ситуация. Конституирующие признаки высказывания. Сравнительная характеристики предложения и высказывания. Основные компоненты высказывания. Виды модальности и языковые средства ее выражения.

Тема 7. Текст как языковая и речевая единица

Основные признаки текста. Структура разных типов текста (резюме, реферат, статья, деловое письмо, презентация). Глобальные текстовые категории и их функции. Уровни текста. Единицы текста. Типы текстов. Гипертекст. Понятие гипертекстуальности. Гиперссылки и их классификации. Интертекстуальность и прецедентность. Типы прецедентных феноменов.

Тема 8. Вербальный и невербальный компоненты текста

Поликодовость текста. Монтаж текстовых типов, стилизация, пародия, коллаж как функционально-стилистическая разнородность. Визуальная интертекстуальность. Текст с частичной и полной креолизацией. Приемы «шифровки» информации невербальными компонентами.

Тема 9. Дискурс. Типы дискурса

Текст и дискурс. Типология дискурса. Институциональный и персональный типы дискурса. Интердискурсивность. Структура Интернет-дискурса. Кодовые переключения. Классификация кодовых переключений. Дискурсивные маркеры различных типов дискурса.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКАЯ КАРТА ПО УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Номер раздела, темы	Название раздела, темы	Количество аудиторных часов					Форма контроля
		Лекции	Семинарские занятия	Практические занятия	Лабораторные занятия	Количество часов СРС	
	2	3	4	5	6	7	8
	Синтактика						
1.	Синтактика как часть семиотики. Связь синтактики с семантикой и прагматикой	2	2			-	
2.	Сочетаемость звуков. Благозвучие речи	2	2			2	Изучение рекомендованных дополнительных научных публикаций
3.	Сочетаемость морфем	2	-			2	Сообщения по теме
4.	Типы сочетаемости	2	2			2	Сообщения по теме
5.	Нарушение лексической синтаксической сочетаемости как речевая ошибка и стилистический прием	2	2			2	Подготовка доклада
6.	Предложение и высказывание	2	2			4	Выполнение тестовых заданий
7.	Текст как языковая и речевая единица	2	2			2	Сообщения по теме, презентация

8.	Вербальные и невербальные компоненты текста	2	-		4	Презентация, дебаты
9.	Дискурс. Типы дискурса	4	2		2	Рольевые игры
	Промежуточная аттестация				36	экзамен
ВСЕГО: 90 часов		20	14		56	

ИНФОРМАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

ПЕРЕЧЕНЬ ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : учебник / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 2004. – 315 с.
2. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение : / В. В. Богданов. – СПб. : СПбГУ, 1993. – 267 с.
3. Баркович, А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация : учеб. пособие по интернет лингвистике : / А. А. Баркович, – М. : Флинта : Наука, 2020. – 288 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : учебник / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 356 с.
5. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович – Мн. : МГЛУ, 2003. – 234 с.
6. Марков, М. Л. Основы теории дискурса. / М. Л. Марков. – М. : ГНОЗИС, 2003 – 436 с.
7. Мечковская, Н. Б. Структурная и социальная типология языков. / Н. Б. Мечковская - Мн. : БГУ, 2004. – 378 с.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Арутюнова, Н. Д. О значимых единицах языка / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., стер. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 64 с.
3. Васильев, А. Д. Интертекстуальность. Прецедентные феномены : учеб. пособие / А. Д. Васильев. – М. : Флинта, 2017. – 342 с.
4. Голуб, И. Б. Книга о хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – М. : Культура и спорт : Юнити, 1997. – 268 с.
5. Диденко, А. С. Синтактика, семантика и прагматика каузальных, инкаузальных, пропорциональных и компаративных структур : опыт пресуппозиций, позиций и постсуппозиций / А. С. Диденко. – Краснодар, 2007. – 447 с.
6. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллектив. моногр. / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта, 2021. – 352 с.
7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 390 с.

Требования к выполнению самостоятельной работы студентов

№ п/п	Название раздела, темы	Кол-во часов на СРС	Задание	Форма выполнения	Цель и задача СРС
1	Сочетаемость звуков. Благозвучие речи	2	Изучить дополнительные научные публикации по учебной теме	Опрос	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой учебной дисциплине

2	Сочетаемость морфем	2	Подготовка к семинарскому занятию	Сообщение по теме	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой учебной дисциплине
3	Типы сочетаемости	2	Подготовка к семинарскому занятию	Сообщение по теме	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой учебной дисциплине
4	Нарушение лексической синтаксической сочетаемости как речевая ошибка и стилистический прием	2	Подготовка к семинарскому занятию	Подготовка доклада	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой дисциплине
5	Предложение и высказывание	4	Осуществить мониторинг собственного речевого поведения	Выполнение тестовых заданий	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой дисциплине
6	Текст как языковая и речевая единица	2	Подбор собственных примеров для иллюстрации основных теоретических положений	Презентация	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой дисциплине
7	Вербальные и невербальные компоненты текста	4	Подбор собственных примеров для иллюстрации основных теоретических положений	Презентация	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой дисциплине

8	Дискурс. Типы дискурса	2	Изучить дополнительные научные публикации по учебной теме	Подготовка доклада	Углубление и расширение профессиональных знаний по изучаемой дисциплине
---	------------------------	---	---	--------------------	---

Тематика семинарских занятий по учебной дисциплине «Синтактика»

Семинар 1. Синтактика как часть семиотики. Связь синтактики с семантикой и прагматикой

Семиотика как наука. Структура языка. Уровни языка. Взаимосвязь семантики, синтактики и прагматики.

Семинар 2. Сочетаемость звуков. Благозвучие речи

Законы благозвучия языка (русского языка, других языков). Следствия из законов благозвучия языка (русского языка, других языков). Сочетаемость фонем. Ограничения сочетаемости фонем. Звукопись. Фоностилистические приемы речи.

Семинар 3. Типы сочетаемости

Валентность и ее характеристики. Виды валентности. Типы сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Ограничения сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Лексическая сочетаемость. Сочетаемость и контекст. Сочетаемость и норма контекста. Сочетаемость и позиция слова.

Семинар 4. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как речевая ошибка

Лексическая несочетаемость. Речевая недостаточность. Речевая избыточность. Паразитная рифма. Неправильное использование паронимов. Контаминация фразеологизмов. Смещение стилей. Использование жаргона и канцеляризов в речи. Речевые штампы и языковые стандарты. Неудачная образность. Стилистические приемы. Синтаксическая несочетаемость. Речевые ошибки в строе простого предложения. Стилистические недочеты и речевые ошибки при употреблении сложных предложений. Устранение речевых ошибок с помощью параллельных синтаксических конструкций. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как стилистический прием.

Семинар 5. Предложение и высказывание

Предложение как синтаксический образец. Основные признаки предложения. Предикативность как свойство предложения. Типовая ситуация. Конституирующие признаки высказывания. Сравнительная характеристики предложения и высказывания. Основные компоненты высказывания. Виды модальности и языковые средства ее выражения.

Семинар 6. Текст как языковая и речевая единица

Основные признаки текста. Структура разных типов текста (резюме, реферат, статья, деловое письмо, презентация). Глобальные текстовые категории и их функции. Уровни текста. Единицы текста. Типы текстов. Гипертекст. Понятие гипертекстуальности. Гиперссылки и их классификации. Интертекстуальность и прецедентность. Типы прецедентных феноменов.

Семинар 7. Дискурс. Типы дискурса

Текст и дискурс. Типология дискурса. Институциональный и персональный типы дискурса. Интердискурсивность. Структура Интернет-дискурса. Ко-

довые переключения. Классификация кодовых переключений. Дискурсивные маркеры различных типов дискурса.

Примерный перечень вопросов к экзамену по учебной дисциплине «Синтактика»

1. Семиотика как наука. Структура языка. Уровни языка.
2. Взаимосвязь семантики, синтактики и прагматики.
3. Законы благозвучия языка (русского языка, других языков).
4. Следствия из законов благозвучия языка (русского языка, других языков).
5. Сочетаемость фонем. Ограничения сочетаемости фонем.
6. Звукопись. Фоностилистические приемы речи.
7. Валентность и ее характеристики. Виды валентности.
8. Типы сочетаемости в языке (русского языка, других языков). Лексическая сочетаемость.
9. Ограничения сочетаемости в языке (русского языка, других языков).
10. Сочетаемость и контекст. Сочетаемость и норма контекста.
11. Сочетаемость и позиция слова.
12. Лексическая несочетаемость. Синтаксическая несочетаемость.
13. Речевая недостаточность. Речевая избыточность. Паразитная рифма.
14. Смещение стилей использование жаргона и канцеляризмов в речи.
15. Речевые штампы и языковые стандарты. Неудачная образность.
16. Речевые ошибки в строе простого предложения.
17. Стилистические недочеты и речевые ошибки при употреблении сложных предложений. Устранение речевых ошибок с помощью параллельных синтаксических конструкций.
18. Нарушение лексической и синтаксической сочетаемости как стилистический прием.
19. Предложение как синтаксический образец. Основные признаки предложения.
20. Предикативность как свойство предложения.

21. Конституирующие признаки высказывания.
22. Сравнительные характеристики предложения и высказывания.
23. Основные признаки текста. Структура разных типов текста.
24. Уровни текста. Единицы текста. Типы текстов.
25. Типология дискурса. Институциональный и персональный типы дискурса.
26. Структура Интернет-дискурса.
27. Кодовое переключения. Классификация кодовых переключений.
28. Дискурсивные маркеры различных типов дискурса.

ПЕРЕЧЕНЬ РЕКОМЕНДУЕМЫХ СРЕДСТВ ДИАГНОСТИКИ

В качестве средств диагностики компетенций студентов предлагаются:

- устный опрос;
- решение тестовых заданий аналитического характера;
- выполнение индивидуальных заданий;

ПРОТОКОЛ СОГЛАСОВАНИЯ УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЫ

Название учебной дисциплины, с которой требуется согласование	Название кафедры	Предложения об изменении в содержании учебной программы по изучаемой учебной дисциплине	Решение, принятое кафедрой, разработавшей учебную программу (с указанием даты и номера протокола)

ДОПОЛНЕНИЯ И ИЗМЕНЕНИЯ К УЧЕБНОЙ ПРОГРАММЕ

на 20 __/20__ учебный год

№ п/п	Дополнения и изменения	Основание

Учебная программа пересмотрена и одобрена на заседании кафедры менеджмента и коммуникаций (протокол №__ от . .20____)

Заведующий кафедрой

(ученая степень, ученое звание)

(подпись)

(И.О.Фамилия)

УТВЕРЖДАЮ

Декан факультета

(ученая степень, ученое звание)

(подпись)

(И.О.Фамилия)

4.2. Литература

Основная

1. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : учебник / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 2004. – 315 с.
2. Богданов, В. В. Текст и текстовое общение : учеб.пособие / В. В. Богданов. – СПб. : СПбУ, 1993. – 267 с.
3. Баркович, А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация : учеб. пособие по интернет-лингвистике / А. А. Баркович. – М. : Флинта : Наука, 2020. – 288 с.
4. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования : учебник / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 356 с.
5. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович – Мн. : МГЛУ, 2003. – 234 с.
6. Марков, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Марков. – М. : ГНО-ЗИС, 2003 – 436 с.
7. Мечковская, Н. Б. Структурная и социальная типология языков / Н. Б. Мечковская. – Мн. : БГУ, 2004. – 378 с.

Дополнительная

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Арутюнова, Н. Д. О значимых единицах языка / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., стер. – М. : ЛЕНАНД, 2019. – 64 с.
3. Васильев, А. Д. Интертекстуальность. Прецедентные феномены : учеб. пособие / А. Д. Васильев. – М. : Флинта, 2017. – 342 с.
4. Голуб, И. Б. Книга о хорошей речи / И. Б. Голуб, Д. Э. Розенталь. – М. : Культура и спорт : Юнити, 1997. – 268 с.

5. Диденко, А. С. Синтактика, семантика и прагматика каузальных, инкаузальных, пропорциональных и компаративных структур: опыт пресуппозиций, позиций и постсуппозиций / А. С. Диденко. – Краснодар, 2007. – 447 с.

6. Интертекстуальность и фигуры интертекста в дискурсах разных типов : коллектив. моногр. / науч. ред.: Т. Н. Колокольцева, В. П. Москвин. – 4-е изд., стер. – М. : Флинта, 2021. – 352 с.

7. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 390 с.

Содержание

Введение.....	3
1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ.....	5
2. ПРАКТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ	177
2.1. Практикум.....	177
2.2. Тематика семинарских занятий	194
3. РАЗДЕЛ КОНТРОЛЯ ЗНАНИЙ.....	196
3.1. Вопросы для самостоятельной работы студентов	196
3.2. Методические рекомендации по самостоятельной работе студентов.....	198
3.3. Примерный перечень вопросов к экзамену.....	203
4. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ.....	205
4.1. Учебная программа	205
4.2. Литература.....	220

Учебное электронное издание

Составитель
Ширяева Наталия Николаевна

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОММУНИКАЦИИ. СИНТАКТИКА

*Электронный учебно-методический комплекс
для обучающихся специальности
6-05-0231-03 Лингвистическое обеспечение
межкультурной коммуникации (английский и второй иностранный язык)*

[Электронный ресурс]

Редактор *А. Н. Голотвина*
Технический редактор *Ю. В. Хадьков*

Подписано в печать 29.05.2026.
Гарнитура Times Roman. Объем 1,3 Мб

Частное учреждение образования
«Институт современных знаний имени А. М. Широкова»
Свидетельство о регистрации издателя №1/29 от 19.08.2013
220114, г. Минск, ул. Филимонова, 69.

ISBN 978-985-547-536-2

9 789855 475362